ISSN-1563-2547

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

юридического факультета

Выпуск 28(38)

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2013**

ББК 67
У 91

Председатель редакционной коллегии
ректор СПбГЭУ, д. э. н. **И. А. Максимцев**

Научный редактор
декан юридического факультета, д. ю. н. **А. А. Ливеровский**

Редакционная коллегия:
д. п. н., проф. **В. А. Ачкасов**, д. ю. н., проф. **Г. Г. Бернацкий**,
д. э. н., д. ю. н., проф. **М. Н. Бродский**, д. ю. н., проф. **Л. Б. Ескина**,
д. ю. н., проф. **В. П. Кириленко**, д. ю. н., проф. **М. И. Клеандров**,
д. ю. н., проф. **В. А. Кряжков**, к. ю. н., проф. **М. А. Митюков**,
д. ю. н., проф. **В. А. Сапун**, д. ю. н., проф. **А. П. Сергеев**,
д. ю. н., проф. **В. И. Тюнин**, д. ю. н., доцент **А. Б. Новиков**

Ответственный секретарь
к. т. н., доцент **В. Н. Антонов**

У 91 **Ученые записки юридического факультета**. Вып. 26 (36) / Под ред. А. А. Ливеровского. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2013. – 95 с.

Первый выпуск журнала «Ученые записки» Института права Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов вышел в 1999 году. До 2004 года было опубликовано 10 выпусков журнала. В июне 2004 года журнал зарегистрирован как средство массовой информации под названием «Ученые записки юридического факультета». В журнале печатаются работы, посвященные теоретическим исследованиям в различных отраслях права и анализу юридической практики.

ББК 67

© Юридический факультет
Санкт-Петербургского государственного
университета экономики и финансов, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Теоретические исследования

Вилова М. Г. Справедливость как гарантия конституционного правосудия..... 5

Овсепян Ж. И. Конституционная экономика; конституционная политология; конституционная социология – как новые, междисциплинарные направления научных исследований в конституционном праве 10

Радошнова Н. В. Истоки криминализации и декриминализации в древнерусском праве 23

Раздел 2. Юридическая практика

Готчина Л. В., Носкова И. А. Реформирование законодательства о клевете и оскорблении..... 28

Владимирова Н. А. О предоставлении права отказа от наследства в пользу наследников по праву представления..... 33

Журавлев В. И. XXII Олимпийские зимние игры и XI Паралимпийские зимние игры 2014 года в Сочи: конституционные аспекты организации и проведения 37

Иванченко О. П. Европейский опыт подготовки гражданских дел к судебному разбирательству (на примере Франции) .....

Новиков А. Б., Новикова В. А., Грец М. Г. Применение статьи 15 Конституции 43
Российской Федерации в условиях Евразийского таможенного союза: соотношение международного и национального права..... 49

Пылин В. В. Декриминализация статьи «оскорбление» ослабила защиту чести и достоинства 57

Струкова М. А. Субъективная сторона фальсификации единого государственного реестра юридических лиц (ч. 1 ст. 170.1 УК РФ)..... 62

Тарайко В. И. Анализ личности экологического преступника 67

Раздел 3. Научно-методические работы

Ливеровский А. А., Мосин Е. Ф. Правовые позиции Конституционного Суда РФ по вопросам бюджетного обеспечения взаимодействия органов государственной власти субъекта РФ и органов местного самоуправления (*глава учебного пособия «Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам бюджетной деятельности субъектов Российской Федерации»*) 73

Part 1. Theory of law
Vilova M. G. Equity as a guarantee of the constitutional court proceedings 5
Ovsepian Z. I. Constitutional economics; Constitutional political; Constitutional sociology – as new, interdisciplinary fields of research in constitutional law 10
Radoshnova N. V. Source of criminalization and decriminalization in Old Russian law 23

Part 2. Legal practice
Gotchina L. V., Noskova I. A. Reforming of the legislation on defamation and insult 28
Vladimirova N. A. Necessary to give the right to refuse the inheritance in favor of the heirs by right of representation 33
Zhuravlev V. I. XXII Olympic winter games and the XI Paralympic XXII games of 2014 in Sochi: constitutional aspects of organization and conducting 37
Ivanchenko O. P. European experience training of civil cases for trial (on the example of France) 43
Novikov A. B., Novikova V. A., Grets M. G. Application of article 15 of the Russian Federation Constitution in terms of the Eurasian Customs Union: correlation between international and national law 49
Pylin V. V. The decriminalization of the article «insulting» weakened the protection of honor and dignity of the human 57
Strukova M. A. The subjective side of falsification the unified state register of legal persons (p.1 art. 170.1 of the Criminal Code of Russian Federation) 62
Tarayko V. I. Analysis of individual environmental criminal 67

Part 3. Scientific and methodological work
Liverovskiy A. A., Mosin E. F. The legal positions of the constitutional court of the Russian Federation concerning budgetary maintenance of interaction of public authorities of a subject of the Russian Federation and agencies of local self-government (*A chapter of the textbook «Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on budgetary activity of subjects of the Russian Federation»*) 73

Раздел 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

М. Г. Вилова
M. G. Vilova

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ГАРАНТИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ

EQUITY AS A GUARANTEE OF THE CONSTITUTIONAL COURT PROCEEDING

Актуальность проблем защиты прав человека и обеспечения гарантий его правового статуса создают необходимые предпосылки для исследования категории справедливости, поскольку вопросы понимания и воплощения принципа справедливости являются вечными по сути и ключевыми в процессе правоприменения.

«Jus est ars boni et aequi» («Право есть искусство добра и справедливости») – гласит принцип Ульпиана. Необходимыми в рамках настоящего исследования представляются определение понятия справедливости, установление соотношения между правом и принципом справедливости и взаимодействия между различными принципами права, а также изучение механизма конституционной защиты прав и свобод человека и гражданина.

Одной из центральных проблем в интерпретации категории справедливости является соотношение публичного и частного интереса. Права и свободы человека и гражданина по своей природе принадлежат к сфере публичного порядка, однако свою реализацию могут найти и в частном. Исходя из этого, возникает дихотомия выбора, заключающаяся в определении первичности личности или государства: то, что справедливо для общества и государства, так называемое общественное благо, не всегда справедливо по отношению к конкретному лицу. С указанным выбором, как правило, приходится сталкиваться Конституционному Суду Российской Федерации как высшему органу конституционного контроля.

Необходимо учитывать следующее: среди основных принципов деятельности Конституционного Суда Российской Федерации (ст. 5 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»[1]) категория справедливости не перечислена. Кроме того, в Конституции Российской Федерации категория справедливости встречается только в преамбуле. Вместе с тем при обращении к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации[2] (далее – ГПК РФ), Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации[3] (далее – АПК РФ) и Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации[4] (далее – УПК РФ) можно проследить в том или ином качестве упоминание о принципе справедливости (ст. 391.11 ГПК РФ, ст. 2 АПК РФ, ст. 6, 297, 360, 361, 367, 373, 381, 389.9, 389.28, 405 УПК РФ).

© М. Г. Вилова, 2013

[1] Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета. 1994. № 138–139.

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ: [официальный текст принят Гос. Думой РФ 23 октября 2002] (СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532).

[3] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ: [официальный текст принят Гос. Думой РФ 14 июня 2002] (Парламентская газета. 2002. № 140–141.

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [официальный текст принят Гос. Думой РФ 22 ноября 2001] (Там же. 2001. № 241–242).

Представляется, что Конституционный Суд Российской Федерации руководствуется принципом справедливости при отправлении им конституционного правосудия. Так, при рассмотрении конкретных дел высший орган конституционного контроля опирается на общеправовые принципы справедливости, юридического равенства, гарантии обеспечения и защиты государством прав и свобод человека и гражданина, возмещения государством всякого ущерба, причиненного личности незаконными действиями государственных органов и должностных лиц[5].

Указанные положения либо закреплены непосредственно в тексте Конституции Российской Федерации, либо выявляются в процессе толкования Основного закона и, как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации, обладают высшей степенью нормативной обобщенности, предопределяют содержание конституционных прав человека, отраслевых прав граждан, носят универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений. Общеобязательность таких принципов состоит как в приоритетности перед иными правовыми установлениями, так и в распространении их действия на всех субъектов права[6].

Кроме того, по мнению высшего органа конституционного контроля, ч. 3 ст. 17 и ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, содержащая конституционное требование соразмерности установления правовой ответственности, которое исходит из принципа справедливости, предполагает в качестве общего правила ее дифференциацию в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обусловливающих индивидуализацию при применении взыскания[7].

Конституционный Суд Российской Федерации также отмечает, что выраженным в Основном законе принципам справедливости и гуманизма и конституционному запрету дискриминации противоречило бы законодательное установление уголовной ответственности и наказания без учета личности виновного[8].

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 16.10.2012 № 22-П «По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 2 и части первой статьи 32 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Красноперова» суд подчеркнул, что цели не допустить лишения потерпевшего возможности защиты своих прав и законных интересов, которое противоречило бы общеправовому принципу справедливости и ущемляло закрепленные Конституцией Российской Федерации права на доступ к правосудию и на судебную защиту, соответствует обязанность федерального законодателя установить уголовно-процессуальные механизмы, в максимальной степени упрощающие жертвам преступлений доступ к правосудию[9].

В другом деле судебный орган конституционного контроля акцентирует внимание на том, что право собственности и иные имущественные права – в силу ст. 7, ч. 2 ст. 15, ч. 3 ст. 17, ч. 1 и 2 ст. 19, ст. 46, ч. 1 и 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации и исходя из

---

[5] Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.1993 № 1-П «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени оплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения законодательства о труде и Постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда Российской Федерации, регулирующих данные вопросы» // СЗ РФ. 1993. № 14. Ст. 508.

[6] Там же.

[7] Постановление Конституционного Суда РФ от 24 июня 2009 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 4 статьи 12, статей 22.1 и 23.1 Закона РСФСР “О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках” и статей 23, 37 и 51 Федерального закона “О защите конкуренции” в связи с жалобами ОАО “Газэнергосеть” и ОАО “Нижнекамскнефтехим”» // СЗ РФ. 2009. № 8. Ст. 3581.

[8] Определение Конституционного Суда РФ от 6 февраля 2004 г. № 27-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Московского районного суда города Санкт-Петербурга о проверке конституционности статьи 70 и части пятой статьи 74 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[9] Постановление Конституционного Суда РФ от 16.10.2012 № 22-П «По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 2 и части первой статьи 32 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Красноперова» // Российская газета. 2012. 26 окт.

общеправового принципа справедливости – подлежат защите на основе соразмерности и пропорциональности, а возможные ограничения федеральным законом прав владения, пользования и распоряжения имуществом, свободы предпринимательской деятельности и свободы договоров также должны отвечать требованиям справедливости[10].

Необходимо подчеркнуть, что Конституционный Суд Российской Федерации при отправлении им правосудия применяет принцип справедливости для индивидуализации ответственности, в качестве гарантии судебной защиты, а также как средство обеспечения реализации прав и свобод человека и гражданина.

В юридической науке отсутствует единодушие в понимании концептуальных основ категории справедливости. Вместе с тем большинство авторов сходятся во мнении, что справедливость имеет скорее моральную, этическую основу, чем строго правовую. Так, З. А. Бербешкина отмечает, что справедливость представляет собой «понятие морального сознания, характеризующее... правомерность оценки экономических, политических, правовых явлений действительности и поступков людей...»[11]. О. Э. Лейст подчеркивает, что справедливость является общей категорией и для морали, и для права[12].

По мнению автора настоящей статьи, справедливость представляет собой совокупность правовых, аксиологических и моральных правил, обеспечивающих функциональную защиту прав и свобод человека и гражданина, возможную в силу баланса конституционно преследуемых целей, и позволяющих оценивать правовые явления, происходящие в государстве.

Действительно, справедливость основывается на моральных и этических принципах, носит субъективный характер и во многом зависит от аксиологических представлений как личности, так и органов государственной власти и, прежде всего, Конституционного Суда Российской Федерации.

Важно учитывать, что Конституционный Суд Российской Федерации решает исключительно вопросы права (ст. 3 ФКЗ). Справедливость, по мнению большинства ученых, представляет собой объективный принцип права[13]. Существует также мнение, согласно которому справедливость пронизывает все содержание правовых норм и является качеством права[14]. Интересную позицию в данном вопросе занял советский ученый А. И. Экимов, полагающий, что «право приобретает свойство справедливости»[15], поскольку справедливость является принципом права.

Указанные рассуждения в большей степени тяготеют к либертатно-юридической концепции понимания права и отходят от строгого позитивизма. Действительно, невозможно представить категорию справедливости исключительно в качестве принципа права (либертатно-юридический подход) или его качества (позитивистский подход). По мнению автора настоящей статьи, право основывается на категории справедливости независимо от того, является справедливость его принципом или качеством, и, соответственно, соотношение права и категории справедливости не обладает противоречивым характером.

Представляется, что категория справедливости переплетена с иными принципами права – равенством и свободой.

По мнению Г. Н. Комковой: «Признание различных индивидов формально равными – это признание их равной возможности приобретения тех или иных прав на соответствую-

---

[10] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова» // СЗ РФ. 2012. № 21. Ст. 2697.

[11] *Бербешкина З. А.* Справедливость как социально-философская категория. М., 1983. С. 113–114.

[12] *Лейст О. Э.* Сущность права: Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 171.

[13] *Явич Л. С.* Общая теория права. Л., 1976. С. 150; *Мальцев Г. В.* Социальная справедливость и права человека в социалистическом обществе // Советское государство и право. 1974. № 11. С. 14; *Черданцев А. Ф.* Социалистическое право и справедливость // Справедливость и право: Межвузов. сб. науч. трудов. Свердловск, 1989. С. 5–15; *Чернов К. А.* Принцип равенства как общеправовой принцип российского права: Дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003. С. 127.

[14] *Орач Е. М.* Социалистическая справедливость советского права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1971. С. 7; *Баранов В. М.* Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов, 1989. С. 312–313; *Морозова Л. А.* Теория государства и права: Учебник. М., 2003.

[15] *Экимов А. И.* Справедливость и социалистическое право. Л., 1980. С. 120.

щие блага. Формальное равенство – это лишь правоспособность, абстрактная и свободная вероятность приобрести свое, индивидуально-определенное право на данный объект. При формальном равенстве и равной правоспособности неодинаковых людей их реально приобретенные права неизбежно (в силу различий между самими людьми, их реальными возможностями, условиями и обстоятельствами их жизни) будут неравными»[16].

С подобным мнением следует согласиться, поскольку закон предоставляет индивиду равные права и равные возможности и, в свою очередь, индивид прилагает усилия для их реализации. Однако фактически равенство отсутствует в силу индивидуальных качеств личности. Важно учитывать, что равенство пусть даже в формальном его воплощении, является необходимой движущей силой для самореализации личности. В сочетании со свободой равенство служит опорой для создания и поддержания демократического политического режима в стране.

В. С. Нерсесянц полагает, что фактическое равенство имеет рациональный смысл не только как отрицание (а именно как отрицание формального, правового равенства), но и как утверждение (как нечто позитивное); фактическое равенство – величина иррациональная[17].

«Принципиальная основа соотношения равенства и свободы как базовых ценностей новой российской демократии, – пишет Н. С. Бондарь, – должна находиться не в плоскости приоритетов одной из них, а в достижении баланса, их оптимального сочетания»[18]. Равновесие и сочетание равенства со свободой могут быть достигнуты благодаря синтетическому свойству категории справедливости. При рассмотрении и разрешении каждого отдельного случая правоприменителю необходимо брать за основу справедливое сочетание цели, ограничений и влияния принятого решения на свободу и равенство субъектов.

Разграничивая формальную и материальную справедливость, Р. Иеринг утверждал, что материальная справедливость призвана обеспечивать «внутреннее» равенство, баланс между заслугой и вознаграждением, возмездием и виной. Формальная справедливость выражается в равномерности применения закона к решению каждого конкретного случая, установлении внешнего равенства[19].

Справедливость в тесной связи с равенством и свободой находит свое органическое воплощение в институте юридической ответственности. Кроме того, в условиях рыночной экономики и поддержания конкуренции справедливость приобретает новое значение, которое заключается в пропорциональном распределении материальных благ в зависимости от комплекса факторов, таких как качество осуществляемой предпринимательской деятельности, ее рисковый характер и деловая репутация субъектов предпринимательской деятельности. Вместе с тем категория справедливости может вступить в некоторый конфликт с равенством и свободой в социальном государстве, где блага следует перераспределять, и в этом видится примат справедливости.

Правовой статус личности во многом зависит от наличия подлинного и гарантируемого равенства, а также справедливости как цели деятельности государственного аппарата и институтов гражданского общества. Кроме того, как отмечает Н. С. Бондарь, равенство и справедливость являются качественными показателями зрелости конституционного строя, всей системы общественных отношений[20].

С учетом изложенного Конституционный Суд Российской Федерации, разрешая вопросы права, неразрывно связан с триадой правовых принципов: равенством, свободой и справедливостью. При этом последняя категория должна рассматриваться как приоритетная конституционная ценность для защиты основ конституционного строя, прав и основных свобод человека и гражданина, а также необходимости поддержания баланса преследуемых целей.

---

[16] *Комкова Г. Н.* Конституционный принцип равенства прав и свобод человека в России. Саратов, 2002. С. 39–40.

[17] *Нерсесянц В. С.* Философия права. М., 2005. С. 19.

[18] *Бондарь Н. С.* Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011.

[19] *Иеринг Р.* Юридическая техника. СПб., 1912. С. 19.

[20] *Бондарь Н. С.* Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия.

В преамбуле к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. указано, что права и основные свободы являются гарантией справедливости. Соблюдение и обеспечение прав и основных свобод неизбежно приведет к достижению справедливости. Согласно п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Приведенное выше положение согласуется с п. 1 ст. 14 Международного Пакта от 16.12.1966 г. «О гражданских и политических правах», в котором указано, что все лица равны перед судом и трибуналом. Каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, или при определении его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

Таким образом, на международном уровне право на справедливое судебное разбирательство закреплено в гражданском и уголовном судопроизводствах. Между тем при неопределенности в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации тот или иной нормативный правовой акт, заявителю в рамках конституционного судопроизводства должно быть гарантировано право на справедливое судебное разбирательство.

Следует подчеркнуть, что справедливость, имея мультидисциплинарный характер, является ключевым звеном в оценке фактических обстоятельств при разрешении дел и принятии решений Конституционным Судом Российской Федерации. Принцип справедливости неразрывно связан с равенством и свободой, сглаживает возможные конфликты при реализации указанных принципов, отходит от их формальной декларации с целью максимально эффективной защиты прав и свобод человека и гражданина.

Аннотация. Принцип справедливости представляет собой одну из основных гарантий обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, а также является основополагающим элементом права. В связи с этим необходимым представляется исследование принципа справедливости и его применения в конституционном судопроизводстве, основанном исключительно на вопросах права. Баланс частных и публичных интересов невозможен в отсутствие справедливого соотношения цели и средств ее достижения. Указанная проблематика является предметом рассмотрения в настоящей статье.

Ключевые слова. Справедливость, права и свободы человека и гражданина, гарантия, Конституционный Суд Российской Федерации.

Annotation. The principle of equity is one of the fundamental guarantees that ensure and protect human rights and fundamental freedoms. It is a basic element of the law as well. In this regard, the pressing need to investigate the principle of equity and its application throughout the constitutional proceedings which are based on questions of law solely is established. The balance of private and public interests can not be achieved in the absence of a fair correlation of the goal and means of attaining it. This problem is the subject of the present piece of work.

Keywords. Equity, human rights, the guarantee, the Constitutional Court of the Russian Federation.

Ж. И. Овсепян
Z. I. Ovsepian

К 20-летию Конституции Российской Федерации

КОНСТИТУЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА; КОНСТИТУЦИОННАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ; КОНСТИТУЦИОННАЯ СОЦИОЛОГИЯ – КАК НОВЫЕ, МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ

CONSTITUTIONAL ECONOMICS; CONSTITUTIONAL POLITICAL; CONSTITUTIONAL SOCIOLOGY-AS NEW, INTERDISCIPLINARY FIELDS OF RESEARCH IN CONSTITUTIONAL LAW

Ученые записки юридического факультета. Вып. 28 (38). 2013

Нынешний, 2013, год является годом 20-летнего юбилея Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 г. Конституция – Основной закон государства, в котором провозглашаются основополагающие принципы государственного устройства, принципы взаимоотношений государства, общества и человека (гражданина), сфера государственного усмотрения, а также общественной и индивидуальной свободы. Каждая юбилейная дата неизменно ставит перед темой оценок Конституции и вопросом о критериях реализации Конституции, об уровне реализации на практике ее положений, о тенденциях социально-правового развития на основе Конституции. В связи с этим в науке конституционного права обнаруживаются необходимость в новых подходах к исследованию и изучению конституционного права: не только традиционного (общего) конституционного права, но и специальных направлений в конституционном праве, которые позволяют проводить научные исследования более эффективно с точки зрения вопросов практической востребованности. Во-первых, возникновение новых направлений в конституционном праве отражает усиление правовой мощи Конституции в России вследствие учреждения специализированных органов конституционного правосудия, вследствие провозглашения конституционных норм о правах и свободах непосредственно действующим правом и осознания обществом значения норм конституционного права как инструментов обеспечения демократического развития.

Следствием соответствующих трансформаций является, прежде всего, возникновение двух отраслей конституционного судебного права. К ним мы относим: конституционно-судебное материальное право и конституционно-судебное процессуальное право. Под конституционно-судебным материальным правом нами понимается совокупность правовых позиций, созданных в процессе осуществления конституционного правосудия, представляющих собой положения о толковании конституционных норм, данные Конституционным Судом РФ и конституционными (уставными) судами субъектов РФ. Конституционно-судебное процессуальное право – это совокупность конституционно-правовых норм и институтов, регулирующих конституционное судоустройство и порядки конституционного судопроизводства.

Во-вторых, возникновение новых направлений в конституционном праве связано с формированием их в междисциплинарном формате, что является отражением потребности в использовании в конституционно-правовом регулировании (правотворчестве и правоприменении), конституционно-правовых исследованиях инструментария и методологий неюридических отраслей с целью эффективного мониторинга конституционно-правового законодательства и практики.

© Ж. И. Овсепян, 2013

Соответствующие тенденции – к междисциплинарным исследованиям на базе общего конституционного права обнаруживаются в том, что начаты исследования по таким новым направлениям конституционно-правовой науки, как «конституционное право и экономика»; «конституционное право и политика»; предвидим и перспективу такого междисциплинарного направления, как «конституционное право и социология». Первое из междисциплинарных направлений получило наименование «конституционная экономика»; второе и третье можно было именовать, соответственно, «конституционной политологией» и «конституционной социологией».

В-третьих, возникновение новых направлений в конституционном праве происходит по той причине, что при сохранении их автономности конституционно-правовые нормы сближаются в своем регулятивном воздействии с нормами иных отраслей права и иными социальными нормами. Кроме того, рассматриваемые аспекты в научных исследованиях возникают вследствие того, что регулятивное действие конституционно-правовых норм корректируется под воздействием процессов конвергенции публичного и частного отраслей права.

Развитие междисциплинарных направлений в конституционном праве необходимо не только для формирования критериев реализации Конституции и установления уровня реализации на практике ее положений, выявления тенденций социально-правового развития на основе Конституции посредством научного инструментария конституционного права. Потребность в междисциплинарном подходе связана и с возможностью использования в конституционно-правовом регулировании (правотворчестве и правоприменении), конституционно-правовых исследованиях инструментария и методологий неюридических отраслей с целью эффективного мониторинга конституционно-правового законодательства и практики. Среди исследователей направления «Конституционное право и экономика» («конституционная экономика») в России такие авторы, как Автономов В. С., Андреева Г. Н., Баренбойм П. Д., Бондарь Н. С., Гаджиев Г. А., Кутафин О. Е., Лафитский В. И., Мау В. А., Чиркин В. Е. и др.[1] Междисциплинарное направление «Конституционное право и политика», или, как мы предлагаем его назвать «Конституционная политология», в российской науке конституционного права представлено в трудах следующих авторов: Степанов И. М., Ржевский В. А., Кутафин О. Е., Малько А. В., Матузов Н. И., Комкова Г. Н., Боброва Н. А., Пряхина Т. М., Рыбаков О. Ю. и др. Мы видим перспективу в научных исследованиях и образовательном процессе по конституционному праву и по такому направлению, как «Конституционное право и социология».

Соответствующие подходы в ряде стран увязываются с вопросами относительно предмета, системы, а иногда и наименования общей отрасли, научной доктрины, учебной дисциплины конституционного права. Так, применительно к соответствующей отрасли юридической науки и учебной дисциплины в зарубежных странах можно отметить следующие особенности наименования по странам. Допустим, «в Великобритании и некоторых других англоязычных странах учебные курсы и монографии нередко имеют название «Конституционное и административное право». Во многих странах основной материал конституционного права входит в дисциплину, называемую политологией, политической наукой, политической социологией. Во Франции декретом от 27 марта 1954 г. на всех юридических факультетах введен курс «Конституционное право и политические институты». По данным проф. Л. В. и В. В. Бойцовых: «В последнее время... во многих странах

Ученые записки юридического факультета. Вып. 28 (38). 2013

[1] *Андреева Г. Н.* Экономическая конституция в зарубежных странах. М., 2006; *Баренбойм П. Д.* О соотношении конституционного права и конституционной экономики // Право и экономика. 2002. № 1. С. 3; *Гаджиев Г. А.* Конституционные принципы рыночной экономики // Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. М., 2202; *Автономов В. С.* Модель человека в экономической теории и других социальных науках // Историка. 1998. № 3; *Баренбойм П. Д., Лафитский В. И.* (ред.). Очерки конституционной экономики: статус Банка России. М., 2001; *Мау В.* Конституционное регулирование социально-экономических отношений // Вопросы экономики. 1999. № 4; Правовая реформа. Судебная реформа. Конституционная экономика / Сост. П. Баренбойм. М., 2004; Очерки конституционной экономики. 23 октября 2009 г. / Отв. ред. Г. А. Гаджиев. М., 2009; *Чиркин В. Е.* Юридическое лицо публичного права. М., 2007; *Кутафин О. Е.* Субъекты конституционного права Российской Федерации как юридические и приравненные к ним лица. М., 2007.

наблюдаются перемены: учебные курсы изменяют название и содержание ("Конституционное право и политические институты", "Конституционное право и политическая наука"). Конституционалисты сходятся во мнении: преподавание конституционного права должно основываться на толковании текстов и изложении фактов»[2].

Конституционное право и экономика («конституционная экономика»). Развитие законодательства и разработка научной доктрины, а также изучение конституционной экономики в юридических вузах соответствует периоду вхождения России в систему рыночных экономических отношений, что объективно требует обеспечения конституционализации государственно-правового воздействия на экономическую и социальную сферы. Требования конституционализации экономических и социальных отношений означают расширение конституционного влияния на регулирование экономических и социальных отношений; проникновение конституционно-правовых норм в сферу иного отраслевого воздействия на социально-экономические отношения, что обеспечивает интеграцию в правовую практику функционирования государства основополагающих конституционных принципов, отражающих качественные характеристики демократического конституционного строя. Условием и предпосылкой конституционализации экономики является возрастание активности и масштабов государственного участия в экономике в двух качествах: и как одного из хозяйствующих субъектов, и как субъекта конституционно-правовых отношений, устанавливающего условия и порядки экономической – предпринимательской деятельности, что, в свою очередь, требует установления пределов государственного вмешательства в экономическую сферу как субъекта публично-правового регулирования экономической сферы в нормах Конституции – Закона самой высокой юридической силы, рассчитанного на наиболее продолжительный срок действия.

Необходимость развития (совершенствования) конституционно-правового регулирования и соответствующей правоприменительной практики, а также проведения научных исследований конституционной экономики как подотрасли конституционного права и ее преподавания (изучения) в юридических вузах обусловлены следующими потребностями:

– акцентирование внимания в законодательной и правоприменительной практике на выявлении всей системы норм, относящихся к экономике, которые содержатся в Конституции РФ 12 декабря 1993 г., и совершенствовании конституционно-правового регулирования экономических норм и институтов;

– формирование политической практики деятельности органов и должностных лиц публичной власти в соответствии с требованиями конституционных принципов экономического строя;

– формирование в юридическом профессиональном правосознании (у студентов-юристов) представлений об экономическом содержании основных понятий экономической теории, имеющих и статус юридических дефиниций, и знаний об основных конституционно-правовых категориях, связанных с категориальным аппаратом экономической науки;

– научные исследования (изучение в вузах) конституционно-правовых основ экономического общественного строя в зарубежных странах;

– научные исследования (изучение вузах) истории конституционного регулирования экономических и социальных отношений в СССР и РСФСР;

– научные исследования (изучение вузах) истории интеграции конституционных принципов рыночной экономики в хозяйственную систему России с конца XX столетия;

– научные исследования (изучение в вузах студентами-юристами) экономического и социального содержания действующей Конституции РФ (12 декабря 1993 г.);

– научные исследования (изучение в вузах) статусов физических и юридических лиц как субъектов производственно-экономических и социально-трудовых конституционно-правовых отношений в РФ;

– формирование у студентов общетеоретического экономического и конституционно-правового, межотраслевого представления о статусе государства и муниципальных обра-

[2] *Бойцова В. В., Бойцова Л. В. и Сорокин С. В.* Образовательный и научный проект «Конституционное право России и зарубежных стран в сравнительной перспективе» при поддержке Института «Открытое общество» // www.osi.ru С. 36.

зований как политико-территориальных корпораций, являющихся не только субъектами публичной власти (в лице своих органов и должностных лиц), но и хозяйствующими субъектами – юридическими лицами публичного права;

– научные исследования (изучение в вузах) концепции юридического лица публичного права;

– научные исследования (изучение в вузах студентами-юристами) темы о конституционно-правовых основах государственной и муниципальной собственности; конституционно-правовых основах разграничения важнейших объектов собственности и полномочий собственности между тремя уровнями публичной власти (Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований);

– комплексное, межотраслевое изучение конституционно-правовых и иных отраслевых правовых основ разграничения между РФ, субъектами РФ и муниципальными образованиями: бюджетных ресурсов, налоговых поступлений, земельной собственности и собственности на иные природные ресурсы;

– изучение порядка и организационно-правовых форм осуществления государственными и муниципальными образованиями функций участников коммерческого оборота;

– научные экономико-юридические исследования (получение студентами-юристами экономических знаний) о статусе предпринимательских объединений, межрегиональных ассоциаций;

– формирование знаний об экономической регионализации в РФ, в том числе о типах и статусах экономических зон;

– научные исследования (углубленное познание студентами-юристами) вопросов о судебных и несудебных конституционно-правовых механизмах обеспечения полномочий, прав и свобод субъектов экономических и социальных конституционно-правовых отношений.

Помимо углубленного изучения содержания, системных связей, практических функциональных характеристик экономических норм Конституции РФ, сфера познания в рамках направления «конституционная экономика» затрагивает и финансово-бюджетное законодательство, так как бюджет – это важнейшая экономико-правовая категория, денежный фонд государственного или муниципального образования, находящийся в собственности соответствующего государственного (политико-территориального) субъекта, поэтому среди источников, которые рекомендуются к углубленному изучению в рамках экономического направления в конституционно-правовой доктрине, – Бюджетный кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ, иное бюджетное и налоговое законодательство. Предмет исследования по направлению «конституционная экономика» включает, в частности, такие аспекты нормативного регулирования и учебного познания, как соотношение бюджетов и бюджетных полномочий трех уровней политико-территориальной организации РФ, а также соответствующих налоговых поступлений и налоговых полномочий в РФ.

В числе важнейших аспектов конституционно-правового регулирования, научно-доктринального анализа и учебного познания – природно-ресурсный аспект в конституционном праве, поскольку земля и другие природные ресурсы – это важнейшие относящиеся к особой категории объекты собственности, представляющие собой особое по его природе имущество, именуемое в конституционно-правовых источниках «всенародным, общенациональным достоянием». Конституционно-правовой аспект конституционной экономики связан и с разграничением объектов собственности, и с разграничением предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией, субъектами РФ и муниципальными образованиями.

Важными аспектами научных исследований и профессионального образования по анализируемому междисциплинарному направлению являются анализ и изучение экономических и социальных конституционных прав и свобод физических и юридических лиц в РФ на основе формально-юридического и социологического методов, а также выявление экономических полномочий и предметов ведения политико-территориальных образований и экономической компетенции органов и должностных лиц публичной власти всех территориальных уровней.

В юридической науке высказываются следующие представления о понятии и предмете конституционной экономики. П. Д. Баренбойм, Г. А. Гаджиев, В. И. Лафитский,

Ученые записки юридического факультета. Вып. 28 (38). 2013

В. А. Мау считают, что конституционная экономика как научное направление – это направление, в научных исследованиях «изучающее принципы оптимального сочетания экономической целесообразности с достигнутым уровнем конституционного развития, отраженных в нормах конституционного права, регламентирующих экономическую и политическую деятельность в государстве»[3]. По мнению Г. Н. Андреевой: «Экономическая конституция может быть исследована, по крайней мере, в трех аспектах: во-первых, в теоретическом плане как научная концепция; во-вторых, в нормативном, с точки зрения содержания экономических положений в конституциях; и, наконец, в практическом плане, т. е. как реализация конституционных положений в правоприменительной практике, включая решения органов конституционного контроля, интерпретирующих конституцию. Воссоздание всех трех аспектов дает полную картину экономической конституции»[4].

По нашему мнению, предмет исследования (познания) конституционной экономики и конституционно-правового регулирования экономической сферы можно определить, отталкиваясь от понятия «экономика». Оно многозначно. В философском смысле понятие «экономика» означает «совокупность производственных отношений, которые возникают между людьми в процессе социального производства, экономический базис общества. Экономика включает отношения производства, распределения, обмена и потребления, основу которых образуют отношения собственности на средства производства»[5] (т. е. на наиболее крупные объекты собственности).

В социологическом смысле понятие «экономика» означает «народное хозяйство страны, которое включает области материального производства (промышленность, сельское хозяйство, строительство, транспорт и др.) и области непроизводственной сферы или нематериального производства (образование, здравоохранение, культура и др.)»[6]. Экономика как отрасль науки – это сфера исследований функциональных аспектов «развития экономики (финансы и кредит, ценообразование, экономика работы, материально-техническое снабжение и т. д.)», на основе общетеоретического методологического подхода и в контексте отраслевых особенностей организации народного хозяйства («экономика промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта и др.»)[7].

По нашему мнению, конституционная экономика – это подотрасль конституционного права, совокупность конституционно-правовых норм, учреждающих деполитизированную систему экономики, подчиняющуюся предписаниям права, функционирующую на основе приоритета конституционных принципов над государственным усмотрением. Глобализация предполагает эволюцию экономического порядка общества в странах мира с середины XX столетия и в третьем тысячелетии, экономическую функцию государства, переход от концепции государства как ночного сторожа к концепции государства как активного регулятора экономики, расширение вмешательства государства в экономические процессы. Это не исключает проблему установления правовых пределов государственного (политического) вмешательства в экономику. Однако в новое время востребована новая концепция правовых пределов государственного участия в экономике. Это не исключает проблему установления правовых пределов государственного (политического) вмешательства в экономику. Однако в новое время востребована новая концепция правовых пределов государственного участия в экономике.

Конституционная экономика есть правовой предел вмешательства государства в сферу предпринимательства в период необходимого, обусловленного процессами глобализации расширения государственного вмешательства в сферу частнопредпринимательской деятельности, установленный в Конституции государства с середины XX в. и в третьем

---

[3] *Баренбойм П. Д., Гаджиев Г. А., Лафитский В. И., Мау В. А.* Конституционная экономика: Учебник для юридических и экономических высших учебных заведений. М., 2006. С. 10.

[4] *Андреева Г. Н.* Экономическая конституция в зарубежных странах. М., 2006. С. 3.

[5] Философский словарь / Под общ. ред. А. П. Ярещенко. Ростов н/Д., 2004. С. 520–521.

[6] Там же. С. 521.

[7] Там же.

тысячелетии. Конституционная экономика – это совокупность конституционно-правовых нормоустанавливающих ограничений государственного вторжения в экономическую сферу. Конституционный характер экономики предполагает минимальное вмешательство государства в сферу частного предпринимательства; функционирование государства в системе экономических рыночных отношений преимущественно в статусе хозяйствующего субъекта, а не носителя властных полномочий. Конституционная экономика в узком смысле – это сфера воспроизводства государственного и муниципального сектора экономики. Конституционные принципы социального государства являются ограничителями вмешательства государства в сферу экономики.

Представляется, что система конституционной экономики как подотрасли науки конституционного права и учебной дисциплины в вузах может быть представлена в следующих модулях.

Модуль 1. Конституционализм. Конституционализация социально-экономической сферы в Российской Федерации конца XX – начала XXI в.

Модуль 2. Конституционная экономика как деполитизированная модель экономики, научная теория и подотрасль конституционного права. Экономика и отрасли внутригосударственного частного права. Экономика и отрасли внутригосударственного публичного права. Бюджетный федерализм к вопросу об экономической рационализации конституционного права.

Модуль 3. Теория и история конституционного регулирования экономики в России и зарубежных странах. Экономическая функция государства в третьем тысячелетии. Концепция государства как ночного сторожа. Концепция государства как активного регулятора экономики. Пределы государственного (политического) вмешательства в экономику. Концепция социального государства как ограничителя вмешательства государства в сферу экономики.

Модуль 4. Восприятие конституционных принципов рыночной экономики в хозяйственной системе России конца с XX столетия. Объекты конституционно-правовых отношений в сфере конституционной экономики.

Модуль 5. Субъекты конституционно-правовых отношений в сфере конституционной экономики. Юридические лица публичного права как субъекты конституционно-правовых отношений.

Модуль 6. Территория как пространственная основа формирования и функционирования конституционной экономики.

Модуль 7. Конституционно-правовые способы защиты конституционных экономических принципов и свобод.

Конституционное право и политика (Конституционная политология)

Периоду вхождения России в систему рыночных экономических отношений соответствуют требования обеспечения конституционализации государственно-правового воздействия не только на экономическую и социальные сферы, но и сферу государственной политики, поскольку само государство становится не только носителем власти и легитимного принуждения, но и одним из субъектов рыночных отношений. Отсюда в научных юридических исследованиях очевидна актуальность такого междисциплинарного направления, как право и политика, прежде всего «конституционное право и политика», или – назовем его – «конституционная политология».

Исследования соотношения «конституция и политика» имеют более протяженную историю в сравнении с исследованиями дихотомии «конституция и экономика». Для проведения соотношения вначале обратимся к понятию «политика». В политологической литературе указывается: «В массовом сознании термин “политика” обычно употребляется в двух смыслах. В первом случае он отождествляется с управлением каким-либо процессом. Например, “экономическая политика” или “политика в области образования” означает, что проблемы, накопившиеся в экономике и образовании, требуют внимания и контроля со стороны государства. Во втором случае под политикой понимают любую целенаправленную деятельность, связанную с такими характеристиками активного человеческого начала, как способность сознательно ставить цели и определять средства для их достижения, а также

Ученые записки юридического факультета. Вып. 28 (38). 2013

умение соизмерять затраты и результаты. В данной ситуации политика отождествляется с понятием "стратегия"»[8].

Специалисты-политологи указывают также: «Мир политического отличается от иных сфер жизнедеятельности общества (экономической, социальной, культурной т. д.) атрибутивными свойствами.

Во-первых, в отличие от других социальных институтов (например, морали, экономики) политика служит удовлетворению не личных потребностей, а общезначимых групповых интересов, реализация которых невозможна без вмешательства государственной власти. Политика существует везде, где нет стихийного спонтанного согласия, но есть потребность в общей позиции, согласованном поведении и в общем упорядочении общественных отношений. Взаимодействия групп, общностей оказываются политическими тогда, когда становится очевидным, что их притязания не могут быть реализованы без вмешательства государства.

Во-вторых, не менее существенная черта политики связана с существованием институтов публичной власти: государства с бюрократическим аппаратом, армией и т. д., необходимых для согласования различающихся групп интересов, обеспечения целостности общества и эффективности его функционирования. Эффективность и осязаемость политики как социального института в отличие от других регуляторов общественных отношений (морали, религии, традиций и т. д.) обусловлены наличием такого ее элемента, как государственная власть»[9].

В политологической литературе обращается внимание на следующее: «В определении содержания политики специалисты нередко проводят различие между общественным и частным»; политика в связи с этим определяется как «авторитарное распределение ценностей»[10]. В политологических кругах также отмечается, что фундаментальная роль в развитии политического процесса принадлежит конфликтам, что это «не подлежит сомнению», но «не меньшую роль играет в политике согласие, или консенсус»[11]. Специалисты указывают: «Конфликт и консенсус часто воспринимаются как своеобразные полюсы политического континуума: то, что приближается к конфликтной точке», приобретает все более политический характер, и наоборот. Однако специфика отдельных элементов политической жизни может быть адекватно представлена только сквозь призму взаимодействия этих диаметрально противоположных пунктов. Крайняя точка конфликта иногда означает одновременно и определенную форму согласия... угроза полного разрушения государства или всего сообщества в результате конфликта устанавливает тот предел, за который он выйти уже не может»[12].

Принимая во внимание приведенные выше определения понятия «политика», обратимся к вопросу о соотношении его с понятиями «право», «конституция». В юридической науке указываются следующие дефиниции. По мнению проф. А. В. Малько: «Одной из первых работ в этом направлении можно считать "Курс конституционной политики" (1816–1820) Б. Констана, в которой он, используя термин "Конституционная политика", обосновал необходимость деконцентрации власти государства посредством ее разделения, что могло выступать как гарантия против произвола политиков, как одно из условий прогрессивного развития общества и права»[13]. В современный период исследования соотношения политики и права ведутся в России представителями разных отраслей права (как публичного, так и частного). Вместе с тем, как справедливо отмечает А. В. Малько, «среди отраслевых видов правовой политики все заметнее становится политика конституционная», она «по своей злободневности все больше и больше выдвигается на первый план среди всех иных разновидностей правовой политики»[14].

В первых российских исследованиях конституционной политики в новое время политический аспект в Конституции исследовался в увязке с анализами выделяемого в рос-

[8] Цит. по: *Мухаев Р. Т.* Политология: Учебник. М., 2012. С. 34.

[9] Цит. по: Там же. С. 35.

[10] Политология: Учебник / Под ред. В. А. Ачкасова и В. А. Гуторова. М., 2006. С. 21.

[11] Там же. С. 22.

[12] Там же. С. 22–23.

[13] Constant B Cours de politique constitutionelle. Bruxelles, 1851. T. 1 (цит. по: *Малько А. В.* Теория правовой политики. М., 2012. С. 6, 230).

[14] *Малько А. В.* Теория правовой политики. С. 230.

сийской науке конституционно-правового института общественного строя. Одним из распространенных в российской науке определений сущности общественного строя являлась его характеристика через категорию «политика». Развернутые обоснования этой позиции можно найти в трудах проф. В. А. Ржевского, проф. В. М. Степанова, других авторов. Так, В. А. Ржевский в своей научной статье (1967 г.)[15], одноименной монографии (1974 г.) предложил отказаться от понятия «общественное устройство» (использовалось в конституциях СССР 1936 г., РСФСР 1937 г.) и перейти к новому – «общественно-политический строй»[16]. Оценивая позицию В. А. Ржевского, О. Е. Кутафин писал: «В. А. Ржевский, признав, что наиболее удачным, нацеленным на комплексное рассмотрение институтов социально-экономической и политической организации общества, закрепляемых конституционным законодательством социалистических стран, является название "общественно-политический строй", определил общественно-политический строй СССР как закрепленную Советским государством в его Конституции систему основ господствующих социально-экономических отношений и важнейших политических основ государства и общества, выражающих деятельность государственной власти в СССР»[17].

Соответствующие предложения об отражении в наименовании конституционно-правовой категории «общественный строй» особой значимости политики в формировании системы отношений общественного строя, которые обосновывались названными выше и другими авторами, были восприняты в процессе разработки последних советских конституций. Так, в опубликованном «для всенародного обсуждения» проекте Конституции СССР 1977 г. содержался раздел I «Основы общественно-политического и экономического строя». А в принятой 7 октября 1977 г. Конституции СССР раздел I носил название «Основы общественного строя и политики СССР»[18].

Весьма оригинальные исследования значимости (статуса) политики как системообразующего общественный строй феномена даны в трудах проф. И. М. Степанова. Ученый указывал: «Понятие "общественный строй" с юридической точки зрения означает характер политико-правовой организации общественных отношений и процессов, формы их конституирования, регулирования и совершенствования»[19]. По его мнению, «основы общественного строя и политики составляют круг однородных и взаимосвязанных отношений»[20], поэтому «общественный строй и политика должны определяться в органическом единстве»[21]. Автор указывает также, что суть взаимосвязей политики с обществом в том, что «политические отношения как особый вид общественных отношений выступают в качестве системообразующего фактора, а собственно политика, т. е. практическая политическая деятельность, – в качестве активной движущей силы всего социального организма»[22].

И. М. Степанов видел в политике интегративное начало не только фактического общественного строя, общественного строя как социологического феномена, но и как конституционно-правовой категории. В соответствии с формулировкой И. М. Степанова: «В конституционно-правовом институте основ общественного строя и политики как целостном социально-правовом феномене политика занимает свое определенное, четко выраженное место. Ее принципами пронизаны все структуры общественного строя как в его широком, так и в более узком смысле»[23]. По образному определению И. М. Степанова, «каждый конституционный принцип... несет в себе определенный политический заряд»[24].

Ученые записки юридического факультета. Вып. 28 (38). 2013

---

[15] *Ржевский В. А.* О понятии и конституционном закреплении общественно-политического строя СССР // Правоведение. 1969. № 1. С. 48.

[16] *Ржевский В. А.* Общественно-политический строй СССР как воплощение советского народа. Ростов, 1974. С. 8; и др.

[17] *Ржевский В. А.* О понятии и конституционном закреплении общественно-политического строя СССР. С. 48 (цит. по: *Кутафин О. Е.* Конституционные основы общественного строя СССР. М., 1985. С. 7).

[18] См. об этом: *Кутафин О. Е.* Конституционные основы общественного строя и политики СССР. С. 7, 8).

[19] *Степанов И. М.* Конституция и политика. М., 1984.

[20] Там же. С. 16.

[21] Там же. С. 11.

[22] Там же. С. 9.

[23] *Степанов И. М.* Право и политика. С. 22.

[24] Там же. С. 11.

Наконец, И. М. Степанов указывал не только на системообразующее значение политики для функционирования отношений общественного строя, он обращал также внимание на то, что «политика выступает в качестве относительно самостоятельного объекта конституционно-правового регулирования, если рассматривать ее как стройную, нормативно упорядоченную систему задач, функций и целей государства, направлений его тактического и стратегического курса. В этом плане политику можно даже трактовать как подинститут конституционно-правового института основ общественного строя и политики СССР»[25]. Однако И. М. Степанов был против выделения конституционных основ политики в самостоятельный государственно-правовой институт наряду с институтом основ общественного строя[26].

Помимо вышеназванных авторов, на определяющую и интегративную роль политики по отношению к общественному строю (в правовом регулировании общественного строя) указывали (указывают) и многие другие ученые (проф. В. В. Копейчиков, Д. А. Керимов и др.) в произведениях, изданных еще в советский период развития. Так, в связи с анализом раздела II Конституции СССР 1977 г., называвшегося «Основы общественного строя и политики», В. В. Копейчиков писал: «Здесь речь идет не о каких-то раздельных характеристиках общественного строя и политики, а о том, чтобы закрепить в Конституции основы советского общественного строя, рассматривая их сквозь призму социалистической политики, определяя общественный строй и политику в органическом единстве»[27].

В российской юридической литературе постсоциалистического периода определения общественного строя, основанные на выделении политики в качестве ее существенного свойства, встречаются в ряде учебников по конституционному праву зарубежных стран. В частности, в известном четырехтомном курсе по конституционному (государственному) праву зарубежных стран под ред. Б. А. Страшуна отмечается: «Политический момент при государственной организации общества присутствует практически в большинстве общественных отношений или, во всяком случае, во многих из отношений, отнесенных к другим группам»[28] (под последними понимаются экономические, социальные и др. – *Ж. О.*). И. А. Алебастрова также указывает на решающую роль политики в состоянии общественного строя. Она видит взаимосвязь в следующем: «Государство оказывает воздействие на общественный строй путем проведения той или иной политики во всех сферах жизни общества, т. е. его политика затрагивает все элементы общественного строя (общеизвестны такие выражения, как экономическая политика, социальная политика, культурная политика государства)»[29]. Обобщающее определение конституционного строя, основанное также на проведении его соотношения с политикой и имеющее философский смысл, дано в работах Н. А. Бобровой. По ее определению: «Конституционный строй есть сложное и многофункциональное политико-юридическое понятие... Конституционный строй – это и цель, и средство, и процесс, и результат» политики (дополнение *Ж. О.*). «Причем эти “точки измерения” конституционного строя меняются местами в зависимости от того», на каком этапе (дополнение *Ж. О.*) и «в интересах какого субъекта политики он измеряется»[30].

Изначально (в период гражданской революции) конституционный строй является (являлся) целью политики. После его юридического установления конституционный строй приобретает качество механизма властвования. Это означает, что со времени его юридического закрепления конституционный строй, «продолжая быть объектом политики и полем политических битв», в системе политических отношений занимает особое место – «политического ядра общественных отношений»[31]. Это означает, что с момента его конституционного провозглашения конституционный строй становится больше средством

[25] *Степанов И. М.* Конституция и политика. С. 22.

[26] Там же. С. 23.

[27] *Копейчиков В. В.* Конституции развитого социализма: Теоретические основы, сущность, функции. Киев.

[28] *Рыжов В. А.* Определение и структура общественного строя // Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть / Отв. ред. Б. А. Страшун. 3-е изд. М., 1999. С. 89.

[29] *Алебастрова И. А.* Конституционное право зарубежных стран / Отв. ред. С. Ю. Кашкин. М., 2001. С. 98.

[30] *Боброва Н. А.* Конституционный строй и конституционализм в России // Закон и право ЮНИТИ. 2003. С. 39–40.

[31] Там же. С. 40.

и процессом политики. Однако это новое качество конституционного строя проявляется уже в иной социальной обстановке, поскольку после его конституционного закрепления конституционный строй «начинает жить самостоятельной жизнью, полностью исключающей его насильственное изменение»[32]. Таким образом, общественный (конституционный) строй в российской юридической науке определяется как объект, цель, средство, процесс и результат (воплощение) политики.

В анализируемый период наметился и более широкий подход к определению соотношения понятий «Конституция и политика», не ограниченный лишь поиском норм о политике в одном (хотя и ведущем) из институтов конституционного права. Так, в монографии И. М. Степанова указывается: «В той мере, в какой право выражает и закрепляет долговременную политику (а это относится ко всем нормам Конституции), оно служит основой текущей политики. В этом смысле можно сказать, что не политика определяет право, а, наоборот, право политику»[33]. И. М. Степанов критически оценил идеи западной политологии, которая, «по словам В. А. Туманова, взлелеяла себя на идее “деюридизации” исследований в сфере политики, “высвобождения” их из “гнетущих оков” формальной догматики»[34]. В российской науке критически оценивается афоризм известного американского социолога Т. Парсонса, который писал: «1) Политика динамична и, следовательно, прогрессивна, право стабильно и, следовательно, консервативно. Чем больше в обществе политики, тем меньше в нем права»[35].

Профессора В. В. и Л. В. Бойцовы идентифицируют конституционную политику прежде всего с конституционной действительностью, а также с компаративистикой. Они пишут: «Исследование только конституционных текстов не позволяет составить представление о конституционном праве. Во-первых, текст Конституции не исчерпывает конституционную проблематику. Во-вторых, конституционный документ нередко противоречит конституционной действительности. Наконец, политическая практика нередко порождает новые политические институты, не регламентированные конституцией». По их определению: «Упрощенное видение правового мира, изоляционизм в праве остались, мы надеемся, в прошлом... Юридическая элита, а не только политики стали архитекторами социально-политических и юридических преобразований»[36].

В научных статьях и монографии А. В. Малько «Теория правовой политики» дается наиболее обстоятельное изложение новых, широких подходов к определению конституционно-правовой политики. По его дефиниции: «Конституционно-правовая политика есть научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма конституционно-правового регулирования, по оптимизации конституционного развития конкретной страны»[37]. А. В. Малько отмечает также: «Конституционно-правовая политика призвана организовать процесс конституционного строительства России, так как он не может протекать в стихийном ключе и в конституционно-правовой сфере тоже нужны своя стратегия, логика и система действий. Конституционно-правовая политика как особое направление правовой политики имеет свое содержание и особенности. В рамках данной политики вырабатываются, закрепляются на высшем законодательном уровне и проводятся в жизнь наиболее принципиальные положения, имеющие значение отправных начал для всех иных отраслей государственной политики. Тем самым конституционно-правовая политика формирует своеобразную общую программу (стратегию) правового развития общества, деятельности государственных и общественных институтов в сфере правового регулирования»[38].

Ученые записки юридического факультета. Вып. 28 (38). 2013

---

[32] Там же.

[33] *Степанов И. М.* Конституция и политика. С. 30.

[34] Там же. С. 25.

[35] Цит. по: Там же. С. 26.

[36] *Бойцова В. В., Бойцова Л. В. и Сорокин С. В.* Образовательный и научный проект «Конституционное право России и зарубежных стран в сравнительной перспективе» при поддержке Института «Открытое общество».

[37] *Малько А. В.* Теория правовой политики. М., 2012. С. 231.

[38] *Рудковский В. А.* Правовая политика и осуществление права. С. 227 (цит. по: *Малько А. В.* Теория правовой политики. С. 232).

Таким образом, вышеприведенный анализ свидетельствует о неразрывной связи и взаимообусловленности политики и права, поскольку идентичен круг объектов воздействия: сфера взаимодействия государства, общества, человека по поводу осуществления власти и управления, отношения управляющих и управляемых. Это свидетельствует о важности вопросов, касающихся понимания механизмов взаимовлияния в сфере совпадающего регулирования. Один из ведущих российских ученых, проф. Н. И. Матузов приводит, по его определению, «любопытные рассуждения на эту тему известного французского ученого-правоведа Пьера Сандевуара», который считает, что «проблема взаимосвязей между правом и политикой... до сих пор многими недооценивается, что происходит по причине деликатности этой проблемы»[39]. П. Сандевуар пишет: «По данному вопросу существуют две теории: одни ученые считают, что политика подчинена или должна быть подчинена праву, тогда как другие настаивают на обратном. Объективно же трудно спорить с утверждением: во взаимоотношениях права и политики последняя, как правило, доминирует. Но необходимо пойти дальше: право выступает не иначе, как инструмент осуществления политики. Право может не только выражать политику и быть средством ее реализации, но и оказаться в полном подчинении политики, быть подавленным политикой. Тем не менее превосходство политики над правом имеет свои пределы. При определенных условиях политика может и должна подавляться правом или, по крайней мере, подчиняться праву, находиться в зависимости от него. Если политические руководители предпринимают какие-либо шаги вопреки праву или во изменение права, последнее будет сопротивляться путем ограничения их свободы и действий, предотвращения их самоуправства, вскрытия их истинных намерений. Да, политика формирует право, но право, в свою очередь, реагирует на политику, внося в нее дисциплинирующий элемент и вынуждая политиков действовать открыто, справедливо и ответственно»[40].

По нашему заключению, можно дать следующее определение предмета конституционной политологии: это сфера ассимиляции политологической науки в конституционно-правовую отрасль научных исследований. Суть соотношения политики и права, по нашему мнению, заключается, прежде всего, в том, чтобы нормами прав обеспечивать политическую корректность со стороны всех участников политического процесса.

Конституция и социология (конституционная социология). Исследования соотношения «конституция и социология» имеют менее протяженную историю в сравнении с исследованиями дихотомии «конституция и экономика» и «конституция и политика». В философской литературе по этому поводу отмечается: «Социология бурно развивалась в дореволюционной России и первые годы Советской власти. Начиная с 1930-х годов, социологическую науку начинают насильно растворять в историческом материализме советского покроя. Примерно такая же картина наблюдалась с частными социологическими дисциплинами (социологией искусства, социологией религии, социологией политики, социологией права и др.)»[41]. Профессор, доктор философских наук В. Н. Жуков обращает также внимание на то, что в России социология права сейчас после длительного перерыва «рождается заново», при этом в своей доктринальной основе «она в основном опирается на разработки советских юристов и в целом понимается как социология правотворчества и правоприменения, т. е. как часть общей теории государства и права... очевидно, что такой узкопрофессиональный подход обедняет социологию права. Представляется, что перед нашей социологией права стоит задача освоить темы, идеи и методологический аппарат классической социологии (европейской и русской) и на этой основе расширить ее границы; обеспечить междисциплинарную ассимиляцию»[42]. Для проведения соотношения понятий

---

[39] *Сандевуар П.* Введение в право / Пер. с франц. М., 1994. С. 61–64 (цит. по: *Матузов Н. И.* Право и политика в их взаимодействии // Российская правовая политика: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2003. С. 45.

[40] *Жуков В. Н.* Изменение и развитие как категории социологии права // Государство и право. 2012. № 11. С. 47.

[41] Там же.

[42] Социологический словарь / Отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев, О. Е. Чернощек. М., 2008. С. 434.

«конституция» («право») и «социология» вначале обратимся к определению понятий «социология», «предмет социологии». Академик РАН Г. В. Осипов дает следующее определение социологии: «наука об общих и специфических законах и закономерностях развития и функционирования исторически определенных социальных систем, о механизмах действия и формах проявления этих законов в деятельности личностей, социальных групп, классов, народов. Объектом социологического познания является общество, рассматриваемое как единый социальный организм»[43]. По мнению ученых-социологов, «социология права» как часть социологии «изучает реальное, фактическое функционирование норм права в обществе, в системе социальных взаимодействий людей, социальных групп и институтов. В жизни реальное существование правовых норм проявляется в наличии постоянно повторяющихся актов поведения, социальных действий, воплощающих в своем содержании суть правовой нормы»[44]. Как отмечает А. М. Яковлев: «Право с социологических позиций не есть лишь инструмент для решения правил, установленных политической властью. Право – это непосредственная жизнь людей, оно неотделимо от их бытия, желаний, потребностей. Для освещения социологического аспекта права необходимо выявление социокультурной традиции общества в той ее части, где речь идет о совокупности относительно устойчивых, разделяемых большинством народа представлений о праве, правосудии, справедливости и т. д.»[45]. В развитие указанных выше оценок в социологической науке заметим, что необходимость «междисциплинарной ассимиляции» социологии относится ко всем отраслям права, но особенно это актуально для конституционного права, всех ее институтов. Профессора, д. ю. н. В. В. и Л. В. Бойцовы среди перспективных областей конституционно-правовых исследований в России называют активизацию «социологических исследований в области права (ныне социологический анализ концентрируется на социологических разработках в области избирательного права, уголовного права и криминологии)». По их оценкам: «В конституционном праве требуется изучение социального контекста действия всех конституционно-правовых институтов. Закон символичен, а его имплементация должна быть прагматичной»[46]. Кроме того, с позиций социологической науки представляется важным в исследованиях социологии права осуществление анализа пространственно-временных характеристик политико-правовых явлений. Как пишет д. ф. н. В. Н. Жуков, «уместно вспомнить гегельяно-марксистский тезис о перерастании количества в качество. Постоянно меняющееся время, фиксирующее смену и накопление событий (пусть даже микроскопического значения), рано или поздно способно привести к качественному изменению социальной ситуации. Политико-юридическое событие оказывается внезапным лишь для невнимательного наблюдателя, неожиданность его появления часто бывает подготовлена всем ходом предшествующих событий»[47]. Следует поддержать его заключение, что «категории изменения и развития, сыгравшие заметную роль в формировании теоретической социологии, обладают большим потенциалом и в социологии права», что ученым необходимо более широко использовать «категории, характеризующие мобильность политико-правовых институтов». В. Н. Жуков справедливо упрекает социологов-юристов в том, что они, «ограничившись изучением правотворчества и правоприменения, оставляют функционирование государства и права в широком социологическом контексте на периферии своего внимания» и что «необходимо расширять диапазон социологии права, осваивать ее новые направления»[48].

По нашему пониманию, предмет конституционной социологии как междисциплинарного направления в конституционном праве составляют закономерности развития и

[43] *Яковлев А. М.* Социология права // Социологический словарь / Отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. С. 475.

[44] Там же. С. 474.

[45] *Бойцова В. В., Бойцова Л. В. и Сорокин С. В.* Образовательный и научный проект «Конституционное право России и зарубежных стран в сравнительной перспективе» при поддержке Института «Открытое общество». С. 42.

[46] *Жуков В. Н.* Изменение и развитие как категории социологии права. С. 51.

[47] Там же. С. 59.

функционирования социальных систем в Российской Федерации в контексте их осмысления и сопоставления с конституционно провозглашенными целями общественного развития и содержанием основополагающих принципов конституционного государственного и общественного строя в Российской Федерации для обнаружения их совпадений и расхождений, прогнозирования развития, обеспечения соответствий юридической и фактической конституций.

Аннотация. В статье отмечается актуальность расширения процессов конституционализации экономических, социальных и политических отношений в России, т. е. усиления регулятивного и охранительного конституционно-правового воздействия. Обосновывается перспективность развития новых специальных, междисциплинарных направлений в науке конституционного права, позволяющих использовать в конституционно-правовом регулировании (правотворчестве и правоприменении), конституционно-правовых исследованиях инструментарий и методологии неюридических отраслей с целью эффективного мониторинга конституционно-правового законодательства и практики.

Ключевые слова. Конституционное право и экономика, конституционное право и политика, конституционное право и социология, конституционная экономика, конституционная политология, конституционная социология, конституционно-судебное материальное право, конституционно-судебное процессуальное право, конституционализация экономических, социальных и политических отношений.

Annotation. The article notes the relevance of the enlargement processes constitutionality of economic, social and political relations in Russia, i.e., strengthening the regulatory and protective of the constitutional-legal impact. The author justifies the prospects of the development of the new special, interdisciplinary areas in the science of constitutional law, allowing using in the constitutional-legal regulation (legislation and enforcement), the constitutional-legal research tools and methodologies non-legal industries with a view to the effective monitoring of the constitutional-legal legislation and practice.

Keywords. Constitutional law and economics, constitutional law and policy, constitutional law and sociology, constitutional economics, constitutional political science, constitutional sociology, constitutional court the substantive law, constitutional and legal procedural law, constitutionality of economic, social and political relations.

Н. В. Радошнова
N. V. Radoshnova

ИСТОКИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ПРАВЕ

SOURCE OF CRIMINALIZATION AND DECRIMINALIZATION IN OLD RUSSIAN LAW

Криминализация и декриминализация уголовных деяний являются способами практической уголовной политики, проводимой государством. На каждом этапе своего развития государство законодательно запрещает под угрозой наказания совершение тех или иных деяний или исключает их из числа уголовно наказуемых. Но наука уголовного права не может ограничиваться изучением только действующего закона, оставив в стороне его историю, как справедливо указал Н. Д. Сергеевский: «Всякая сторона, всякое слово уголовного закона связано с плотью и кровью целых десятков поколений; для того, чтобы понять его и оценить по достоинству, необходимо проследить его происхождение, всю его генеалогию, насколько хватает средств истории»[1].

Сложность исследования этой проблемы объясняется наличием ряда факторов как научного, так и политического характера.

Принято считать, что понятие «уголовная политика» впервые появилось в 1804 г. в работе А. Фейербаха «Versuch einer Criminaljurisprudenz dez Koran» («Очерк уголовной науки Корана»)[2].

Изучение наукой уголовной политики началось достаточно поздно, и первые работы в российском уголовном праве, посвященные указанной проблеме, относятся к рубежу XIX–XX вв. Это работы В. И. Сергеевича «Задачи и метод государственных наук» (1871 г.), Ф. Листа «Задачи уголовной политики» (1895 г.), М. П. Чубинского «Очерки уголовной политики» (1905 г.), С. К. Гогеля «Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией» (1910 г.).

После революционных перемен все работы классиков российской школы уголовного права были забыты, а начало изучения уголовной политики в советском государстве стало исчисляться с 1917 г., так как доктрина советской уголовной политики «“обслуживала” существовавшие в то время политико-директивный, законодательный и правоприменительный уровни государственной политики борьбы с преступностью. В научной юридической среде тех времен реально ощущалось господство “социалистического монополизма”, который состоял в резком сужении (до одного) числа субъектов, принимающих решение в какой-либо сфере деятельности. И таким субъектом являлась Коммунистическая партия»[3]. Такой точки зрения придерживались все классики советского уголовного права, как, например, В. Н. Кудрявцев[4]. Это мнение стало общепризнанным, и на сегодняшний день его разделяют многие авторы, глубоко не вдаваясь в исследование истории данной проблемы.

Но до настоящего времени не установлено, какие исторические события привели к криминализации и декриминализации уголовно-правовых деяний как способов осущест-

Ученые записки юридического факультета. Вып. 28 (38). 2013

© Н. В. Радошнова, 2013

[1] *Сергеевский Н. Д.* Философские вопросы и наука уголовного права // Сергеевский Н. Д. Избранные труды / Отв. ред. и автор биогр. очерка А. И. Чучаев. М., 2008. С. 240.

[2] *Чубинский М. П.* Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права / Сост. и вступ. статья В. С. Овчинского, А. В. Федорова. М., 2010. С. 193; *Лопашенко Н. А.* Уголовная политика. М., 2009. С. 3; Криминология: Учебник / Под общ. ред. А. И. Долговой. М., 2010. С. 426.

[3] *Капинус О., Шрор А.* Международное полицейское сотрудничество в механизме реализации уголовной политики // Уголовное право. 2003. № 3. С. 125.

[4] *Кудрявцев В. Н.* Криминализация как способ осуществления уголовной политики // Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / Под ред. В. Н. Кудрявцева, А. М. Яковлева. М., 1984. С. 16.

вления уголовной политики. Данная работа посвящена обзору успешных исследований этой проблемы на материалах памятников древнерусского права.

Древнейшим памятником древнерусского права является «Русская Правда». Многие положения этого памятника права до сих пор остаются дискуссионными, так как «просеянные через сито исторической критики отдельные элементы нашего знания о прошлом очень часто бывают слишком отрывочны для того, чтобы мы могли воспользоваться ими для восстановления интересующих нас фактов в полном виде»[5].

В новейшей литературе, посвященной исследованиям «Русской Правды», особо следует выделить труды академика Л. В. Милова. Историки права считают, что в этих трудах «высказывается заслуживающая внимания точка зрения, позволившая по-новому интерпретировать парадоксальное соседство в Правде Ярослава глубоких архаизмов с юридическими новациями»[6].

По мнению Л. В. Милова, «Русская Правда» представляет собой нормативный акт, в котором была зафиксирована первая проведенная в практической уголовной политике Древней Руси декриминализация деяний, считавшихся преступлениями в предшествующем периоде развития права.

Необходимо отметить, что «Византия, особенно в ранний период своей истории, оставалась государством, где сохранялось единое кодифицированное и обязательное для всего населения действующее право»[7]. Исследователями права всегда подчеркивается, что кодификация римского права была проведена именно в Византии[8].

«Эклога» является следующим после Corpus Juris Civilis Юстиниана (533 г.) официально изданным законодательным сводом[9]. Опубликованная в 726 г. или в 741 г. (вопрос о датировке спорен) императорами Львом III Исавром или Константином V, «Эклога» занимает особое место в истории уголовного права. Именно в ней был сформирован XVII «пенальный» титул, занимающий 1/5 часть всего ее объема. В нем впервые были выделены в отдельную главу категории уголовных преступлений и виды наказаний за их совершение.

Л. В. Милов доказал, что русский текст «Эклоги» представляет собой перевод памятника права, сделанный в древнерусском государстве[10], а не в Болгарии, как считалось раньше. И этот перевод он связал с серией мероприятий по реформе права Владимира Святославовича (ок. 960–1015 гг.) в конце X в., когда только что принявший христианство князь Владимир ввел систему жестоких наказаний за уголовные преступления. И правовой основой для этого стал византийский свод законов исаврийской династии – «Эклога».

Предпосылками для введения суровых византийских законов стали два важнейших события в жизни древнего государства: крещение Руси и резкое обострение преступности.

Христианизация повлекла за собой, по словам Д. Оболенского, «принятие целого ряда канонических правил, в которых излагались принципы церковной организации и предписывался кодекс христианского поведения и послушания... Таким образом, “рецепция” римского права была связана с принятием канонического права»[11].

В законотворческом процессе древнерусского государства принимали участие епископы – греки: «*Ты же съ новыми нашими отцами епископы съснимаяся чясто, съ многым съмерениемъ съвещавашася, како въ человецехъ сихъ, новопознавшихъ Господа, закон установити*»[12].

---

[5] *Кареев Н. И.* Теория исторического знания. М., 2010. С. 131.

[6] *Фалалеева И. Н.* Политико-правовая система Древней Руси IX–XI вв. Волгоград, 2003. С. 60.

[7] *Удальцова З. В.* Особенности экономического, социального и политического развития Византии (IV – первая половина VII в.) // Культура Византии IV – первая половина VII веков / под ред. З. В. Удальцовой. М., 1984. Т. 1. С. 37.

[8] *Липшиц Е. Э.* Юридические законы и развитие правовой науки // Там же. Т. 1. С. 359.

[9] Там же. С. 358.

[10] *Милов Л. В.* О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // Исследования по истории памятников средневекового права: Сб. статей / под ред. Б. Н. Флори, А. А. Горского. М., 2009. С. 123–124.

[11] *Оболенский Д.* Византийское содружество наций // Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 334.

[12] *Милов Л. В.* Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и правде Ярослава) // Исследования по истории памятников средневекового права: Сб. статей. С. 128.

Повесть временных лет под 966 г. сообщает нам о важнейшей реформе в области уголовных наказаний. «*Живяше же Володимер в страсе божьи. И умножишися (зело) разбоеве. И реша епископы Володимеру: "Се умножашися разбоиницы. Пошто не казнишь их?" Он же рече им: "Боюся греха". Они же реша ему: "Ты поставлен еси от Бога на казнь злым, а добрым на милование. Достоит ти казнити разбойника, но с испытом". Володимер же отверг виры, нача казнити разбойни*»[13]. Исследователи неоднократно пытались интерпретировать смысл этого отрывка, но именно Л. В. Милов обосновал факт реальной правовой реформы Владимира Святославовича, основой которой стал комплекс правовых установлений «Эклоги», XVII титул которой «О казнях» был переведен и значительно переработан русскими переводчиками еще в X в. Древнерусский перевод «Эклоги», попавший в сборник «Мерило праведное», был создан в ходе готовящейся Владимиром реформы судебных наказаний как части мероприятий, связанных с принятием христианства.

Предложенная «Эклогой» система наказаний предусматривалась для различных категорий уголовных преступлений, таких, как «нарушение святости алтаря и права церковного убежища, клятвопреступления, вероотступничества, разграбления и обесчещения, прелюбодеяния и т. д., телесные и членовредительские наказания: битье палками или плетью, отрезание носа, вырывание языка, отсечение рук, ослепление, бритье головы, выжигание волос и др.»[14].

«На наш взгляд, – писал Л. В. Милов, – из приведенных выше наблюдений может быть сделан вывод о том, что за глухим летописным легендарным сказанием о мерах против "умножения разбоев" скрывалась крупная правовая реформа, представлявшая собой не только введение целой серии жестоких наказаний за предумышленные убийства и разбойные нападения, но и попытку внедрения византийского правового обеспечения норм христианской половой нравственности и морали, охраны церкви и служителей культа»[15].

Возвращаясь к концепции отечественной дореволюционной историко-правовой науки, К. В. Корсаков пишет: «Следует признать правоту Н. С. Таганцева и других ученых, заключивших, что именно вера, пришедшая из Византии, явилась основой для закрепления в карательной доктрине смертной казни»[16].

Заслуга Л. В. Милова состоит в том, что он предположил, что практика стремительного перехода к византийским наказаниям привела к тому, что через пять-десять лет после начала исполнения жестоких наказаний, введенных князем Владимиром, видные деятели древнерусского государства стали выражать тревогу о том, что княжеская казна терпит непоправимый урон.

«*И реша епископы и старцы: "Рать многа, оже вира то на оружьи и на конех буди". И рече Володимеръ: "Тако будет". И живяше Володимеръ по устроенью отъню и дъдню*»[17].

Иными словами, с прекращением поступления в княжескую казну «вир» и «продаж» она опустела. А ведь рента-налог играла жизненно важную роль в функционировании государственного механизма в Древней Руси, в частности, поддерживала дружину оружием. Поэтому отмена системы судебных штрафов сделала невозможной содержание дружины и княжеского двора, и древнерусское общество опять вернулось к системе традиционных видов наказаний, таких, как «виры» и «продажи».

Для преодоления указанной юридической нестабильности и была создана наиболее ранняя редакция «Русской Правды», а именно «Правда Ярослава». Отвергнутый византийский свод послужил основой для разработки местными юристами своих законов с применением традиционных наказаний, а в его основу был заложен именно древнерусский перевод, а не греческий текст.

Еще одним доказательством, подтверждающим существование во времена князя Владимира способов жестокого наказания, является то, что «только Ярослав Мудрый первым

Ученые записки юридического факультета. Вып. 28 (38). 2013

---

[13] Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Стб. 126–127.

[14] *Медведев И. П.* Развитие правовой науки // Культура Византии, вторая половина VII–XII в. / Под ред. З. В. Удальцовой. М., 1989. Т. 2. С. 219.

[15] *Милов Л. В.* Легенда или реальность?.. С. 151.

[16] *Корсаков К. В.* Модель возмездия в криминологии и уголовно-правовой доктрине. М., 2007. С. 123.

[17] Полное собрание русских летописей. Т. 1. С. 126–127.

ввел в практику "посажение" преступника в "поруб", "погреб" – зародыш тюрьмы. Согласно Лаврентьевской летописи (одной из самых ранних), в "порубе" сидел оклеветанный брат Ярослава – Судислав. Он просидел там 16 лет до смерти Ярослава и еще 5 лет после, когда, наконец (в 1059 г.), его "высадили" (освободили) оттуда племянники»[18].

До этого все наказания исполнялись быстро, видимо, сразу же после вынесения приговора, для исполнения чего не было необходимости помещать куда-либо преступника во избежание его побега и уклонения от телесного наказания или наказания смертью, а на сбор денежных средств при уплате «продажи» требовалось время как для преступника, так и для общины.

Гипотезу Л. В. Милова дополняет К. В. Корсаков, который считает, что помимо рецепции уголовно-правовых норм Византии, предусматривающих наказания в виде смертной казни и отсечения конечностей, «существовал еще один немаловажный фактор, затрудняющий распространение репарационных мер ответственности, связанный с укоренившимися в сознании русских людей того времени представлениями о справедливости, воззрениями на долженствующее в возмездных актах, моментах расплаты за содеянное; проистекающее из них неприятие компенсационных платежей, во всей своей полноте в аллегорической форме отраженное в maxima sententia той эпохи: "Разве можно носить своего убитого сына в кошельке?"»[19]

Именно этим К. В. Корсаков и обосновывает существование в «Русской Правде» нормы о кровомщении (*«Убьет мужъ мужа, то мъститъ брату за брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братучаду, любо сестрину сынови»),* резко диссонирующей с уголовным наказанием в виде денежных штрафов, указанных в других нормах «Русской Правды», как первой дошедшей до сегодняшнего времени попытки законодателя постепенно ограничить кровную месть с целью ее дальнейшего устранения из повседневной практики[20].

С «Русской Правды» начинается процесс восприятия преступления и кары за него как деяния, представляющего опасность для государственной власти и социального порядка, окончательно завершившийся только в XVII в.

Все указанное выше подтверждает гипотезу Л. В. Милова о проведении в X в. князем Владимиром Святославовичем первой криминализации и декриминализации уголовного закона. И если необдуманная криминализация была продиктована, скорее, политическими соображениями князя Владимира, то последовавшая за ней в скором времени декриминализация уголовного закона была продиктована только экономическими причинами, а именно угрозой дефолта, в современном его понимании.

Создание «Правды Ярослава» ознаменовало качественно новый этап в попытках рецепции византийского права. Отныне русские юристы отказались от буквального копирования чужеземных законов и стали руководствоваться только местными законами и обычаями при разработке правовых норм, сохраняя невидимое влияние византийских законов на общие принципы выбора объектов юридической разработки.

Аннотация. В науке уголовного права теоретические проблемы и история криминализации и декриминализации еще не получили всестороннего исследования. Нет четкого представления о начале осуществления уголовной политики государства. По мнению современных отечественных ученых, начало осуществления уголовной политики в новейшей истории России в сфере криминализации и декриминализации преступлений связано со становлением права социалистического типа с 1917 г. В связи с этим представляет интерес точка зрения академика Л. В. Милова, согласно которой первый памятник права «Русская Правда» представляет собой нормативный акт, по которому произошла декриминализация деяний, признанных преступлениями в предыдущем законодательстве. Изучению этой малоисследованной страницы истории уголовного права России и посвящена настоящая статья.

---

[18] *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси (историко-бытовые очерки XI–XIII вв.). Л., 1947. С. 185.

[19] *Корсаков К. В.* Модель возмездия в криминологии и уголовно-правовой доктрине. С. 126–127.

[20] Там же. С. 128.

Ключевые слова. Криминализация, декриминализация, преступление, наказание, государство, уголовная политика, законодательный акт, тюрьма, штраф.

Annotation. In the science of criminal law theoretical problems of criminalization and decriminalization have not received a comprehensive research. There is no precise idea of the beginning of realization of such policy. According to scientists, the beginning of policy in the sphere of criminalization and decriminalization of crimes is connected with the formation of a socialist type of law since 1917. In this regard academician Milov's point of view is of interest, whereby the first monument to Russian Law, «Russkaya Pravda», is a statutory act on which the acts provided by the previous legislation were decriminalized. The present article is devoted to research of this unknown page of history of Russian criminal law.

Keywords. Criminalization, decriminalization, crime, punishment, State, criminal policy, legislative act, prison, penalty.

Раздел 2

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Л. В. Готчина, И. А. Носкова
L. V. Gotchina, I. A. Noskova

РЕФОРМИРОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КЛЕВЕТЕ И ОСКОРБЛЕНИИ

REFORMING OF THE LEGISLATION ON DEFAMATION AND INSULT

Ученые записки юридического факультета. Вып. 28 (38). 2013

В Уголовный кодекс Российской Федерации внесены значительные изменения, в том числе в статьи «Клевета» и «Оскорбление». Так, 7 декабря 2011 г. был принят Федеральный закон № 420-ФЗ, декриминализировавший клевету и оскорбление, а 28 июля 2012 г. клевета вновь криминализирована Федеральным законом № 141-ФЗ. Рассмотрим положительные и отрицательные стороны реформ 2011 и 2012 гг.

Толкование статей осталось прежним. В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, как и в обеих редакциях Уголовного кодекса Российской Федерации, под клеветой понимается распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, а под оскорблением – унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. Клевета (ст. 128.1 УК РФ) и оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ) имеют общий квалифицирующий признак: «содержащиеся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или СМИ». Кроме того, клевета имеет и другие квалифицирующие признаки, например: «клевета в том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, а равно клевета, соединенная с обвинением лица в совершении преступления сексуального характера», «клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления», «клевета, совершенная с использованием своего служебного положения».

Постепенно ужесточилось наказание за клевету и оскорбление. Так, части вторые (объективная сторона которых предусматривала использование средств массовой информации) ст. 129, 130 УК РФ предусматривали наказание в виде штрафа в размере до 120 и 80 тысяч рублей соответственно, сегодня ст. 128. 1 УК РФ предусматривает до 1 миллиона, а ст. 5.61 КоАП РФ – административный штраф в зависимости от субъекта правонарушения: на граждан – от трех до пяти тысяч рублей; на должностных лиц – от тридцати до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц – от ста до пятисот тысяч рублей. Авторы считают, что положительный аспект при переходе оскорбления в разряд административных правонарушений заключался в возможности привлечения к ответственности юридических лиц, в том числе и средств массовой информации. Согласно действующему уголовному законодательству субъектом преступления может быть только физическое лицо.

Еще одним положительным моментом введения ст. 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях стала новелла законодателя в виде введения части третьей: «непринятие мер к недопущению клеветы в публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации». Представляется, что субъектами, которые подпадали под действие этой статьи, являлись руководители средств массовой информации. Введение данной нормы считаем своевременной мерой, так как данные ру-

© Л. В. Готчина, И. А. Носкова, 2013

ководители средств массовой информации защищены нормами, закрепленными в ст. 57 Закона «О средствах массовой информации» (Освобождение от ответственности). Такая же норма была в отмененной сегодня редакции части четвертой ст. 5.60 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Клевета». К сожалению, при возвращении клеветы в разряд преступлений данная часть статьи утрачена.

Считаем целесообразным законодательно закрепить ответственность юридических лиц, что представляется возможным достичь двумя путями: первое – введением института уголовной ответственности юридических лиц, что является дискуссионным вопросом на протяжении длительного времени; второе – установлением административной ответственности юридических лиц за клевету. При этом персонифицированная ответственность физических лиц должна быть предусмотрена Уголовным кодексом РФ. Второй путь отчасти вступает в противоречие с общими принципами национального законодательства, а именно разграничение признака общественной опасности и общественной вредности деяний определяет административное правонарушение или преступление, а не субъект правонарушения. Однако второй путь решения одним из авторов работы – И. А. Носковой видится наиболее целесообразным.

При реформировании статей «Клевета» и «Оскорбление» изменилась и процедура привлечения виновного лица к ответственности. Так, возбуждение дела об административном правонарушении по ст. 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях отнесено к компетенции прокуратуры, решение по данному правонарушению принимается судом. Однако потерпевшие от оскорбления часто обращаются с заявлением в органы внутренних дел. Все это влечет за собой излишний документооборот и, как следствие, невозможность привлечения виновного лица к административной ответственности из-за истечения срока давности.

В Декларации прав и свобод человека и гражданина[1] 1991 г. утверждается, что честь и достоинство человека являются высшей ценностью общества и государства, в ст. 9 закрепляется право на их защиту. В Конституции Российской Федерации данная гарантия закреплена в ст. 2, 21, 23, 24, 29. Кроме того, ценность чести и достоинства признавалась законодателем путем закрепления уголовной ответственности за посягательство на эти объекты, причем посягательство на них являлось общественно опасным, а следовательно, образовывало состав преступления. Декриминализация ст. 129, 130 УК РФ продемонстрировала существенное обесценивание, с точки зрения законодателя, таких категорий, как честь и достоинство. При этом посягательство на них стало не антиобщественным, т. е. не представляющим общественной опасности, достаточной для закрепления в уголовном законе.

Тем же Федеральным законом № 141-ФЗ от 28.07.2012 г. подверглась декриминализации ст. 17.16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и введена ст. 298.1 УК РФ «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава» специальная норма, предусматривающая ответственность за клевету в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава». Значительно ужесточена ответственность. Так, за аналогичные действия по первым частям ранее отмененной ст. 298 УК РФ предусматривался штраф до 200 тысяч рублей; ст. 17.16 КоАП РФ: на граждан – от трех до пяти тысяч рублей; на должностных лиц – от двадцати до тридцати тысяч рублей; на юридических лиц – от ста до трехсот тысяч рублей; действующей ст. 298.1 УК РФ – штраф установлен до двух миллионов рублей.

Таким образом, 28 июля 2012 г. Федеральный закон № 141-ФЗ вернул общую и специальную нормы клеветы (ст. 128.1 и 298.1 УК РФ), а оскорбление оставил в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях. Е. Мертель справедливо отмечает, что исключение уголовной ответственности за клевету и оскорбление «игнорирует характер и степень общественной опасности этих преступлений как видов психического

[1] Декларации прав и свобод человека и гражданина 1991 года // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.

насилия»[2]. Однако сегодня Уголовный кодекс РФ снял запрет на оскорбление. И это несмотря на то, что объектом клеветы и оскорбления являются честь и достоинство человека. Получается, что, криминализировав клевету, законодатель считает, что оскорблять человека можно, а клеветать на него нельзя. Хотя эти два деяния тесно связаны между собой, но за одно из них предусмотрена уголовная ответственность, а за другое административная.

Кроме того, возникают вопросы, касающиеся специальных составов оскорбления. Так, наказание по ст. 297 УК РФ «Неуважение к суду» усилено, а общая норма за оскорбление декриминализирована, несмотря на то что в диспозиции ч. 1. ст. 297 УК РФ указано, что неуважение к суду выражается в оскорблении участников судебного разбирательства.

Так же сохранены ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти» и ст. 336 УК РФ «Оскорбление военнослужащего». В связи с этим Ю. В. Голик в своих публикациях справедливо восклицает: «Почему же, сохраняя специальные составы, мы лишились общего? Логичнее было бы поступить наоборот»[3]. В. В. Агильдин считал необоснованным выделение ст. 297 УК РФ, ст. 319 УК РФ, ст. 336 УК РФ в отдельные нормы УК РФ и предлагал дополнить ранее действующую ст. 130 УК РФ особо квалифицирующими признаками – «оскорбление представителя власти или военнослужащего в связи с осуществлением им служебной деятельности» и «оскорбление лиц, участвующих в осуществлении правосудия, или участников судебного производства в связи с рассмотрением дела в суде», закрепив их в ч. 3 вышеуказанной статьи[4].

По мнению авторов, исключение статьи Уголовного кодекса РФ, предусматривающей ответственность за оскорбление, было преждевременной мерой. Нормы Всеобщей декларации прав и свобод человека 1948 г. и Декларации прав и свобод человека и гражданина 1991 г. устанавливают обязанность государства обеспечить выполнение предусмотренных обязательств путем установления запретов. Данное обстоятельство, а также отрицательный опыт последних лет по декриминализации клеветы в Уголовном кодексе РФ, который привел к ее последующей криминализации, должны заставить задуматься общество и законодателя о криминализации оскорбления.

Это обусловлено высочайшей ценностью таких объектов, как честь, достоинство и репутация и, следовательно, достаточным для криминализации уровнем общественной опасности посягательств на них. В связи с этим хочется обратить внимание на замечания А. А. Арямова: «общество, в котором люди неуважительно относятся к одним из основных моральных категорий, не может гармонично развиваться. Полагаем, что этим и обосновывается необходимость именно уголовной ответственности за посягательства на честь, достоинство и репутацию»[5].

Как справедливо отмечает Н. А. Егорова, по содержанию уголовного законодательства можно судить о культуре населения данного государства, а наличие в Уголовном кодексе РФ статей о клевете и оскорблении является показателем серьезного отношения общества к таким благам, как честь, достоинство и репутация[6].

Анализируя труды отечественных ученых в области защиты чести, достоинства и деловой репутации, мы пришли к выводу, что однозначности в этом вопросе нет. Одни авторы считают необходимым криминализировать оскорбление, другие – необходимость его отнести к административному правонарушению. Впервые о необходимости включить статьи «клевета» и «оскорбление» в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях РФ было заявлено представителем партии ЛДПР С. Ивановым. По его мнению, наличие в Уголовном кодексе РФ статей, предусматривающих ответственность за клевету и оскорбление, не обосновано[7].

---

[2] *Гертель Е.* Оскорбление и клевета как виды психического насилия // Уголовное право. 2011. № 6. С. 10.

[3] *Голик Ю. В.* Очередная модернизация Уголовного кодекса // Уголовное право. 2012. № 2. С. 34.

[4] *Агильдин В. В.* Уголовно-правовая характеристика оскорбления // Правовая база «КонсультантПлюс».

[5] *Арямов А. А.* Энциклопедия уголовного права. Т. 14. Преступления против свободы, чести и достоинства личности. СПб., 2010. С. 458.

[6] *Егорова Н. А.* О декриминализации клеветы и оскорбления // http://nutego2009.narod.ru/stati/o_dekriminalizatsii_kleveti_i_oskorbleniya?ncrnd=9357

[7] «Клевета» и «оскорбление» остались в УК // http://www.kommersant.ru.doc/160318.

Ю. В. Голик, в свою очередь, считает, что «не привлечение к уголовной ответственности за оскорбление... может спровоцировать совершение более тяжкого преступления»[8]. Кроме того, он указывает на необходимость уделить особое внимание труду Д. А. Шестакова «Введение в криминологию закона», в котором преступный закон рассматривается как закон, который содержит положение (положения), попирающее уголовное право, а именно нарушающее установленный под страхом наказания международными уголовно-правовыми нормами либо внутренним национальным законодательством запрет или представляющее для человека и общества значительное зло, безотносительно к признанию такого деяния в качестве преступления законом[9]. В подтверждение мыслей, выдвинутых Д. А. Шестаковым, Е. Гертель отмечал, что «общественная опасность – категория объективная, существующая вне желания или нежелания признавать ее законодателем или учеными»[10].

О невозможности отнесения «клеветы» и «оскорбления» к административному правонарушению также заявляли: депутат В. Илюхин («ситуации, когда распущенность в обществе процветает, принимать такой закон нельзя»[11]); председатель Санкт-Петербургского союза журналистов, директор Агентства журналистских расследований А. Константинов («клевета ...вещь это весьма небезобидная... с ее помощью можно поломать человеку судьбу. И ограничиваться в этом случае наказанием в виде административного штрафа не равноценно преступлению»[12]).

Несмотря на принятые изменения в Уголовном кодексе РФ и в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, вопрос об отнесении клеветы и оскорбления к уголовно наказуемому деянию или административному правонарушению до сих пор остается дискуссионным.

Отечественные юристы – сторонники отнесения клеветы и оскорбления к административным правонарушениям ссылаются на судебную практику Европы. Рассмотрим тенденции развития законодательства о клевете и оскорблении в Европе более подробно. В странах континентального права, так же как и в России, диффамация рассматривается одновременно как уголовное преступление и как гражданское правонарушение или административное правонарушение. Ученые отмечают, что в последние десятилетия в Европе наметилась тенденция к замене уголовного преследования гражданскими исками: случаи уголовного преследования за диффамацию встречаются достаточно редко, а приговоры по таким делам практически никогда не выносятся[13]. Европейские юристы обосновывают это обстоятельство тем, что «гражданско-правовые санкции уместнее уголовного наказания» и что «использование уголовных наказаний за диффамацию в лучшем случае является излишней мерой, а в худшем – представляет собой нарушение права на свободу выражения мнения»[14]. При этом, по мнению С. С. Дикмана, «в Западной Европе ситуация с антидиффамационным законодательством имеет свои особенности. Характерной чертой стало приведение законов и практики в соответствие со стандартами в области свободы выражения мнения и пределов ограничения прав и свобод, выработанными Европейским судом по правам человека... благодаря политике Европейского Союза и действию Хартии Европейского союза об основных правах законы западноевропейских стран отдают приоритет свободе слова и мнения и предоставляют защиту от диффамации только в случае гарантии полной реализации

Ученые записки юридического факультета. Вып. 28 (38). 2013

---

[8] *Голик Ю. В.* Очередная модернизация Уголовного кодекса. С. 32.

[9] Термины, введенные в научный оборот Д. А. Шестаковым // http://www.criminologyclub.ru/index.php?option=com_content&view=section&layout=blog&id=9&Itemid=25

[10] *Гертель Е. В.* Оскорбление и клевета как виды психического насилия // http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/oskorblenie_i_kleveta_kak_vidy_psikhicheskogo_nasilija_e_v_gertel/4-1-0-229

[11] *Илюхин В.* За клевету ударят по кошельку: обзор прессы интернет-портала «Право.ru» // http://dombrovitsky.ru

[12] *Константинов А.* За клевету ударят по кошельку: обзор прессы интернет-портала «Право.ru» // http://dombrovitsky.ru/

[13] *Дикман С. С.* Проблемы ответственности за диффамацию: зарубежный опыт и международные стандарты // Пределы правового пространства свободы прессы (российские споры с участием СМИ в контексте мировой практики): Сб. статей. М., 2008. С. 40.

[14] Сайт Государственной думы. Мобильная версия. Информационно-аналитические материалы Государственной Думы. АВ 2003 г. Вып. 13. Преступления против чести и достоинства: правовые аспекты // http://pda.iam.duma.gov.ru/node/2/4411/14344

этих свобод»[15]. При этом Европейский союз и Хартия Европейского союза об основных правах в своей деятельности руководствуются ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод[16], закрепляющей право свободно выражать свое мнение.

В Австрии, Франции, Норвегии и Швеции диффамация рассматривается так же как гражданское правонарушение и уголовное преступление. В Германии же диффамация в основном является уголовно наказуемым деянием.

Ответственность юридических лиц за диффамацию предусмотрена в уголовном законодательстве Великобритании, Нидерландов и Франции, в Испании же к уголовной ответственности привлекаются лишь физические лица.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что анализ международных норм, а также многолетняя правоприменительная практика признания оскорбления и клеветы как преступлений против чести, достоинства и деловой репутации указывают на признание обществом общественной опасности этих деяний, подтверждающей один из обязательных признаков преступления.

Аннотация. В статье анализируются последствия внесенных в Уголовный кодекс Российской Федерации изменений, касающихся декриминализации общей и специальной нормы клеветы и общей нормы оскорбления, а также последующей криминализации общей и специальной нормы клеветы. Автор считает, что честь и достоинство человека являются высшей ценностью, в связи с чем подвергает сомнению декриминализацию оскорбления и предлагает криминализировать оскорбление.

Ключевые слова. Клевета, оскорбление, преступление, правонарушение, криминализация, декриминализация.

Annotation. The consequences of the amendments of the Criminal code of the Russian Federation, regarding decriminalization of the general and special provisions concerning defamation and the general provisions concerning insult as well as the following criminalization of the general and special provisions concerning defamation are being analyzed in this article. The author considers the honor and dignity of the person to be of paramount value, wherefore raises a question about decriminalization of an insult and suggests its criminalization.

Keywords. Defamation, insult, crime, violation of law, criminalization, decriminalization.

[15] *Дикман С. С.* Проблемы ответственности за диффамацию: зарубежный опыт и международные стандарты // Пределы правового пространства свободы прессы (российские споры с участием СМИ в контексте мировой практики): Сб. статей. С. 46.

[16] Конвенция о защите прав человека и основных свобод // http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-002.htm.

Н. А. Владимирова
N. A. Vladimirova

О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ПРАВА ОТКАЗА ОТ НАСЛЕДСТВА В ПОЛЬЗУ НАСЛЕДНИКОВ ПО ПРАВУ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

NECESSARY TO GIVE THE RIGHT TO REFUSE THE INHERITANCE IN FAVOR OF THE HEIRS BY RIGHT OF REPRESENTATION

При открытии наследства у наследников возникает право наследования, состоящее из двух возможностей: возможности принять наследство и возможности отказаться от наследства. Данная статья посвящена анализу соответствия положений действующего законодательства об отказе от наследства принципу социальной справедливости. Вопрос справедливости очень часто поднимается в наследственном праве, ведь только соответствие норм законодательства социальной справедливости обеспечивает одобрение гражданами таких норм. На наш взгляд, однако, нормы об отказе от наследства, содержащиеся в действующем Гражданском кодексе, нуждаются в некоторой доработке.

Итак, согласно п. 1 ст. 1158 ГК РФ «Наследник вправе отказаться от наследства в пользу других лиц из числа наследников по завещанию или наследников по закону любой очереди, не лишенных наследства (п. 1 ст. 1119), в том числе в пользу тех, которые призваны к наследованию по праву представления или в порядке наследственной трансмиссии (ст. 1156)». Наследник вправе совершить как так называемый направленный отказ от наследства, т. е. отказаться от наследства в пользу других лиц из числа наследников по завещанию или наследников по закону любой очереди, так и ненаправленный отказ, тогда причитающаяся ему доля прирастет к долям всех наследников, принявших наследство, согласно правилам о приращении наследственных долей (ст. 1161 ГК РФ). Круг лиц, в пользу которых можно отказаться от наследства, на первый взгляд, весьма широк:

– наследник по закону первой очереди может отказаться от причитающейся ему доли в наследстве (а если он является единственным наследником первой очереди – то это будет означать отказ от всего наследства) в пользу любого из наследников второй, третьей или последующих очередей, а также наследников по завещанию;

– соответственно, в случае отсутствия наследников первой очереди к наследованию призываются наследники по закону второй очереди, которые также могут отказаться от наследства в пользу наследников третьей и последующих очередей, а также наследников по завещанию;

– аналогичная ситуация складывается в случае призвания к наследованию наследников четвертой, пятой, шестой и седьмой очередей;

– и даже наследники восьмой очереди могут отказаться от наследства (в случае, если они призываются к наследованию именно как наследники восьмой очереди, а не как нетрудоспособные иждивенцы, претендующие на обязательную долю в наследстве) в пользу наследников по завещанию;

– наследник по завещанию может отказаться от наследства в пользу наследника по закону любой очереди (за исключением случая, когда все имущество наследодателя завещано назначенным им наследникам);

– наследник может отказаться от наследства в пользу нескольких наследников как по закону, так и по завещанию и т. п.

Не допускается отказ от наследства в следующих случаях:

1. Нельзя отказаться от имущества, наследуемого по завещанию, если все имущество наследодателя завещано назначенным им наследникам. Общепризнанное толкование данного запрета состоит в том, что наследодатель в своем завещании четко указал перечень лиц, которых он желал бы видеть своими наследниками, и возможность одного из наследников по завещанию отказаться в пользу иных наследников привела бы к нарушению воли завещателя.

© Н. А. Владимирова, 2013

2. Недопустим отказ от обязательной доли в наследстве. Обязательная доля в наследстве является ограничением принципа свободы завещания, такой «адресной помощью» нетрудоспособным наследникам. И если обязательный наследник готов отказаться от такой «помощи» – значит она ему не нужна.

3. Нельзя отказаться от наследства по завещанию, если наследнику подназначен наследник. Составив завещание с подназначением завещатель сам предусмотрел, что в случае, если основной наследник отпадет, то имущество перейдет к подназначенному наследнику. Позволить основному наследнику отказаться от наследования в пользу кого-то другого означает опять-таки нарушить принцип свободы завещания и передать имущество не тому, кому предназначил его завещатель.

Однако существует категория наследников, в пользу которых нельзя отказаться от наследства, так как они призываются к наследованию только при наличии определенного условия – смерти своего родителя. Это наследники по праву представления. Сам по себе термин «наследование по праву представления» в ранее действовавшем наследственном законодательстве не использовался. Он существовал только в теории наследственного права, а также в нотариальной и судебной практике. Согласно ст. 1142–1144 ГК РФ наследниками первой очереди по праву представления являются внуки наследодателя и их потомки, при условии, что их родителя (сына или дочери наследодателя) нет в живых к моменту открытия наследства; наследниками второй очереди по праву представления являются племянники наследодателя, при условии, что к моменту открытия наследства нет в живых их родителя (брата или сестры наследодателя); а наследниками третьей очереди по праву представления – двоюродные братья и сестры наследодателя – потомки умерших до открытия наследства дяди или тети наследодателя. Право представления заканчивается на третьей очереди наследования, так как потомками наследников четвертой очереди (прадедушек и прабабушек) являются: бабушки и дедушки (наследники второй очереди) и двоюродные бабушки и дедушки (самостоятельные наследники пятой очереди), а потомками наследников третьей очереди по праву представления, т. е. двоюродных братьев и сестер, являются их дети – двоюродные племянники и племянницы (самостоятельные наследники шестой очереди). Мы употребляем термин «самостоятельные», чтобы подчеркнуть, что право на наследование таких наследников формально не зависит от смерти их родителей.

Следует подчеркнуть, что в нотариальной практике довольно часто складывается следующая ситуация: у наследодателя, умершего в преклонном возрасте, наследники, например, первой очереди – супруг, родители и даже дети, тоже уже не молодые, и они не хотели бы принимать наследство. Причин, по которым они принимают такое решение, обычно две: во-первых, многие пожилые граждане считают, что вскоре их наследникам придется оформлять наследство уже после них, поэтому оформлять документы и нести расходы, связанные с этим, проще один раз, чем два. Во-вторых, оформление наследства требует значительных временных и материальных затрат (особенно если в его состав входят объекты, находящиеся в другом регионе), приходится посещать много учреждений, собирать документы, стоять в очередях и т. д. Понятно, что с моральной точки зрения нести бремя оформления документов должен выгодоприобретатель, и пожилым людям неловко просить своих более молодых родственников помочь им оформить наследство. Поэтому граждане хотели бы отказаться от наследства в пользу своих потомков – внуков наследодателя (если к наследованию призываются наследники первой очереди) или племянников (если речь идет о наследниках второй очереди). Однако в соответствии с положениями действующего законодательства отказаться от наследства в пользу наследников по праву представления можно только в том случае, если такие наследники призваны к наследованию. Получается абсурдная ситуация: можно отказаться от наследства в пользу двоюродных внуков (наследников пятой очереди), двоюродного дяди, двоюродного племянника, двоюродной правнучки (наследников шестой очереди), отчима и мачехи (наследников седьмой очереди) и даже вовсе посторонних наследодателю людей – нетрудоспособных иждивенцев (наследников восьмой очереди) или друзей и знакомых наследодателя, которым он завещал какую-нибудь небольшую часть имущества, но нельзя отказаться в пользу иногда самых родных и любимых наследодателю людей – внуков, правнуков и племянников.

Проиллюстрируем вышеизложенное примером. У умершего гражданина Михаила имеются два наследника – жена Татьяна (82 года) и сын Петр (58 лет), постоянно проживающий за границей. С бабушкой и дедушкой совместно проживал их внук Станислав (25 лет), сын Петра. Петр отказывается от наследства, так как он не планирует возвращаться в Россию, и единственной наследницей остается Татьяна. Татьяна находится в преклонном возрасте и хотела бы отказаться от наследства в пользу Станислава, но закон не позволяет ей это сделать, так как Станислав не призван к наследованию. Татьяне придется оформить наследство после умершего супруга, а потом написать завещание в пользу внука, так как после ее смерти наследником по закону будет сын Петр, который также не сможет отказаться от наследства в пользу Станислава. Но если бы существовала законодательная возможность отказаться от наследства в пользу наследников по праву представления, граждане могли бы ею воспользоваться и сократить, таким образом, количество переоформлений имущества в порядке наследования.

С другой стороны, формулировка статьи о том, что «наследники по праву представления» не призываются к наследованию, если их родители живы, скрывает в себе еще одно обстоятельство, ущемляющее права граждан: единственным обстоятельством, позволяющим наследникам по праву представления вступить в права наследования, является смерть «основного» наследника, их родителя. Но как быть, если «основной» наследник просто не принимает наследство? Согласно п. 3 ст. 1154 ГК РФ «лица, для которых право наследования возникает только вследствие непринятия наследства другим наследником, могут принять наследство в течение трех месяцев со дня окончания срока, указанного в п. 1 настоящей статьи», т. е. в случае, если наследник предыдущей очереди не принял наследство в течение шести месяцев со дня смерти наследодателя, то право на принятие наследства переходит к наследникам следующей очереди, более дальним родственникам наследодателя, но не переходит к внукам, правнукам и племянникам. Получается, что в каком-то смысле у двоюродной внучки (наследницы пятой очереди) больше наследственных прав, чем у родной внучки (наследницы первой очереди), ведь право на принятие наследства двоюродной внучки не зависит от того, живы ее родители или нет. В пользу двоюродной внучки можно отказаться от наследства, а в пользу родной – нельзя.

Здесь уместно описать реальный случай, произошедший в практике нотариуса Ш. В нотариальную контору после смерти бабушки за оформлением наследства обратилась внучка. Нотариус разъяснил, что внуки призываются к наследованию по праву представления только в случае, если их родителя (сына или дочери наследодателя) нет в живых. Внучка пояснила, что бабушка всю жизнь воспитывала ее, так как мать, дочка наследодателя, вела беспорядочный образ жизни и от воспитания ребенка уклонялась. О месте нахождения матери внучке неизвестно, однако в том, что мать жива, она уверена. В установленный законом для принятия наследства шестимесячный срок дочь наследодателя к нотариусу не обратилась, и право на принятие наследства перешло к двоюродной тете заявительницы – племяннице наследодателя, дочери умершей сестры наследодателя (являющейся наследницей второй очереди по праву представления). В результате 1/2 доля квартиры, которой совместно владели бабушка и внучка, перешла в собственность двоюродной тети заявительницы, которую девушка никогда раньше не видела. Данная ситуация явно не соответствует принципу социальной справедливости. Здесь можно было бы возразить: а почему бабушка не составила завещание? Видимо, по той причине, что была уверена, что ближе внучки у нее наследников нет. Решение этого вопроса лежит одновременно в двух плоскостях. Первая: необходимо изменить нормы законодательства о наследовании, касающиеся круга наследников и возможности отказа от наследства в пользу наследников по праву представления, независимо от того, призваны они к наследованию или нет. Вторая: необходимо устранять неграмотность населения в вопросах наследования. Если бы граждане обладали бы хотя бы общими понятиями о нормах наследственного права, круге наследников и очередности наследования, о завещании, об обязательной доле в наследстве и о необходимых наследниках, споров и обращений в суды было бы гораздо меньше.

В заключение хотелось бы еще раз обратиться к тексту ст. 1158 ГК «Отказ от наследства в пользу других лиц и отказ от части наследства»:

«1. Наследник вправе отказаться от наследства в пользу других лиц из числа наследников по завещанию или наследников по закону любой очереди, не лишенных наследства

Ученые записки юридического факультета. Вып. 28 (38). 2013

(п. 1 ст. 1119), в том числе в пользу тех, которые призваны к наследованию по праву представления или в порядке наследственной трансмиссии (ст. 1156).

Не допускается отказ в пользу какого-либо из указанных лиц:

– от имущества, наследуемого по завещанию, если все имущество наследодателя завещано назначенным им наследникам;

– от обязательной доли в наследстве (ст. 1149);

– если наследнику подназначен наследник (ст. 1121).

2. Отказ от наследства в пользу лиц, не указанных в п. 1 настоящей статьи, не допускается».

Как мы видим, ст. 1158 ГК РФ не содержит прямого указания на то, что в пользу наследников по праву представления отказаться от наследства нельзя, поэтому вполне возможно, что в настоящее время используется неверное толкование данной статьи. Однако если бы формулировка ст. 1158 была немного другой, ее неверное толкование было бы невозможным.

Например, следующей: «1. Наследник вправе отказаться от наследства в пользу других лиц из числа наследников по завещанию или наследников по закону любой очереди, не лишенных наследства (п. 1 ст. 1119), в том числе в пользу тех, которые призваны к наследованию по праву представления или в порядке наследственной трансмиссии (ст. 1156), а **также в пользу внуков, правнуков и племянников наследодателя, не призванных к наследованию по праву представления».**

Аннотация. В статье поднимается вопрос о необходимости предоставления права отказа от наследства в пользу внуков, правнуков, племянников и племянниц, не призванных к наследованию. К примеру, согласно действующему законодательству в случае, если наследники первой очереди не примут наследство в течение шести месяцев со дня смерти наследодателя, к наследованию призываются наследники следующей (второй) очереди, но не призываются наследники по праву представления, право на принятие наследства у которых возникает только в случае смерти их родителя (сына или дочери наследодателя). Аналогичная ситуация возникает при призвании к наследованию наследников второй и третьей очереди – в случае непринятия ими наследства. В пользу наследников по праву представления нельзя отказаться от наследства, так как они не призываются к наследованию, если их родители находятся в живых. Получается, что в каком-то смысле у двоюродной внучки (наследницы пятой очереди) больше наследственных прав, чем у родной внучки (наследницы первой очереди), ведь право на принятие наследства двоюродной внучки не зависит от того, живы ее родители или нет. В пользу двоюродной внучки можно отказаться от наследства, а в пользу родной – нельзя. Автор считает, что такое положение вещей не соответствует принципу социальной справедливости, и предлагает изменить нормы действующего законодательства, предоставив гражданам возможность отказаться от наследства в пользу наследников по праву представления, не призванных к наследованию.

Ключевые слова. Гражданское право, наследственное право, наследство, отказ от наследования, очереди наследников, нотариат.

Annotation. The article raises the question of the need for the right to refuse the inheritance in favor of grandchildren, great grandchildren, nieces and nephews, not designed for inheritance. Under current law, if, for example, if the first line heir will not accept the inheritance within six months from the date of the antecessor's death, the right to inherit got the next (second) line heir, but not called heirs by right of representation, because their right to take the inheritance depends on the death of their parent (antecessor's son or daughter). A similar situation exists when calling the second and third lines heirs. You can not refuse an inheritance in favor of the testator's grandchildren and nephews. So, in a sense, a cousin-granddaughter (the fifth line heir) has more inheritance rights than native granddaughter (the first line heir), because cousin-granddaughter's right to take the inheritance does not depend on whether her parents are alive or not. The author believes that this situation is not comply with the principle of social justice, and proposes to change the law.

Keywords. Civil law, inheritance law, inheritance, refuse an inheritance, heirs in line, notary.

В. И. Журавлев
V. I. Zhuravlev

XXII ОЛИМПИЙСКИЕ ЗИМНИЕ ИГРЫ И XI ПАРАЛИМПИЙСКИЕ ЗИМНИЕ ИГРЫ 2014 ГОДА В СОЧИ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ

XXII OLYMPIC WINTER GAMES ANT THE XI PARALYMPIC WINTER GAMES OF 2014 IN SOCHI: CONSTITUTIOANL ASPECTS OF ORGANIZATION AND CONDUCTING

В преамбуле Конституции РФ сказано, что многонациональный народ Российской Федерации принял Конституцию РФ, сознавая себя частью мирового сообщества. Это предполагает участие России в международных организациях, членами которых являются цивилизованные страны, и содействие в проведении организуемых ими совместных мероприятий. В ст. 7 Конституции РФ Россия провозглашена социальным государством, в котором охраняется здоровье людей, создаются условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека. Согласно ч. 2 ст. 41 Конституции РФ в России поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта.

Неотъемлемым событием международного общения в настоящее время являются олимпийские игры. В преамбуле Олимпийской хартии, действующей с 8 июля 2011 г., говорится: «Цель Олимпизма заключается в том, чтобы поставить спорт на службу гармоничного развития человечества, способствуя созданию мирного общества, заботящегося о сохранении человеческого достоинства»[1]. Приоритеты олимпизма способствуют развитию человека, его прав и свобод, признанных высшими конституционными ценностями в России.

События, связанные с участием наших соотечественников в олимпийских играх, всегда являлись предметом особого внимания государства. В советский период развития России спорт не только понимался как состязание индивидов, но и рассматривался в качестве арены борьбы политических режимов. Своей кульминации это противостояние достигло на Олимпиаде-80 в Москве, которую бойкотировали более пятидесяти стран. Вместе с тем ее проведение потребовало неординарного решения не только многих политических, экономических, социальных проблем. Был накоплен опыт урегулирования конституционных вопросов организации крупных спортивных мероприятий, например, связанных с обеспечением безопасности.

В Указе Президента РФ «О мерах по подготовке российских спортсменов к играм XXVI Олимпиады 1996 г. в г. Атланте (США) и XVIII зимним Олимпийским играм 1998 г. в г. Нагано (Япония)»[2] оказание всемерной помощи олимпийскому движению в России было признано приоритетной задачей государства.

С 7 по 23 февраля 2014 г. в Сочи пройдут XXII Олимпийские зимние игры, а с 7 по 16 марта 2014 г. – XI Паралимпийские зимние игры[3]. С этой целью принят Федеральный закон «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[4], образована Государственная комиссия по подготовке и проведению XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в г. Сочи[5].

© В. И. Журавлев, 2013

[1] Официальный сайт Олимпийского комитета России olympic.ru

[2] СЗ РФ. 1995. № 1. Ст. 41.

[3] Указ Президента РФ «О подготовке к проведению XXII Олимпийских зимних игр и XI Параолимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи» // СЗ РФ. 2007. № 28. Ст. 3424.

[4] СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6071.

[5] Указ Президента РФ «О Государственной комиссии по подготовке и проведению XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи» // Там же. 2013. № 3. Ст. 176.

Ученые записки юридического факультета. Вып. 28 (38). 2013

Олимпийские и Паралимпийские игры в Сочи (далее – Игры) станут крупнейшими общественными событиями России предстоящего года. Сейчас они привлекают к себе интерес преимущественно с позиций готовности объектов спортивной инфраструктуры и их стоимости. Признавая важность этих аспектов, обратим внимание на то, что Игры затрагивает реализацию многих прав и свобод человека, имеет колоссальное значение для развития культуры, укрепления мира внутри России и за ее пределами. Обращает на себя внимание то, что Игры проходят на Северном Кавказе, где обострена проблема достижения межнационального согласия. Участие в олимпийском движении – фактор, способный оказывать положительное воздействие на развитие межнациональных отношений в стране, добрососедства между народами. Сказанное выше делает необходимым научное осмысление вопросов подготовки и проведения Игр, имеющих конституционный характер и конституционное значение.

Полученные выводы могут быть использованы при организации и проведении иных крупных спортивных состязаний, которые вскоре пройдут в России: Универсиада – 2013, Чемпионат мира по легкой атлетике – 2013, Всемирные игры боевых искусств – 2013, Чемпионат мира по водным видам спорта – 2015, Чемпионат мира по хоккею – 2016, Чемпионат мира по футболу – 2018. В настоящее время на рассмотрении в Государственной Думе находится проект Федерального закона «О подготовке и проведении в Российской Федерации Чемпионата мира по футболу ФИФА 2018 г., Кубка конфедераций ФИФА 2017 года», внесенный Распоряжением Правительства РФ от 26 сентября 2012 г. № 1779-р[6].

Есть все основания полагать, что Санкт-Петербург будет претендовать на проведение Олимпийских игр 2024 или 2028 гг.[7] Ранее Президентом РФ поддерживалась заявка, поданная Олимпийским комитетом России в Международный Олимпийский комитет, на право проведения в г. Санкт-Петербурге Игр XXVIII Олимпиады 2004 г.[8]

Проведение Игр несет выгоды для граждан России, муниципального образования – город Сочи, Краснодарского края, Российской Федерации. Во-первых, пропагандируется здоровый образ жизни через занятие спортом и физической культурой, создаются для этого дополнительные возможности. Это следует рассматривать как выполнение конституционных принципов социального государства. Во-вторых, проведение Игр на достойном уровне повышает престиж страны, расширяет знакомство с культурой, традициями за пределами ее границ. Олимпийские игры являются возможностью провести международную рекламную кампанию, формирующую положительный имидж страны[9]. В-третьих, за счет улучшения инфраструктуры и транспортной доступности, повышения туристической привлекательности дается новый импульс развитию юга России – региона, который имеет стратегически важное значение для страны.

Однако нельзя не замечать того, что частью общества выражаются негативные оценки проведения Игр, например, их стоимость и существующие риски для реализации в будущем жителями Сочи права на благоприятную окружающую среду. В литературе обращается внимание на террористические и геополитические угрозы, а также угрозы в социальной сфере[10].

Сложно назвать точную сумму, в которую обойдется проведение Игр. По словам Заместителя Председателя Правительства РФ Д. Козака, для налогоплательщика это 100 млрд рублей. Еще около 600 млрд рублей бюджетных средств ушло на развитие города Сочи как горноклиматического курорта. Кроме этого, 700 млрд рублей – частные инвестиции в инфраструктуру[11]. Обратим внимание на то, что частные инвестиции в значительной степени

[6] СЗ РФ. 2012. № 40. Ст. 5499.

[7] *Алимова А.* Санкт-Петербург отказался от Олимпиады 2020 // Известия 2011. 21 авг.

[8] СЗ РФ. 1995. № 51. Ст. 5055.

[9] *Руденко Р.* Формирование концепции управления мегапроектами на примере подготовки заявочной кампании города – кандидата на право проведения Олимпийских игр // Материалы XX Олимпийской научной сессии молодых ученых и студентов России «Олимпизм, олимпийское движение, Олимпийские игры (история и современность)». М., 2009. С. 36.

[10] *Байрамов В. М.* Проблемы обеспечения экологической безопасности подготовки к проведению XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в Сочи. М., 2011. С. 51.

[11] Интервью Д. Козака телеканалу «Вести» 12 февраля 2013 года // Официальный сайт Правительства РФ governmtnt.ru.

привлечены из средств компаний, где в структуре акционерного капитала более 50 % принадлежит государству, ОАО «Газпром», ОАО «РЖД», ОАО «Нефтяная компания "Роснефть"». При этом общий объем финансирования всех проектов, реализуемых Краснодарским краем, составляет 158 млрд рублей[12]. Возникает вопрос о допустимости таких затрат на фоне низкого уровня социальной защищенности отдельных категорий граждан и наличия в экономике проблем, требующих для своего решения дополнительного финансирования.

Статья 3 Конституции РФ гласит, что высшим непосредственным выражением власти народа является референдум. Именно его проведение могло бы поставить точку в дискуссии о целесообразности проведения Игр. Возможно, было бы проведение не федерального, а регионального референдума в Краснодарском крае или местного в Сочи. Данное мероприятие не потребовало бы существенных расходов, поскольку могло бы быть совмещено с выборами соответствующего уровня. Только после получения положительного ответа большинства избирателей следовало направлять заявку России в Международный олимпийский комитет. В зарубежных странах есть практика проведения опросов населения о строительстве крупных объектов. Например, 27 января 2013 г. в Болгарии состоялся референдум о строительстве новой атомной электростанции.

Решение о выдвижении Сочи в качестве города – кандидата на проведение Игр 2014 г. было принято без изучения общественного мнения по данному вопросу. Указ Президента РФ «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов»[13] предусматривает, что проекты федеральных конституционных законов и федеральных законов, затрагивающих основные направления государственной политики в области социально-экономического развития Российской Федерации, по решению Президента РФ могут быть вынесены на общественное обсуждение. Целесообразно в дальнейшем осуществлять обязательное общественное обсуждение проектов, сопоставимых по уровню воздействия на окружающую среду и стоимости с проведением Игр. Следует учитывать позицию палат Федерального Собрания РФ, Общественной палаты РФ. Статья 2 Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации» целью Общественной палаты РФ определяет обеспечение согласования общественно значимых интересов граждан Российской Федерации, органов государственной власти и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития.

Пункт «е» ст. 72 Конституции РФ относит общие вопросы воспитания, культуры и спорта к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Это следует понимать не только как необходимость учета мнения субъектов РФ при принятии соответствующих федеральных законов, но и согласование с регионами решений о проведении международных спортивных соревнований, а также их программ. Территория Сочи – это место, где исторически сложилось совместное проживание многих народов, имеющих собственные традиции. Проводимые Игры должны учитывать и доводить до участников и гостей, мировой аудитории особенности национальных культур, формировавшихся в этой части России. В Постановлении Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея «Об обращении Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея в Олимпийский комитет России и к Президенту АНО «"Организационный комитет XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи"» Д. Н. Чернышенко» сказано: «К великому сожалению, при подготовке Олимпиады-2014 государственные и общественные структуры полностью игнорируют историю и культуру коренного населения Причерноморья – черкесов (адыгов)»[14].

Часть 3 ст. 5 Конституции РФ устанавливает, что федеративное устройство России основано на разграничении полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации. В последнее десятилетие в федеративных отношениях, за редким исключением, произо-

---

[12] *Ткачев А.* Выступление на совещании по итогам осмотра олимпийских объектов 7 февраля 2013 года // Официальный сайт Президента РФ kremlin.ru

[13] СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 939.

[14] Адыгея официальная. Приложение к республиканской газете «Советская Адыгея». 2010. 27 марта.

шел отказ от практики заключения договоров. Олимпийские игры и Паралимпийские игры в Сочи – тот случай, когда между органами государственной власти России, органами государственной власти Краснодарского края и органами местного самоуправления муниципального образования – город Сочи целесообразно было бы заключить договор о разграничении полномочий, в котором определить права и обязанности разных уровней власти по вопросам: строительство дорог, объектов спорта, создание инфраструктуры; формирование культурной, туристической программ; олимпийское образование; организация транспортного обслуживания, питания, проживания; привлечение и подготовка волонтеров; изучение достижений отечественного спорта, истории юга России, традиций народов, проживающих в Причерноморье.

Часть 1 ст. 26.7 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» предусматривает, что заключение договоров о разграничении полномочий предусматривается только в случае, если это обусловлено экономическими, географическими и иными особенностями субъекта. Такая формулировка требует корректировки, поскольку не ясно, что следует понимать под особенностями. Кроме того, ограничительно толкуется ч. 3 ст. 5 Конституции РФ, в которой предусматривается возможность заключения договоров для всех субъектов РФ. В рассматриваемом федеральном законе необходимо указать, что договоры о разграничении полномочий заключаются в случае проведения крупных международных соревнований или иных масштабных по численности участников и затратам мероприятий.

По отдельным вопросам правильно было бы заключить соглашения между органами исполнительной власти России и органами исполнительной власти Краснодарского края. Например, актуальным следует признать вопрос использования олимпийского наследия. После Игр потребуется не менее 60 млрд рублей в год (возможно, больше) на содержание олимпийских объектов[15].

Развитие города Сочи является особым приоритетом государственной политики России[16]. На его территории создана спортивная и туристическая база, являющаяся достоянием всей страны, поддержание которой в необходимом для эксплуатации состоянии потребует значительных постоянных дотаций из федерального бюджета. Это делает возможным в дальнейшем постановку вопроса об изменении статуса Сочи. Фактически уже сегодня он стал городом федерального значения. На его территории расположена официальная резиденция Президента РФ[17]. Еще одной официальной резиденцией Президента РФ является Московский Кремль. Последнее обстоятельство делает оправданным постановку вопроса о пересмотре статуса Москвы как единственной столицы России. Эта проблема актуальна еще и в связи с переводом Конституционного Суда РФ, а в ближайшей перспективе, возможно, Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда в Санкт-Петербург. Согласно Закону РФ «О статусе столицы Российской Федерации» столица Российской Федерации – место нахождения федеральных органов государственной власти Российской Федерации.

Сочи мог бы не только фактически, но и юридически получить статус города федерального значения. Это отдельный тип субъектов РФ, который должен иметь определенную специфику в выстраивании отношений с федеральным центром[18]. В советский период были города республиканского подчинения. Некоторое время одним из них являлся Севастополь,

[15] Интервью Председателя Счетной палаты РФ С. Степашина // Советский спорт. 2013. 1 февр.

[16] Указ Президента РФ «О мерах по поддержке развития города – курорта Сочи» // СЗ РФ. 1995. № 1. Ст. 42; Постановление Правительства РФ «О дальнейшем развитии города – курорта Сочи» // Там же. 1995. № 22. Ст. 2082; Постановление Правительства РФ «О федеральной целевой программе “Социально-экономическое развитие города – курорта Сочи на период до 2010 года”» // Там же. 1997. № 20. Ст. 2282; Постановление Правительства РФ «Развитие г. Сочи как горноклиматического курорта (2006–2014 годы)» // Там же. 2006. № 34. Ст. 3670.

[17] Указ Президента РФ «Об официальной резиденции Президента Российской Федерации в г. Сочи» // Там же. 2008. № 40. Ст. 4519.

[18] *Ливеровский А. А.* Исторические и правовые особенности субъектного состава Российской Федерации // Правоведение. 2001. № 1. С. 80.

в котором финансовые и организационные функции осуществлялись под непосредственным руководством Совета Министров СССР[19]. Осуществление высказанного предложения в настоящий момент затруднительно, поскольку ч. 1 ст. 5 Федерального конституционного закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» устанавливает, что образование в составе России нового субъекта может быть осуществлено только в результате объединения двух и более граничащих между собой субъектов РФ. Такое понимание ограничивает рамки реализации норм ч. 2 ст. 65 Конституции РФ. Образование нового региона России может осуществляться как путем объединения субъектов РФ, так и через создание нескольких новых субъектов РФ на территории ныне существующего одного региона.

Часть 2 ст. 44 Конституции РФ закрепляет право каждого на участие в культурной жизни. Игры – это не только спортивное, но и культурное событие. Они представляют интерес не только как состязание спортсменов, команд, но и как возможность познакомиться с культурой принимающей страны и местности, изучить олимпийское наследие. На заседании Совета по межнациональным отношениям 19 февраля 2013 г. Президент РФ отметил: «Нужно стремиться к тому, чтобы наши национальные виды спорта пробивались в олимпийские дисциплины, о них знали в России, и они развивались у нас как массовые, общедоступные виды спорта»[20].

К сожалению, наряду с утвержденной Постановлением Правительства РФ Программой строительства олимпийских объектов и развития города Сочи как горноклиматического курорта[21] органами федеральной исполнительной властью не была принята программа организации культурных мероприятий, сопутствующих Играм. Проекты, проводимые в рамках культурной олимпиады, организованной АНО Оргкомитет «Сочи 2014», нельзя признать достаточными по своим масштабам. Например, в преддверии Олимпиады-80 Секретариат ЦК КПСС принял Постановление от 19 февраля 1980 г. «О культурной программе игр XXII Олимпиады в Москве», в результате реализации которой было продано 3 млн билетов, музеи и выставки посетили 2,5 млн человек[22]. Во многих странах были проведены выставки, посвященные советскому спорту. Для иностранных туристов разрабатывались олимпийские маршруты, предусматривающие посещение 37 городов страны[23]. Здесь полезно обратить внимание на зарубежный опыт. Накануне Олимпиады в Афинах 2004 г. была выпущена серия книг, кассет по олимпийской тематике, проведены связанные с ней конкурсы по рисованию, музыке, актерскому мастерству[24].

Часть 2 ст. 13 Конституции РФ устанавливает, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной. Но общество не может быть бездуховным, а государство – безыдейным. Сегодня осознана потребность повышения уровня нравственности, духовности в России. Идет поиск возможностей достижения данной цели. Например, 2013 год в Ленинградской области объявлен Годом духовной культуры[25]. Преамбула Конституции РФ провозглашает, что многонациональный народ Российской Федерации принял Конституцию РФ, чтя память предков, передавших ему веру в добро и справедливость. На этих принципах действует и олимпийское движение, ценности которого могут быть одной из основ воспитания молодежи, распространения гуманистических идеалов. В спорте можно найти множество примеров благородного поведения, оказания помощи

---

[19] *Федоров А. В.* Правовой статус Крыма. Правовой статус Севастополя. М., 1999. С. 34.

[20] Официальный сайт Президента РФ kremlin.ru

[21] СЗ РФ. 2008. № 2. Ст. 113.

[22] Пять колец под кремлевскими звездами. Документальная хроника Олимпиады-80 в Москве. М., 2011. С. 410–416.

[23] Олимпиада-80 в цифрах и фактах. Методические рекомендации для работников советов по туризму и экскурсиям. М., 1979.

[24] *Стрельникова Н. Л.* Мировой опыт и научные изыскания в решении проблем олимпийского образования // Олимпизм, олимпийское движение, олимпийский игры (история и современность). Мат. XIV олимпийской научной сессии молодых ученых и студентов России. М., 2003. С. 77.

[25] Распоряжение Губернатора Ленинградской области «О проведении в 2013 году в Ленинградской области Года духовной культуры» // Вестник Правительства Ленинградской области. 2012. № 98.

нуждающимся. Олимпизм – это серия ценностей и идеалов, что формирует через спорт основу образовательной политики и педагогики[26]. Этические нормы олимпийского движения закреплены в Спортивном кодексе Фэйр Плэй (честная игра), в преамбуле которого записано, что участники спортивной деятельности в любых ситуациях руководствуются собственной совестью, осуществляют нравственный самоконтроль и действуют в соответствии со справедливостью, добром и истиной[27].

Статья 10 Федерального закона «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» определяет особенности обеспечения безопасности в период проведения Игр. Президентом РФ введены усиленные меры безопасности при проведении Игр с 7 января по 16 апреля 2014 г.[28] Целесообразно уточнить содержащиеся в указанном федеральном законе нормы. Во-первых, ввести запрет, а не ограничение на проведение публичных мероприятий, не связанных с Играми. Во-вторых, законодательно определить порядок проведения массовых мероприятий, не связанных с выражением и формированием мнений, а также выдвижением требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и вопросам внешней политики, статус которых закреплен в Федеральном законе «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Установить права, обязанности, ответственность всех субъектов данных правоотношений. В-третьих, ввести запрет на проведение любых забастовок. В-четвертых, закрепить административную и (или) уголовную ответственность за несоблюдение административно-правовых режимов, связанных с введенными усиленными мерами безопасности.

Организация и проведение Игр требует решения многих не рассмотренных здесь правовых вопросов: деятельность Государственной корпорации «Олимпстрой», работа волонтеров, пребывание спортсменов и участников соревнований, экологическая безопасность и др. Научная дискуссия по ним и своевременное их правовое урегулирование позволит провести XXII Олимпийские зимние игры и XI Паралимпийские зимние игры 2014 г. в городе Сочи на достойном уровне.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы учета мнения граждан России при решении вопроса о проведении крупных спортивных мероприятий в стране. Рассматриваются проблемы обеспечения безопасности, применения договорной практики между органами власти различных уровней при организации и проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в городе Сочи.

Ключевые слова. Конституция РФ, Олимпийские игры, Сочи, спорт, город федерального значения, разграничение предметов ведения и полномочий, безопасность.

Annotation. In article are considered questions of consideration of the opinion of Russian citizens in solving the issue on carrying out of major sporting events in the country. Discusses the problems of security, the use of contractual practices between authorities at various levels in the organization and holding of the XXII Olympic winter games and the XI Paralympic winter games of 2014 in Sochi.

Keywords. The Constitution of the Russian Federation, the Olympic games, Sochi, sports, city of federal significance, differentiation of subjects of conducting and powers, security.

[26] *Гетман Е. И.* Олимпийское образование // Мат. Всерос. науч.-практ. конф. «На пути к XXII Олимпийским и XI Паралимпийским зимним играм» (Краснодар, 29–30 октября 2008). С. 43.

[27] Постановление Олимпийского комитета России от 14 февраля 2007 года № ИК 58/2 // Официальный сайт Олимпийского комитета РФ olympic.ru

[28] Указ Президента РФ «Об обеспечении безопасности при проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи» // СЗ РФ. 2010. № 20. Ст. 2436.

О. П. Иванченко
O. P. Ivanchenko

ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ ПОДГОТОВКИ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ)

EUROPEAN EXPERIENCE TRAINING OF CIVIL CASES FOR TRIAL (ON THE EXAMPLE OF FRANCE)

Изучение зарубежного законодательства никогда не утрачивало своей актуальности, поскольку понимание иностранного опыта позволяет выявить и уяснить недостатки и одновременно достоинства отечественного правового регулирования, предложить законодателю перспективные направления развития тех или иных правовых институтов и конструкций, которые объективно нуждаются в новом смысловом наполнении, усовершенствовании. А особый научный интерес и практическое значение имеют исследования правовых механизмов тех стран, которые принадлежат к одной правовой семье.

Собственно в этой статье автор предлагает рассмотреть французскую модель подготовки гражданских дел к судебному разбирательству, поскольку, как справедливо отмечает Г. П. Тимченко, Франция во многих сферах общественной и государственной деятельности является эталоном, образцом для подражания[1].

Современное гражданское процессуальное законодательство Франции своими корнями уходит к Гражданскому процессуальному кодексу Наполеона 1806 г., который французские критики называют одной из самых неудачных кодификаций, поскольку последний не содержал фундаментальных положений о доказательствах, норм о кассационном обжаловании и проч.[2] Впрочем, действовал указанный Кодекс достаточно долго практически без изменений: немногочисленные поправки носили единичный характер, а имеющиеся пробелы заполнялись дополнительными законами.

Закономерно, что потребностям французского общества уже не соответствовали устаревшие правила гражданского судопроизводства[3], что и стало толчком к реформированию гражданского процесса Франции. Как отмечают французские ученые, новый Гражданский процессуальный кодекс 1975 г. (далее – ГПК Франции) стал кульминацией масштабной реформы гражданского процесса, которая длилась с 1963 по 1981 год[4]. И хотя ГПК Франции был принят в 1975 г., работа по реформированию французского гражданского процессуального законодательства этим событием не завершилась, ведь в действие были введены лишь 972 статьи, которые составляли первую («Общие положения для судов всех юрисдикций») и вторую («Особенности производства в судах различных юрисдикций и инстанций») книги ГПК Франции. Кодификационный процесс продолжился в последующие годы, и только в 1981 г. ГПК Франции обрел тот вид, который имеет сегодня. В частности, ГПК Франции был дополнен третьей и четвертой книгами, которые соответственно получили названия: «Особенности производства по отдельным категориям дел» и «Арбитражное производство»[5]. Вследствие принятого 13 января 2011 г. Декрета № 2011-48 «О арбитраже»

Ученые записки юридического факультета. Вып. 28 (38). 2013

© О. П. Иванченко, 2013

[1] *Тимченко Г. П.* Проблеми реалізації принципів судочинства на стадії перегляду судових рішень у зв'язку з нововиявленими обставинами // Держава і право. 2010. Вип. 47. С. 313.

[2] Гражданский процесс зарубежных стран: Учеб. пособие / Под ред. А. Г. Давтян. М., 2009. С. 87.

[3] *Тимченко Г. П.* Принципи цивільної юрисдикції: теорія, історія, перспективи розвитку: Монографіяю К., 2006. С. 334.

[4] *Loïc Cadiet.* Introduction to French Civil Justice System and Civil Procedural Law. P. 339 [Электронный ресурс]: – Режим доступа: http://www.ritsumei.ac.jp/acd/cg/law/lex/rlr28/CADOET3.pdf.

[5] Ibid.

ГПК Франции был дополнен новыми положениями и сегодня насчитывает 1527 статей[6], которые формируют четыре книги, распределенные на титулы, главы, в некоторых случаях – на разделы и подразделы[7].

Доктрина и практика Франции относит гражданское процессуальное право к сфере частного права. В обоснование этого подхода французские юристы выделяют следующие стадии французского гражданского процесса: 1) возбуждение гражданского дела, которое осуществляется путем подачи в суд судебной повестки или заявления; 2) подготовка дела к судебному разбирательству (обмен сторон доказательствами, состязательными документами, подача судом соответствующих бумаг, допрос свидетелей, проведения экспертизы, личная явка сторон в суд и т. д.); 3) судебное разбирательство, которое осуществляется в состязательном процессе, за исключением случая, когда судебное решение выносится при неявке сторон; 4) принятие судом решения; 5) выполнение судебного решения после вступления в законную силу[8].

По общему правилу, возбуждение производства по делу в гражданском процессе Франции происходит путем обращения заинтересованного лица в суд с иском. В то же время дело может быть возбуждено и на основании совместного заявления сторон (requete conjointe) или посредством добровольного появления сторон перед судом (presentation volontaire)[9].

Такая специфика возбуждения производства с участием обеих сторон, находящихся в конфликте, скорее всего, связана с тем, что иск согласно ст. 30 ГПК Франции рассматривается как право истца (лица, заявляющего требование) быть выслушанным по существу своего требования, с тем чтобы судья мог принять решение относительно его обоснованности или необоснованности, и право ответчика оспаривать обоснованность требования истца[10].

Независимо от формы инициации судебного процесса путем предъявления истцом искового заявления или предъявления в суд так называемого вызова ответчика в суд (assignation) или путем совместного заявления сторон спора (добровольного появления сторон перед судом), судебный клерк начинает судебное дело (procedural dossier).

Следующей стадией гражданского судопроизводства, которая по праву считается определяющим этапом всего судебного процесса, является стадия подготовки дела к судебному разбирательству. Как показывает практика, независимо от инстанционности и специализации судов, основной целью подготовки дела к судебному разбирательству является достижение такого состояния готовности дела, которое позволит максимально оперативно разрешить спор. Именно на этой стадии процесса устанавливается предмет спора, стороны обмениваются заявлениями, ходатайствами и другими процессуальными состязательными документами, предоставляют и раскрывают доказательства[11].

Исследуя роль суда и сторон в ходе проведения подготовки гражданских дел к судебному разбирательству, стоит отметить, что роль судей имеет большое значение в современном французском гражданском судопроизводстве, даже несмотря на тот факт, что гражданский процесс обычно является «творчеством сторон»[12], главное назначение которых состоит во взаимном представлении суду своих требований и доводов, в доказывании перед судом их убедительности, формулировании в результате ознакомления с правовой позицией оппонента своих контраргументов.

---

[6] *Emmanuel Gaillard*. France Adopts New Law On Arbitration // New York Law Journal. Vol. 245. N 15 [Электронный ресурс]: – Режим доступа: http://www.shearman.com/files/Publication/1dc626bb-94b8-4586-b259-39d13cbd5dd2/Presentation/PublicationAttachment/31f5344a-3642-411a-9c8a-4ac48abf415f/IA-012411-France-Adopts-New-Law-On-Arbitration--e-gaillard.pdf;

[7] French Code of Civil Procedure [Электронный ресурс]: – Режим доступа: http://195.83.177.9/code/liste.phtml?lang=uk&c=39;

[8] *Тимченко Г. П.* Принципи цивільної юрисд икції: теорія, історія, перспективи розвитку: Монографія. С. 335.

[9] *Loïc Cadiet*. Introduction to French Civil Justice System and Civil Procedural Law. P. 355.

[10] Гражданский процесс зарубежных стран: Учеб. пособие / Под ред. А. Г. Давтян. С. 344.

[11] *Loïc Cadiet*. Introduction to French Civil Justice System and Civil Procedural Law. P. 356–357.

[12] Гражданский процесс зарубежных стран: Учеб. пособие / Под ред. А. Г. Давтян. С. 347.

Согласно ст. 763 ГПК Франции подготовка дела к судебному разбирательству проходит под контролем судьи, задачей которого является надзор за законным развитием процесса, за точностью и своевременностью обмена сторонами состязательными документами и раскрытием доказательств.

В связи с этим следует отметить, что французской судебной системе присуще наличие отдельной категории судей, осуществляющих подготовку дела к судебному разбирательству. При этом зачастую это судьи судов большой инстанции[13]. Такие судьи входят в коллегию, которой передается дело на рассмотрение.

Опять же, роль судьи при подготовке дела к судебному разбирательству, как отмечается в процессуальной литературе, достаточно активная, в частности, магистрат по подготовке гражданских дел к судебному разбирательству имеет значительные полномочия[14].

Первую группу составляют полномочия, связанные с заслушиванием позиции сторон и их примирением. Так, согласно ст. 767 ГПК Франции судья по собственной инициативе призывает стороны для дачи пояснений, а в соответствии со ст. 768 ГПК Франции – призывает к примирению.

Вторая группа полномочий позволяет осуществить активный контроль за надлежащим развитием процесса. Собственно, указанные полномочия заключаются в том, что судья в довольно императивной форме вмешивается в ход процесса. Например, судья может в порядке, предусмотренном ст. 765 ГПК Франции, пригласить адвокатов сторон для дачи ответа на вопросы, которые не были раскрыты в состязательных документах, обязать адвокатов предоставить необходимые пояснения по фактическим и правовым вопросам, а также обязать их предоставить оригиналы доказательств, на которые ссылаются стороны в своих состязательных документах. Судья согласно ст. 768-1 ГПК Франции имеет право привлечь к делу всех заинтересованных лиц, присутствие которых он признает необходимым для разрешения дела.

Нормы ГПК Франции не содержат четко определенных сроков проведения подготовки дела к судебному разбирательству, что, собственно, дает право судье по своему усмотрению устанавливать такие сроки. Обычно сроки проведения необходимых подготовительных действий зависят от срочности и сложности дела и устанавливаются судьей с учетом мнения адвокатов. Кроме того, судья по собственной инициативе согласно абз. 2 и 3 ст. 764 ГПК Франции может продлить указанные выше сроки или направить дело на более позднее слушание.

Третью группу полномочий судей составляют полномочия по обеспечению иска или проведению предварительных процессуальных мероприятий, в частности, судья может в порядке ст. 771 ГПК Франции своим определением: обязать стороны оплатить промежуточные судебные издержки; при определенных обстоятельствах обязать одну из сторон осуществить предварительную оплату в пользу кредитора; допустить свое промежуточное решение к исполнению; применить меры защиты в связи с возникновением новых обстоятельств и т. п.

Последнюю группу полномочий судьи, который осуществляет подготовку дела к судебному разбирательству, составляют полномочия по назначению дела к слушанию. Так, в соответствии со ст. 779 ГПК Франции подготовка дела к судебному разбирательству считается законченной, если судья приходит к выводу о наличии всех необходимых предпосылок для разрешения дела по существу. Признав дело подготовленным, судья направляет его к рассмотрению в основном судебном заседании, дата которого устанавливается председателем суда или судьей, который проводил подготовку, в случае, если последнему было предоставлено такое право.

В противном случае, если предпринятые подготовительные действия оказались недостаточными для направления дела для рассмотрения по существу, каждая сторона согласно ст. 780 ГПК Франции имеет право дополнить дело процессуальными документами, которых не хватает, либо совершить другие необходимые процессуальные действия. В случае, если

---

[13] Новый Гражданский процессуальный кодекс Франции / Пер. с франц. В. Захватаев; отв. ред. А. Довгерт. К., 2004. С. 488.

[14] Гражданский процесс зарубежных стран: Учеб. пособие / Под ред. А. Г. Давтян. С. 348.

адвокаты сторон вопреки предписанию суда не предоставили в установленный срок состязательные документы и средства доказывания, судья по собственной инициативе вправе принять решение о прекращении подготовки. Такое постановление направляется каждой из сторон простой корреспонденцией по месту их нахождения (ст. 781 ГПК Франции).

По результатам проведения подготовки дела к судебному разбирательству судья выносит мотивированное определение, которое по общему правилу не приобретает согласно ст. 775 ГПК Франции свойств законной силы и в соответствии со ст. 776, 782 ГПК Франции не может быть самостоятельным объектом апелляционного и кассационного обжалования.

Изучая особенности подготовки дел к судебному разбирательству в гражданском судопроизводстве Франции, невозможно не остановиться на анализе таких традиционных для состязательного процесса процедур, как обмен состязательными документами и раскрытие доказательств. В частности, к числу состязательных документов ГПК Франции относит иск, возражения против иска, встречный иск и любой другой процессуальный документ, в котором стороны излагают свои доводы относительно заявленных требований или возражений.

Интересно, что согласно ст. 56 ГПК Франции силу состязательного документа имеет и судебная повестка. Как уже отмечалось, судебный процесс во Франции может быть инициирован не только по исковому заявлению, совместному заявлению сторон или посредством прибытия сторон в суд, но и посредством так называемой судебной повестки (ст. 54 ГПК Франции). Судебной повесткой согласно ст. 55 ГПК Франции является акт судебного исполнителя, с помощью которого истец вызывает противоположную сторону в суд.

Судебная повестка в соответствии со ст. 56 ГПК Франции должна содержать следующую информацию: наименование суда, в который подается иск; предмет иска с изложением фактических обстоятельств и правовых доводов, извещение о том, что в случае неявки ответчика в суд против него может быть вынесено судебное решение, которое будет основываться исключительно на доказательствах, предоставленных истцом; ссылка на доказательства, обосновывающие исковые требования. Эти доказательства перечисляются в описи, прилагаемой к судебной повестке.

Совместному заявлению сторон, на основании которого может быть возбуждено гражданское дело, закон также предоставляет силу состязательного документа. В частности, положениями ст. 57 ГПК Франции предусмотрено, что совместным заявлением является общий документ, с помощью которого стороны подают судье свои взаимные исковые требования, вопросы, по которым у них имеются разногласия, а также доводы каждой из сторон. Совместное заявление сторон должно содержать: в отношении физических лиц – фамилию и имя, профессию, место жительства, гражданство, дату и место рождения каждого заявителя; в отношении юридических лиц – их организационно-правовую форму, наименование, местонахождение и орган, уполномоченный их представлять, наименование суда, в который подается заявление; ссылки на доказательства, подтверждающие требования сторон; дату и подписи сторон.

По общему правилу, установленному ст. 753 ГПК Франции, во всех состязательных документах должны четко излагаться исковые требования сторон, а также фактические и правовые доводы, лежащие в основе каждого из требований. К состязательным документам прилагается реестр, в котором перечисляются документы, обосновывающие требования сторон. Интересно, что гражданское процессуальное законодательство Франции предусматривает представление заключительных состязательных документов, в которых стороны повторно приводят свои требования и доводы, которые были изложены в предыдущих состязательных документах. В случае непредставления сторонами таких заключительных состязательных документов считается, что стороны от этих требований и доводов отказались, и суд принимает решение, основываясь только на последних состязательных документах, которые ему были поданы. Адвокат каждой из сторон обязан уведомить адвоката другой стороны о состязательных документах, а также направить ему документы, подтверждающие требования его клиента, при наличии нескольких истцов или ответчиков это должно быть сделано в отношении всех адвокатов, избранных сторонами. Копии состязательных документов заблаговременно подаются в канцелярию суда вместе с доказательствами сообщения о них.

Состязательному процессу Франции, как, собственно, и любому состязательному процессу, присуще, что каждая сторона в обоснование своих исковых требований и возра-

жений обязана предоставить подтверждающие их факты. Стороны обязаны своевременно уведомлять друг друга о фактических доказательствах, которыми они обосновывают свои исковые требования, о доказательствах, которые они подают, для того, чтобы каждая из них имела возможность подготовиться к защите своих интересов[15]. Так, согласно ст. 132 ГПК Франции сторона, которая ссылается на доказательство, обязана предоставить его всем лицам, участвующим в деле. При этом представление доказательств должно осуществляться в добровольном порядке. В случае непредставления одной из сторон доказательств другой стороне судья по ходатайству такой стороны может обязать противоположную сторону предоставить доказательство для ознакомления. Согласно ст. 134 ГПК Франции судья устанавливает, а при необходимости – даже под угрозой наложения штрафа (астрента) – срок и порядок представления доказательств. При этом судья имеет право исключить из судебного рассмотрения доказательства, которые не были своевременно представлены.

Гражданское процессуальное законодательство Франции содержит процессуальные механизмы, с помощью которых суд способствует сторонам в истребовании доказательств, в отношении которых существуют трудности в их получении и которые не находятся в распоряжении стороны, а находятся во владении третьих лиц. Так, согласно ст. 138 ГПК Франции, если в процессе рассмотрения дела сторона пожелает сослаться на определенный документ (акт), участником которого она не является, или доказательство, которое находится у третьего лица, такая сторона имеет право заявить ходатайство об истребовании того или иного акта или доказательства либо о выдаче его надлежащим образом заверенной копии. Такие ходатайства заявляются в произвольной форме. В том случае, если судья признает такое ходатайство обоснованным, последний согласно ст. 139 ГПК Франции выносит постановление об истребовании акта или доказательства в зависимости от обстоятельств в оригинале или в копии. Постановление суда об истребовании документов или доказательств подлежит немедленному исполнению под угрозой применения астрента.

Наконец, с учетом проведенной сторонами процедуры обмена состязательными документами и раскрытия доказательств, а также предоставленных адвокатами пояснений председатель суда в порядке, предусмотренном ст. 760, 761 ГПК Франции, назначает к слушанию те дела, которые, по его мнению, готовы к рассмотрению по существу. Председатель суда также назначает к слушанию дела, в которых ответчик не явился, в случае, если они готовы к рассмотрению, за исключением если он не вызовет ответчика в суд повторной повесткой. В указанных выше случаях председатель суда объявляет подготовку дела завершенной и назначает дату судебного заседания, которое может быть проведено в тот же день.

Председатель суда может потребовать, чтобы в назначенный им день адвокаты явились к нему повторно для завершающего собеседования по делу, в случае если он сочтет, что последний обмен состязательными документами или последнее представление сторонами доказательств будет достаточным для окончания подготовки дела к слушанию, либо сочтет, что состязательные документы сторон должны быть приведены в соответствие со ст. 753 ГПК Франции. В таких случаях председатель суда назначает каждому из адвокатов срок, необходимый для представления состязательных документов в порядке судебного уведомления, а также, когда это уместно, назначает срок для представления доказательств друг другу. В установленный день председатель суда назначает дело к слушанию, если в предписанные им сроки подготовка дела была завершена или если об этом ходатайствует один из адвокатов.

Таким образом, анализ правового регулирования подготовки дела к судебному разбирательству в гражданском процессуальном законодательстве Франции дает основания утверждать, что подготовка дела к судебному разбирательству играет важную роль для своевременного и правильного разрешения дела, поскольку надлежащее исполнение субъектами гражданского процесса всех необходимых подготовительных действий позволяет достичь такого состояния готовности дела, при котором спор будет правильно и своевременно рассмотрен в основном судебном заседании. Именно на этой стадии процесса устанавливаются предмет спора, предмет доказывания, стороны обмениваются заявлениями, ходатайствами и

[15] *Тимченко Г. П.* Принципи цивільної юрисдикції: теорія, історія, перспективи розвитку: Монографія. С. 338.

другими процессуальными состязательными документами, раскрывают доказательства, что обеспечивает заблаговременную осведомленность сторон с правовой позицией и доводами друг друга, стимулирует последних к добросовестной процессуальной борьбе.

Следует также отметить, что, придавая важную роль исследуемой стадии процесса, французский законодатель отдельно выделяет категорию судей в судах первой инстанции, осуществляющих подготовку дела к судебному разбирательству, которые играют весьма активную роль в процессе такой подготовки. Кстати, по меткому наблюдению Г. П. Тимченко, усиление активности суда, а также расширение форм взаимодействия между сторонами и судом составляют важную часть реформирования и развития современного гражданского процесса Франции[16]. По нашему убеждению, именно такие тенденции французского судопроизводства могут быть крайне интересными и полезными для отечественного гражданского процессуального законодательства, а также способствовать поиску и внедрению взвешенного баланса между процессуальной деятельностью суда и лиц, участвующих в деле, в состязательном процессе.

В то же время следует отметить, что изучение и анализ ГПК Франции дают основания говорить о не всегда последовательном и логичном изложении положений о подготовке дела к судебному разбирательству, нередко нормы процессуального закона, регулирующие права и обязанности участников процесса на данной стадии, совершаемые ими процессуальные действия и т. д. рассеяны по тексту ГПК Франции и находятся в разных его частях. В частности, своеобразие используемой в ГПК Франции законодательной техники и структуры ГПК Франции отмечали и процессуалисты, занимавшиеся исследованием гражданского процессуального права Франции[17].

Аннотация. Статья посвящена исследованию стадии подготовки дела к судебному разбирательству в гражданском процессуальном законодательстве Франции. Проанализирована роль суда и сторон на данной стадии гражданского процесса, очерчены особенности процессуальных конструкций обмена состязательными документами и раскрытия доказательств.

Ключевые слова. Гражданский процессуальный кодекс Франции, подготовка дела к судебному разбирательству, обмен состязательными документами, раскрытие доказательств.

Annotation. Article is devoted to the research of the preliminarily stage of civil procedure under the French civil procedure legislation. The role of the court and the parties is analyzed; features of the pleadings and disclosure of evidences are outlined.

Keywords. French Code of Civil Procedure, preliminarily stage of civil procedure, pleadings, disclosure of evidences.

[16] Там же. С. 342.

[17] Новый Гражданский процессуальный кодекс Франции / Пер. с франц. В. Захватаев; отв. ред. А. Довгерт. С. 12.

А. Б. Новиков, В. А. Новикова, М. Г. Грец
A. B. Novikov, V. A. Novikova, M. G. Grets

ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 15 КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОГО ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА: СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

APPLICATION OF ARTICLE 15 OF THE RUSSIAN FEDERATION CONSTITUTION IN TERMS OF THE EURASIAN CUSTOMS UNION: CORRELATION BETWEEN INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW

Создание и развитие нормативно-правовой базы экономической интеграции с участием Российской Федерации сопровождается существенным возрастанием значения различных международно-правовых актов в системе правового регулирования.

Конституционные положения[1] о том, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы», а также о том, что «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» (ч. 4 ст. 15), в условиях формирования правовой базы Евразийского таможенного союза требуют углубленного толкования и развития как в правовой теории, так и в практике нормативно-правового регулирования. Это обусловлено тем, что теоретико-правовые дискуссии по вопросу соотношения международного и национального права длятся уже более сотни лет, но для реального развития Таможенного союза и Единого экономического пространства пока не выработано более или менее стройной и непротиворечивой концепции, дающей всем участникам интеграционного процесса понятное представление о рациональной структуре правовой системы интеграции и правилах применения правовых актов, называемых нормативной базой интеграции.

Для характеристики взаимосвязи и взаимодействия международного и внутригосударственного права выделяются несколько подходов, противопоставляемых друг другу и имеющих свои модификации — дуалистический и монистический[2]. Дуалистический подход предполагает наличие двух относительно самостоятельных правовых систем — международной и национальной. Исключается примат одной из них в отношении другой. Дуалистический подход отражается в конституционных актах различных государств закреплением верховенства конституции и обязанности государства соблюдать международные договоры. В процессе взаимовлияния первичным рассматривается национальное право, что отражает естественный отказ государств от создания норм международного права, которые противоречат основам конституционного строя государств и соблюдение которых требовало бы внесения значительных изменений в национальное законодательство. В связи с этим прямое влияние национального права на международное право проявляется в том, что нормы внутригосударственного права, преобразованные применительно к внешним условиям функционирования государства, используются и в международном праве. Это в полной мере относится к порядку заключения и исполнения международных договоров. Прямое воздействие международного права на национальное проявляется через проникновение в конституционные акты общепризнанных принципов и норм международного права, а также через провозглашение международных договоров, заключенных государством, составной частью его национальной правовой системы. Прямое воздействие международного права на национальное осуществляется путем трансформации норм, содержащихся

Ученые записки юридического факультета. Вып. 28 (38). 2013

© А. Б. Новиков, В. А. Новикова, М. Г. Грец, 2013

[1] Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 дек.

[2] *Марченко М. Н.* Теория государства и права: Учебник. М., 2011. С. 486–496.

в конкретных международных договорах, в нормы национального права на базе действия конституционной нормы.

Монистический подход к оценке взаимоотношения международного и национального права состоит в отрицании относительной самостоятельности систем международного и национального права, в восприятии их как интегрированных друг в друга систем, формирующих «единую, универсальную правовую систему». Указанный подход демонстрирует существенно отличающиеся разновидности. Так, в одном случае взаимосвязь правовых систем характеризуется приоритетом национального права. При этом дело доходило и до объявления международного права неотъемлемой частью национального права[3]. Другая позиция, также основанная на принципе приоритета национального права, воспринимает «международное право как нечто несовместимое с национальным правом, а в некоторых отношениях даже чуждое ему»[4].

Монистический подход может выражаться и в признании примата международного (договорного) права над национальным. В этом случае принципиальным, на наш взгляд, моментом является характер интеграции международно-правовых и внутригосударственных норм. Конструкция положения ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации вряд ли может быть признана монистической, поскольку в случае такого признания единая целостная национальная правовая система «надстраивается» доминирующими в ней элементами, привнесенными из социально-политической среды, не обладающей самостоятельной правовой системой.

В спектре проблем формирования правовой базы Евразийского таможенного союза значительный вес обрели вопросы введения в действие и системного применения правовых актов Таможенного союза наряду с вопросами формулирования принципов и правил функционирования интеграционного объединения. Эффективное применение правовых актов Таможенного союза во многом обусловливается установлением их иерархии, определяемой ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации.

Указанная детерминанта укрепляется целым рядом причин, отражающих и специфику развития национального таможенного регулирования, и особенности международного сотрудничества в таможенной сфере.

Так, во-первых, в условиях активизации интеграционных процессов, формирования Евразийского таможенного союза важное значение обретает толкование понятия «правовая система Российской Федерации», поскольку в таможенной и иных сферах получают все большее распространение сравнительные исследования «национального» и «наднационального» уровней правового регулирования. При этом понятие «правовая система Российской Федерации» ассоциируется, на наш взгляд, с «национальным» уровнем. Соответственно, для «наднационального» уровня востребованной становится модель «правовой системы Таможенного союза» как части некой «международно-правовой системы». Складываются и развиваются интеграционные институты-регуляторы таможенных отношений (надгосударственные органы), и речь все чаще идет об уступке части таможенного суверенитета государствами – участниками Таможенного союза.

Указанный феномен «уступки суверенитета» выражает, на наш взгляд, одну из наиболее значительных особенностей применения ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, а именно: установление приоритета международного договора при урегулировании коллизионного отношения не в силу статуса международно-правового акта, несущего «мировые стандарты», а в силу разграничения сфер регулирования международно-правовых актов и национальных правовых актов на основе международных соглашений. Таким образом, имеющее место в условиях Таможенного союза договорное самоограничение компетенции Российской Федерации по регулированию вопросов таможенного дела — вопрос уже не теории, а расширяющейся практики таможенного регулирования. Необходимо отметить, что в условиях Таможенного союза тенденция к сужению сферы национального регулирования по вопросам таможенного дела становится все более устойчивой, в то время как мы стоим «на пороге» решения еще более масштабных задач создания Единого экономического

[3] *Оппенгейм Л.* Международное право. Т. 1. М., 1948. С. 57–61.
[4] *Марченко М. Н.* Теория государства и права: Учебник. С. 494.

пространства и регулирования экономических отношений с помощью правового инструментария, существенно превосходящего спектр средств таможенного регулирования.

Следовательно, укрепляются основания для разграничения национальных правовых систем государств – участников Таможенного союза и правовой системы Евразийского таможенного союза при признании их тесной взаимосвязи и определенного соотношения. Указанное разграничение правовых систем и положение об «уступке суверенитета» порождают ряд серьезных правовых вопросов, среди которых в первую очередь выделяются: а) вопросы о наличии в Конституции Российской Федерации оснований для «уступки суверенитета»; б) оценка выдвигаемого в ряде исследований принципа верховенства правовой системы Евразийского таможенного союза; в) возможность проверки конституционности правовых актов, принятых на так называемом «наднациональном» уровне регулирования; г) определение и оптимизация структуры правовой системы Евразийского таможенного союза.

К решению этих вопросов непосредственно относятся положения ст. 4 Конституции Российской Федерации: суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию (ч. 1), Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации (ч. 2). Тут и обнаруживается, что правовой акт Таможенного союза должен соответствовать Конституции Российской Федерации, если он признается частью правовой системы Российской Федерации (ч. 4 ст. 15) и если он применяется на территории Российской Федерации. Кроме того, системное толкование ч. 2 ст. 4 и ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации порождает тезис о верховенстве на всей территории Российской Федерации Конституции Российской Федерации, международных договоров Российской Федерации, федеральных законов. Факт применения правового акта Таможенного союза на остальной части единой таможенной территории Таможенного союза содержанием ст. 4 Конституции Российской Федерации не охватывается, хотя и может затрагивать права, свободы, законные интересы российских лиц. Более того, содержанию ст. 4 Конституции Российской Федерации не может противоречить и применение нормативно-правового акта Российской Федерации за ее пределами на таможенной территории Таможенного союза. Такая возможность применения законодательства государства – участника Таможенного союза на территории другого государства-участника предусматривается российским законодательством при условии взаимной договоренности[5]. Однако следует учитывать, что факт применения правового акта Таможенного союза на всей единой таможенной территории Таможенного союза четко указывает на отношение этого акта и к международному праву, которое имеет глобальный характер и действует на любой территории, где нормы этого права должны применяться согласно международным договоренностям.

В настоящем исследовании невозможно обойти вниманием особенность нормативно закрепленного понятия «применение нормативных правовых актов иностранного государства на территории Российской Федерации» в соответствии с ч. 3 ст. 7 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации». Полагаем, что законодатель подразумевает законодательство государства – участника Таможенного союза, но буквальный смысл нормы федерального закона оказывается шире и лишний раз подчеркивает, что только суверенная государственная воля Российской Федерации допускает применение «чужеродной» нормы (международно-правовой или просто иностранной нормы какого-либо национального права) на территории Российской Федерации.

Во-вторых, по тексту Конституции Российской Федерации не отождествляются общепризнанные принципы, нормы международного права и международные договоры Российской Федерации и эти понятия не рассматриваются как часть и целое. Общепризнанные принципы, нормы международного права и международные договоры Российской Федерации по-разному встраиваются, трансформируются в правовую систему Российской Федерации. Такая трансформация демонстрирует свои особенности в условиях Евразий-

[5] См: ч. 2 и 3 ст. 7 Федерального закона от 27.11.2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 29 ноября.

ского таможенного союза по сравнению с доинтеграционной фазой. Достаточно сказать, что широкий ряд нормативных положений, выработанных Всемирной торговой организацией и Всемирной таможенной организацией, уже применяется как нормы национального законодательства задолго до создания Таможенного союза независимо от участия Российской Федерации в указанных организациях.

В условиях интеграции становится особо актуальным уяснить, какой статусной частью правовой системы становятся международные договоры Российской Федерации с учетом их различного характера. Так, в Таможенном союзе проявляются различия соглашений, заключенных государствами – участниками Таможенного союза между собой (собственно по поводу функционирования Таможенного союза), и конвенций (многосторонних соглашений) по таможенному делу и внешней торговле, к которым присоединяются государства – участники Таможенного союза. Соглашения, заключенные государствами – участниками Таможенного союза между собой, также подразделяются на две группы: соглашения о принципах формирования Таможенного союза и соглашения о таможенном регулировании в Таможенном союзе. Практически задача установления статуса международных договоров Российской Федерации уже сформулирована присоединением Российской Федерации к Всемирной торговой организации[6] и присоединением всех государств – участников Таможенного союза к Конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур (Конвенции Киото)[7].

В-третьих, правило разрешения коллизии положений международного договора Российской Федерации и закона (ч. 4 ст. 15) работает с достаточной ясностью лишь в случае, когда одним из рассматриваемых элементов правовой системы Российской Федерации является федеральный закон[8]. Иначе говоря, в рамках правовой системы Российской Федерации устанавливается иерархия нормативных правовых актов, имеющих форму правового (международного) договора и федерального закона. По нашему убеждению, по смыслу ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации указанная иерархия нормативных правовых актов не выводится из иерархии двух правовых систем – правовой системы Евразийского таможенного союза и правовой системы Российской Федерации. В условиях Евразийского таможенного союза в сфере таможенного регулирования коллизии могут возникать вне сферы действия федерального закона, поскольку, с одной стороны, как уже отмечалось выше, международные договоры в условиях Таможенного союза обнаруживают различные свойства, а с другой стороны, в нормативно-правовую базу Таможенного союза включены не только договоры, но и акты надгосударственных органов управления интеграцией (например, решения Комиссии таможенного союза). Решения Комиссии таможенного союза не являются международными договорами. Применение этих актов обусловлено положениями Таможенного кодекса Таможенного союза и международными соглашениями в установленной сфере регулирования. Следовательно, устранение коллизий решений Комиссии таможенного союза и федерального закона также обусловлено разграничением их сфер регулирования согласно международному соглашению, а не общим приматом акта надгосударственного органа управления.

---

[6] Протокол о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г. от 16.12.2011 г. // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 23.07.2012; СЗ РФ. 2012. № 37. Ст. 4986; Федеральный закон от 21.07.2012 № 126-ФЗ «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 23.07.2012; Российская газета. 2012. 23 июля; СЗ РФ. 2012. № 30. Ст. 4177; Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2012 № 17-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации – Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации» // Российская газета. 2012. 20 июля; СЗ РФ. 2012. № 29. Ст. 4169.

[7] Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 18.05.1973 г. (Конвенция Киото, в ред. протокола 1999 г.) // Право и экономика. 1995. № 8; Бюллетень международных договоров. 2012. № 5.

[8] См., напр.: Федеральный закон от 27.11.2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 48. Ст. 6252.

Развивая приведенные соображения, мы в первую очередь должны сформулировать определенную позицию в отношении ныне используемого тезиса об «уступке суверенитета». Полагаем, что на современном этапе развития интеграции опираться на него в характеристике межгосударственных отношений преждевременно. Более адекватной и до сих пор активной представляется позиция, согласно которой потребность в расширении сферы и повышении интенсивности взаимодействия международного и национального права побуждает государства использовать правовые формы и методы, облегчающие и упрощающие сам механизм этого взаимодействия, что, однако, не ведет ни к «интеграции» взаимодействующих систем, ни к «стиранию граней между ними». Воздействие международного права на национальное «опосредуется волей государства, которое одновременно является и участником международно-правового отношения, и территориальным сувереном»[9]. Суверенитет государства означает, что на его территории может действовать только его воля. Исключается возможность действия в пределах его территории государственной воли других государств, в том числе согласованной воли, воплощенной в норме международного права. Таким образом, имеет место не «уступка суверенитета», а проявление суверенной воли государства к применению унифицированных правовых норм, а также устанавливается преграда для прямого воздействия норм международного права на внутригосударственное, минуя процесс его адаптации к национальному праву в виде трансформации, рецепции или имплементации[10].

Применение положения ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации к совокупности договоров Российской Федерации, регулирующих таможенные отношения, оказывается недостаточно результативным в той мере, в какой не позволяет установить иерархию международных соглашений с участием Российской Федерации. При этом мы не можем отрицать, что международное право включает в себя правовые нормы разной степени общности и юридической силы, которые регулируют различные стороны международных отношений и группируются в отдельные отрасли и институты, оказывают разное воздействие с точки зрения их юридической силы, сферы применения и правовой формы на внутреннюю правовую систему государств[11]. Практически значимой иллюстрацией проблемы могут служить различия правовых норм, содержащихся в Таможенном кодексе Таможенного союза, и Конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур (Конвенции Киото). В правовой системе Евразийского таможенного союза конвенционные нормы, выработанные Всемирной таможенной организацией, обладают приоритетом по отношению к нормам региональных соглашений участников Таможенного союза.

Использованное в Конституции Российской Федерации понятие «правовая система» особым образом соотносится с близкими, но не синонимичными ему понятиями – «система права» и «система законодательства». Согласно распространенному подходу «под системой права... понимается внутреннее строение, определенный порядок организации и расположения составляющих ее частей», а «под правовой системой разумеется вся правовая структура страны, правовая организация всего общества, складывающаяся из совокупности всех юридических средств, институтов и учреждений, функционирующих в его пределах. Это не только нормы права, но и правовая идеология, правосознание, правовая культура, правовая практика и т. п. Система законодательства представляет собой совокупность существующих в... государстве нормативно-правовых актов (законов, указов, статутов, декретов...), подразделяющуюся в соответствии с различными критериями на качественно определенные составные части»[12].

---

[9] *Усенко Е. Т.* Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российской Конституции // Московский журнал международного права. 1995. № 2. С. 15–16.

[10] *Каланда В. А.* О трансформации норм международного права в правовую систему Российской Федерации (конституционно-правовой анализ) // Московский журнал международного права. 1994. № 3. С. 12–27.

[11] *Талалаев А. Н.* Соотношение международного и внутригосударственного права и Конституция Российской Федерации // Московский журнал международного права. 1994. № 4. С. 5.

[12] *Марченко М. Н.* Теория государства и права: Учебник. С. 564.

Здесь мы обнаруживаем, что раскрытие содержания ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации связано с установлением логико-правовой связи понятий «нормы международного права», «международные договоры» и «правовая система». Такая связь выражается в том, что «нормы права» – элемент «правовой системы» наряду с такими элементами, как институты и отрасли права. «Международные договоры» содержат «нормы права» и характеризуются как разновидность источников права, что, правда, само по себе не определяет включение «международного договора» в национальную правовую систему. Следовательно, остается неясность – все ли нормы и источники права могут быть включены в национальную правовую систему. «Нормы международного права» и «международные договоры» оказались в эпицентре дискуссий. Для решения поставленного вопроса и требуется конституционное положение, позволяющее рассматривать международные договоры как составную часть национальной правовой системы[13]. Однако теоретико-правовая аргументация данного конституционного положения еще требует уточнения. Полагаем, что проблема отнесения международного договора к национальной правовой системе порождена не спецификой этого источника права, а особенностью сторон такого договора. Действительно, другие правовые договоры, в которых хотя бы одна из сторон не выступает субъектом международного права, не вызывают сомнений относительно их места в национальной правовой системе. Субъекты же международного права вступают в различного рода международные отношения. В связи с этим логично придерживаться позиции, согласно которой международные отношения не могут быть внутригосударственными, хотя и могут иметь результатом трансформацию последних.

Сформулированное положение позволяет толковать ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации таким образом, что составной частью правовой системы Российской Федерации являются нормы права, регулирующие внутригосударственные отношения и содержащиеся в международном договоре Российской Федерации. При этом сам международный договор, вводящий нормы права в национальную правовую систему, не перестает быть источником международного права, содержащим международно-правовые нормы.

Международный договор выступает регулятором отношений сотрудничества субъектов международного права в определенной сфере. Соответственно, предмет международного права – отношения государств – участников Таможенного союза, но не отношения государства с иными субъектами на национальном уровне, даже если сотрудничество государств осуществляется по поводу регулирования таких общественных отношений на национальном уровне. Отсюда возникает вывод о том, что в национальную правовую систему включаются не нормы о межгосударственном сотрудничестве, а нормы, установленные международным договором для единообразного регулирования внутригосударственных отношений. Фактически такие нормы являются продуктом унификации национальных законодательств. В условиях Таможенного союза самоограничение компетенции Российской Федерации по регулированию вопросов таможенного дела вытекает из международного договора, а не закона, что часто принимают за принцип примата международного права, закрепленного в ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации. Однако, по нашему мнению, ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации вопроса о примате международного права как раз не затрагивает, рассматривая приоритет правовых норм в рамках национальной правовой системы.

В указанной трактовке Таможенный кодекс Таможенного союза – составная часть правовой системы Российской Федерации, кодифицированный акт, предназначенный для применения на всей территории, где Российская Федерация осуществляет свою юрисдикцию. Аналогичное положение справедливо и в отношении правовых систем других государств – участников Таможенного союза. В то же время международный договор о введении Таможенного кодекса Таможенного союза[14] – международно-правовой акт сотрудничества государств в таможенной сфере, составная часть правовой системы Евразийского

[13] Там же. С. 532.

[14] Международный договор от 27.11.2009 г. о Таможенном кодексе таможенного союза (принят Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества от 27.11.2009 г. № 17) // СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6615.

союза. Среди соглашений, заключенных государствами – участниками Таможенного союза между собой (соглашений о принципах формирования Таможенного союза и соглашений о таможенном регулировании в Таможенном союзе), указанный договор относится к первой группе. Соглашения о таможенном регулировании в Таможенном союзе – соглашения второй группы – заключаются по вопросам, специально установленным Таможенным кодексом Таможенного союза. Как результат такого международного правопорядка выступает принцип приоритета норм Таможенного кодекса Таможенного союза над нормами соглашений второй группы. Заметим, что данный принцип сформулирован не в Таможенном кодексе, а в международном договоре о введении Таможенного кодекса Таможенного союза (договоре первой группы). Соответственно, соглашения первой группы, включая международный договор о введении Таможенного кодекса Таможенного союза, имеют приоритет над Таможенным кодексом Таможенного союза. Продолжая данные положения, следует считать логичным появление в правовой системе Евразийского сообщества соглашений первой группы, касающихся применения государствами – участниками Таможенного союза норм международных конвенций по таможенному делу независимо от того, все ли государства-участники присоединились к этим конвенциям или нет. Наличие таких соглашений будет основываться на принципе примата конвенционных международно-правовых норм над региональными.

В условиях Таможенного союза имеет место тесное взаимодействие двух правовых систем. Национальная правовая система охватывает внутригосударственные отношения, в которых только одна сторона – государство является субъектом международного права. Правовая система Евразийского союза охватывает отношения субъектов международного права – государств – участников Таможенного союза – между собой и иными субъектами международного права, включая международные организации в таможенной и внешнеторговой сферах (международные отношения).

В заключение необходимо обратить внимание на ряд ключевых положений настоящего исследования.

Толкование ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации открывает необходимость и возможность установления иерархии правовых актов Таможенного союза. Однако указанная конституционная норма распространяется только на правовую систему Российской Федерации, не устанавливая примата международного права и иерархии правовых систем.

В силу ст. 4 Конституции Российской Федерации правовой акт Таможенного союза, применяемый на территории Российской Федерации, должен соответствовать Конституции Российской Федерации, если он признается частью правовой системы Российской Федерации (ч. 4 ст. 15).

Наряду с правовой системой Российской Федерации интеграционный процесс формирует правовую систему Евразийского союза. В ходе развития Таможенного союза не происходит поглощения частей правовой системы Российской Федерации правовой системой Евразийского союза, что определяется разграничением внутригосударственных и международных отношений.

Принцип верховенства правовой системы Евразийского таможенного союза не выводится из принципа верховенства международного права, но выражает согласование воли государств – участников Таможенного союза в стремлении применения единообразного механизма регулирования внутригосударственных отношений в таможенной сфере, правового механизма, использующего интеграционную модель «таможенный союз», интеграционные формы таможенного сотрудничества, а также процедуры введения в национальные правовые системы норм права международными соглашениями государств-участников и решениями специально уполномоченных надгосударственных органов.

Приоритет международного договора при урегулировании коллизионного отношения устанавливается не в силу статуса международно-правового акта, несущего «мировые стандарты», а в силу устанавливаемого на основе международных соглашений разграничения сфер регулирования международно-правовых актов и национальных правовых актов. Указанное разграничение сфер регулирования является специфическим проявлением принципа примата международного права, усматриваемого в содержании ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации.

Ученые записки юридического факультета. Вып. 28 (38). 2013

В условиях Евразийского таможенного союза коллизионное правило по ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации распространяется не на все правовые противоречия, так как, с одной стороны, международные договоры в условиях Таможенного союза имеют различные свойства и выстраиваются в иерархическую структуру, а с другой стороны, в нормативно-правовую базу Таможенного союза включены не только договоры, но и Таможенный кодекс, и акты надгосударственных органов управления интеграцией (решения Комиссии Таможенного союза).

Аннотация. В статье исследованы концепции соотношения международного и национального права при формировании Евразийского таможенного союза. На основе ст. 4 и 15 Конституции Российской Федерации дана характеристика иерархии правовых актов Таможенного союза. Введено понятие «правовая система Таможенного союза». Авторы критикуют тезис об «уступке таможенного суверенитета» и устанавливают необходимость соответствия Конституции Российской Федерации правовых актов Таможенного союза и условия соответствия.

Ключевые слова. Таможенный союз, международное и национальное право, правовые системы, Конституция Российской Федерации, иерархия правовых актов Таможенного союза.

Annotation. In the article there are considered correlations between international and national law during the establishment of the Eurasian Customs Union. On the basis of the Articles 4 and 15 of the Constitution of Russian Federation there is given a characteristic of hierarchy of legal acts of the Customs Union. There is applied a notion of «legal system of the Customs Union». Authors criticize a point about «concession of the customs sovereignty» and determine a necessity of correspondence of the legal norms of the Customs Union with the Constitution of Russian Federation and the conditions of the correspondence.

Keywords. Customs Union, international and national law, legal systems, Constitution of Russian Federation, hierarchy of legal acts of the Customs Union.

В. В. Пылин
V. V. Pylin

ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ СТАТЬИ «ОСКОРБЛЕНИЕ» ОСЛАБИЛА ЗАЩИТУ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЧЕЛОВЕКА

THE DECRIMINALIZATION OF THE ARTICLE «INSULTING» WEAKENED THE PROTECTION OF HONOR AND DIGNITY OF THE HUMAN

Достоинство личности признается Конституцией Российской Федерацией (ст. 21), как и Всеобщей декларацией прав человека 1948 г. (ст. 1)[1], в качестве универсальной и абсолютной, охраняемой государством ценности. Тем самым достоинство человека является наряду с правом на жизнь одной из важнейших основополагающих характеристик правового статуса человека.

Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 15 января 1999 г. № 1-П отметил, что достоинство личности оказывает нормативное воздействие на всю систему правового регулирования и правоприменительной практики в Российской Федерации, задает параметры и критерии индивидуального и коллективного пользования правами и свободами человека и гражданина (конституционного правопользования)[2].

Достоинство и право на защиту своего доброго имени признаются в России за каждым человеком и охраняются государством как высшие ценности (Конституция РФ ст. 2, 17, 18, 21, 23). В соответствии со ст. 21 Конституции РФ ничто не может быть основанием для умаления достоинства личности. В соответствии с этим при осуществлении свободы слова и критики, свободы выражения мнений и убеждений недопустимы клевета, оскорбление, дискриминация, распространение о человеке порочащих несоответствующих действительности сведений.

Клевета и оскорбление во многих странах считаются преступлением. В Российской Федерации, как и в Советском Союзе, они также относились к уголовно наказуемым деяниям до 2011 г.

Однако в последние годы нередко некоторыми судьями и другими политиками высказывались предложения исключить из Уголовного кодекса РФ (УК РФ) наказания за оскорбления и клевету. Аргументировалось это тем, что якобы неправильно, когда за мелкое хулиганство наказывают в административном порядке, а за оскорбление и клевету в приватном кругу заводят уголовное дело. И не важно, что в тюрьму, может, не посадят: судимость за неосторожно брошенное слово способна серьезно испортить жизнь. Судимого не везде примут на работу, могут возникнуть проблемы при получении кредита или загранпаспорта. Вообще человек получит клеймо в биографии, хотя иногда пара суток ареста и мелкий штраф были бы достаточным наказанием[3].

К сожалению, авторы и лоббисты всех этих предложений больше думали только о тех, кто совершал преступные клевету и оскорбления, а не о тех, кто страдал от них, а подчас и погибал от жизненно опасных травм. В приведенной выше их аргументации нет ни одного слова о заботе и судьбе потерпевших. При этом они, видимо, плохо ориентировались в реальной действительности, утверждая, что иногда пара суток ареста и мелкий штраф были бы достаточным наказанием. А ведь достаточными наказаниями не были даже многотысячные штрафы либо ограничение свободы на срок до двух лет.

Как отмечают многие, мы подошли к той черте, когда вокруг стало слишком много лжи, оскорблений, хамства, грубости, правового нигилизма, шельмования принципиаль-

Ученые записки юридического факультета. Вып. 28 (38). 2013

© В. В. Пылин, 2013

[1] Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

[2] СЗ РФ. 1999. № 4. Ст. 602.

[3] *Куликов В.* Правозащитников направили в суд // Российская газета. 2007. 14 дек.

ных людей, процветания цинизма и несправедливости и другой подобной гадости. При этом самыми опасными носителями оскорблений являются многие из числа политиков, журналистов, депутатов, высших чиновников. Люди им верят. Они же вместо того, чтобы служить примером для граждан и особенно молодежи, нередко даже на различных телевизионных дебатах позволяют себе публичные оскорбления, хамство, грубость, эпатажные заявления. Как можно после этого требовать от граждан соблюдения норм закона, морали и нравственности, когда их сплошь и рядом нарушают большие начальники? И это притом, что существуют различные кодексы этики (Кодекс судейской этики, Кодекс профессиональной этики российского журналиста), во многих законах и иных нормативных правовых актах установлены статьи, содержащие требования к соблюдению этических норм членом Совета Федерации, депутатом Государственной Думы, депутатом законодательных (представительных) органов власти субъектов Федерации, к поведению государственных и муниципальных служащих, полицейских и прокуроров, а также ответственность за их нарушение. Однако их соблюдение контролируют редко и формально.

Заслуживают уважение действия Патриарха Кирилла в этой сфере, призвавшего на фестивале «Вера и Слово» священнослужителей и медийных церковных фигур не участвовать в телешоу и не «пиариться». Он сказал: «Не нужно эпатировать публику. Эпатаж – это не наша миссия. Пусть другие им занимаются... Народ вообще устал от эпатажа, от хлестких слов, в которых мало смысла, но много желания произвести впечатление... себя пропиарить.... Надо быть ответственным за все то, что говорим, особенно публично. Дискуссия часто эмоционально увлекает людей настолько, что тормоза отпускает... Мы же не клоуны»[4].

Действительно у нас часто звучат призывы быть ответственными за все то, что говорим, особенно публично. Люди постоянно ставили и ставят вопросы о необходимости общими усилиями искоренить эти недуги, иначе последствия такой интоксикации опасны для всех.

И все же Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ ст. 129 «Клевета» и ст. 130 «Оскорбление» УК РФ были признаны утратившими силу и перенесены без обсуждения с народом соответственно в ст. 5.60 и ст. 5.61 Кодекса об административных правонарушениях РФ (КоАП РФ).

В результате, если раньше за оскорбление по УК РФ максимально наказывали штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет, то после исключения ст. 130 «Оскорбление» из УК РФ оскорбление стало считаться административно наказуемым деянием с максимальным штрафом за него в размере на граждан до 5 тыс. руб., на должностных лиц – до 50 тыс. руб. В связи с этим появилось много SMS-оскорблений по мобильному телефону.

Административное наказание полностью не решит проблемы оскорбления, хамства. У нас очень многие такие проступки наказываются штрафом, но люди откупаются и продолжают спокойно жить. Интернет стал неотъемлемой частью нашего существования, поэтому избавляться от хамства надо как в реальной жизни, так и в социальной сети.

Многие встретили это известие с большим недоумением. Спрашивали, что, у нас в стране уже побеждены клевета и оскорбления или они перестали калечить людей? Почему при равенстве всех перед законом ст. 319 «Оскорбление представителя власти», ст. 297 «Неуважение к суду», ст. 336 «Оскорбление военнослужащего» были сохранены в УК РФ, и к тому же предусматривается дополнить УК РФ еще ст. 243.1 «Оскорбление религиозных убеждений и чувств граждан и (или) осквернение объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест, предназначенных для совершения религиозных обрядов и церемоний», а ст. 130 «Оскорбление» из УК РФ перенесена ст. 5.61 в КоАП РФ. Другие, наоборот, радовались этим изменениям.

Оскорбление – умышленное унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме (ст. 5.61 КоАП РФ). Оскорбление может быть нанесено в виде высказывания (словесно, письменно) или в виде действия (пощечина, плевок, неприличный жест), а также публично или в отсутствие объекта оскорбления. В отличие от клеветы, оскорбление

[4] *Новоселова Е.* Мы не клоуны // Российская газета. 2012. 1 ноября.

не несет в себе сведений, позорящих потерпевшего. Оно заключается в негативной оценке личности человека, его качеств, поведения, причем в форме, противоречащей установленным правовым правилам поведения и требованиям общечеловеческой морали.

Верховный Суд Российской Федерации, по инициативе которого была перенесена статья «оскорбление» из УК РФ в КоАП РФ, до сих пор не определился в понятии «выраженное в неприличной форме». Хотя наибольшую сложность для судебной практики составляет установление именно неприличной формы унижения чести и достоинства конкретного лица. Вследствие этого из-за отсутствия правильного и единообразного применения в судебной практике решения вопросов об оскорблении одни судьи, например, слово «негодяй» не признавали за оскорбление, другие судьи считали это слово «неприличным».

В одном из обзоров судебной практики пояснялось, что нельзя судить человека, назвавшего свою знакомую «тупоголовой», поскольку слово само по себе не является неприличным. Точно так же нередко людей оправдывали за слова «проститутка», «негодяй», «хам», «пьяница», «старый козел», «маразматик», потому что такие выражения вроде бы оскорбительные, но как бы и легальные, не содержащие в себе неприличной формы.

Нередко одни и те же судьи слово «козел», сказанное в адрес полицейского или высшего чиновника квалифицировали как оскорбление, а выраженное это же слово должностным лицом либо соседом или другом судьи, адресованное водопроводчику, не считали порочным. На самом деле все подобные слова и словосочетания люди раньше и теперь справедливо считают оскорблениями, унижающими честь и достоинство личности. Но с этим власть предержащие не считаются.

Нередко одним или несколькими действиями наносятся человеку одновременно оскорбление и клевета как без отягчающих обстоятельств, так и при их наличии. Эти противоправные действия причиняют большой вред здоровью, достоинству и чести человека.

Недаром А. С. Грибоедов в своей комедии «Горе от ума» это зло по силе вреда и разрушения справедливо сравнил с пистолетами: «Ах! Злые языки страшнее пистолета». Поэтому раньше россияне, нередко жертвуя жизнью, отстаивали прежде всего свои честь и достоинство даже на дуэли.

Оскорбление, как и клевета, – тяжкий вид посягательства против чужой чести и достоинства, оно несет беззаконие, несправедливость, травлю, часто приводит к стрессу, который подрывает здоровье человека, к инсультам, инфарктам и другим тяжелым заболеваниям, преждевременной смерти, а подчас и к самосуду. Ощущение безнадежности и несправедливости очень сильно давит на психику, способствуя суицидальным мыслям. Нередко длящееся стрессовое состояние приводит к суициду.

По официальной статистике, в мире каждый год кончают жизнь самоубийством 1 100 000 человек, среди них 30 тысяч россиян. При этом лишь 18 % – людей, совершающих попытку самоубийства, страдает психическими нарушениями. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) делит все страны по показателю суицида на три группы. По итогам 2011 г. в группу с высоким и очень высоким уровнем самоубийств (свыше 20 человек на 100 тыс. населения) отнесена Россия (21,4 чел.)[5].

Конечно, стрессы, суициды, порожденные оскорблением, травлей, произволом, существенно снижают результаты государственной политики по сбережению народа. Эти и им подобные противоправные действия, взращенные на оскорблении, причиняют большой вред здоровью и нравственности населения, разрушают достоинство и честь человека, репутацию юридических лиц, духовный и нравственный потенциал гражданского общества.

Однако менее чем через восемь месяцев Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ клевету все-таки вернули в перечень уголовно наказуемых деяний (ст. 128.1). В Государственной Думе сторонники возвращения клеветы в УК РФ поясняли свою позицию, в том числе и тем, что декриминализация этой статьи, проведенная в рамках либерализации законодательства, ни к чему хорошему не привела. И хотя декриминализация статьи «оскорбление» также ни к чему хорошему не привела, ее все же так и оставили в КоАП РФ.

[5] Статистика самоубийств // URL: http://www.lossofsoul.com/DEATH/index.htm,

При этом ст. 319 «Оскорбление представителя власти» в нарушение принципа равенства была сохранена в УК РФ. Указанная статья предусматривает, что публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением наказывается штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года.

Представителем власти признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 в ред. от 22 мая 2012 г. № 76 было разъяснено, что к представителям власти следует относить лиц, осуществляющих законодательную, исполнительную или судебную власть, а также работников государственных, надзорных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, а также организациями независимо от их ведомственной подчиненности (например, члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, депутаты законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, члены Правительства Российской Федерации и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, судьи федеральных судов и мировые судьи, наделенные соответствующими полномочиями работники прокуратуры, налоговых, таможенных органов, органов МВД Российской Федерации и ФСБ Российской Федерации, состоящие на государственной службе аудиторы, государственные инспекторы и контролеры, военнослужащие при выполнении возложенных на них обязанностей по охране общественного порядка, обеспечению безопасности и иных функций, при выполнении которых военнослужащие наделяются распорядительными полномочиями).

Конечно, наказание за публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей должно быть строже, однако все наказания за оскорбление любого человека должны быть уголовно наказуемыми. Ведь согласно ст. 19 Конституции государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от должностного положения. А в соответствии со ст. 21 Конституции ничто не может быть основанием для умаления достоинства личности. Соответственно это должно относиться в равной степени как к полицейскому, судье, прокурору, так и к учителю, профессору, матери-героине и т. д., и вообще к каждому человеку.

В Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации, принятой Комитетом Министров Совета Европы 12 февраля 2004 г. на 872-м заседании Комитета Министров на уровне постоянных представителей[7], отмечено, что государство, правительство или любой другой институт исполнительной, законодательной или судебной ветви власти может подвергаться критике в средствах массовой информации. В связи с доминирующим положением данных институтов они не должны защищаться уголовным правом от клеветнических и оскорбительных заявлений. Однако если указанные институты пользуются подобной защитой, она должна применяться ограниченно, при этом при любых обстоятельствах необходимо избегать ее использования для ограничения свободы критики. Кроме того, лица, представляющие данные институты, сохраняют право пользоваться защитой как физические лица.

Кроме того, представители всех фракций Госдумы внесли на рассмотрение законопроект, который предлагает дополнить УК РФ ст. 243.1 «Оскорбление религиозных убеждений и чувств граждан и (или) осквернение объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест, предназначенных для совершения религиозных обрядов и церемоний».

[6] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4.

[7] URL: http://yandex.ru/infected?url=http://www.medialaw.ru/laws/ot.

В частности, за оскорбление религиозных убеждений и чувств граждан предлагается ввести наказание в виде штрафа в размере до 300 тысяч рублей, обязательных работ на срок до 200 часов или лишения свободы на срок до трех лет. Таким образом, указанное будет считаться уголовно наказуемым деянием с максимальным штрафом за него в размере до 300 тыс. руб. или лишением свободы на срок до трех лет, а оскорбление гражданина, атеиста, академика РАН РФ, народного артиста России, героя Российской Федерации и т. д. будет относиться к административно наказуемым деяниям с максимальным штрафом за него в размере на граждан до 5 тыс. руб. Это нонсенс. Это явное нарушение конституционного принципа равенства всех перед законом и судом.

Этот законопроект был внесен в парламент после вызвавшей большой общественный резонанс акции девушек из панк-группы Pussy Riot в храме Христа Спасителя в Москве.

Все это вновь вызвало критику указанного законопроекта, в том числе и на заседании президентского Совета по правам человека в ноябре 2012 г. Учитывая это, Президент России В. В. Путин предложил Госдуме не спешить с принятием законопроекта о наказании за оскорбление чувств верующих.

Права и свободы человека, основные демократические принципы остаются в центре внимания международных организаций, получают определенное подтверждение и развитие. Так, на совещании министров 106 государств сообщества демократий, созванном в Варшаве 26–27 июня 2000 г., была принята ***Варшавская декларация «К сообществу демократий»***[8], в которой заявлено, в частности, что, выражая нашу общую приверженность целям и принципам, закрепленным в Уставе ООН и Всеобщей декларации прав человека, подчеркивая взаимозависимость между миром, развитием, правами человека и демократией, признавая универсальность демократических ценностей, настоящим соглашаемся уважать и отстаивать – право каждой личности на равную защиту перед законом без какой-либо дискриминации по признакам расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства.

Поэтому оскорбление должно искореняться всеми законными формами, включая уголовную ответственность. Государственные, муниципальные, судебные и правоохранительные органы должны в соответствии со ст. 21 Конституции создать атмосферу общественной нетерпимости к оскорблению, не на словах, а на деле охранять достоинство и честь личности.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с декриминализацией ст. 130 «Оскорбление», которая была перенесена в декабре 2011 г. из Уголовного кодекса РФ в ст. 5.61 Кодекса об административных правонарушениях РФ. Оскорбление, несущее умышленное унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, причиняет большой вред здоровью, достоинству и чести человека. Существует опасность, что либерализация законодательства об оскорблении ни к чему хорошему не приведет.

Ключевые слова. Права человека, честь, достоинство, оскорбление человека, оскорбление представителя власти, оскорбление религиозных убеждений граждан, злые языки страшнее пистолета.

Annotation. The article considers the problems associated with decriminalization article 130 «Insult», which was transferred in December 2011, of the Criminal code of the Russian Federation in article 5.61 of the Code of administrative offenses of the Russian Federation. The insult of having a deliberate humiliation of honor and dignity of another person, expressed in indecent form, causes pain to harm the health, dignity and honor of the person. There is a danger that the liberalization of the legislation on defamation to no good when-leads.

Keywords. Human rights, honor, dignity, insult in proportion, insulting a representative of authorities, the insult of religious no confidence of the citizens, the evil tongues terrible gun.

[8] Московский журнал международного права. 2001. № 41.

М. А. Струкова
M. A. Strukova

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ФАЛЬСИФИКАЦИИ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕЕСТРА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ (Ч. 1 СТ. 170.1 УК РФ)

THE SUBJECTIVE SIDE OF FALSIFICATION THE UNIFIED STATE REGISTER OF LEGAL PERSONS (P. 1 ART. 170.1 OF THE CRIMINAL CODE OF RUSSIAN FEDERATION)

Ученые записки юридического факультета. Вып. 28 (38). 2013

Одним из наиболее опасных проявлений посягательств на оборот единых государственных реестров на протяжении последних 10–15 лет является рейдерство, при котором коммерческая собственность не перераспределяется в рамках цивилизованного гражданского оборота, а захватывается путем незаконного вмешательства в систему корпоративного управления компании посредством внесения изменений в государственный реестр. При этом как собственники захваченных компаний, так и экономика страны в целом несут огромные убытки.

Примечательно, что еще в 1870 г. великий учитель русских криминалистов И. Я. Фойницкий писал: «...как человек времен первоначальных прибегал для похищения имущества главным образом к топору и кистеню, а человек нашего времени к тайному взятию чужого, так вскоре – что уже весьма заметно теперь – преобладающее место этих способов заменит орудие интеллектуальное, хитрость, обман...»[1].

Несмотря на отсутствие в законодательстве, в актах органов судебной власти термин «рейдерство» встречается. К примеру, Президиум ВАС РФ в своем Определении по резонансному делу по иску акционеров ЗАО «СМАРТС» о взыскании с ООО «Сигма Капитал Партнерз» убытков, причиненных применением обеспечительных мер, использует термин «рейдерская атака»[2]. Это свидетельствует о том, что общественно опасное явление, совершаемое под прикрытием нескольких мнимых гражданско-правовых сделок, в России распространено повсеместно, независимо от наличия определения в законодательстве.

В самих криминальных операциях (речь идет уже о целой индустрии) обычно задействованы непосредственно или опосредованно многие лица, в том числе должностные, различные предпринимательские структуры, контролирующие правоохранительные и судебные органы, а также криминалитет. Более того, подобного рода деятельность сумела выделиться в отдельный сегмент бизнеса, появилась новая профессия – «рейдеры»[3]. По сути, рейдерство стал одним из видов высокодоходного бизнеса, рентабельность которого доходит до 1000 %: потратив один миллион на рейдерский захват успешной компании, рейдер получает до 40 млн прибыли[4].

По данным Следственного комитета РФ, одной из наиболее распространенных схем, которые используют рейдеры для осуществления последующего захвата управления в юридическом лице, – внесение в Единый государственный реестр юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) фиктивных сведений о переназначении единоличного исполнительного органа,

© М. А. Струкова, 2013

[1] *Фойницкий И. Я.* Мошенничество по русскому праву. Сравнительное исследование. М., 2006. Ч. 1. С. 9.

[2] Определение ВАС РФ от 31.05.2011 № ВАС-2929/11 по делу № А56-44387/2006 // СПС «Консультант».

[3] Рейдер – специалист по перехвату оперативного управления или собственности юридического лица путем незаконного инициированного конфликта // Рейдерство и корпоративный шантаж (организационно-правовые меры противодействия): Монография / Под ред. А. Ю. Федорова. М., 2010. С. 45.

[4] *Ждакаев И.* Вот вам и «священная собственность» // Российская Федерация сегодня. 2005. № 17. С. 14.

перепродаже долей в уставном капитале или внесение иных изменений в учредительные документы хозяйственного общества[5]. Подобные действия осуществляются с целью захвата управления юридическим лицом для последующего распоряжения его имуществом.

Большую роль в выборе объекта захвата, особенно в Москве или, скажем, Санкт-Петербурге, играет привлекательность земельного участка или здания, занимаемого юридическим лицом. В результате заключения самозваным руководителем организации ряда последовательных сделок имущество поступает в распоряжение «добросовестного приобретателя», что создает почти непреодолимые трудности при попытках вернуть это имущество законному владельцу.

Реакцией государства на рейдерские захваты стало принятие Федерального закона от 1 июля 2010 г. № 147-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 147-ФЗ)[6]. В результате Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ)[7] дополнен, наряду со ст. 185.5 и 285.3, ст. 170.1 УК РФ.

Деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 170.1 УК РФ, направлено против установленного порядка обеспечения достоверности сведений, вносимых в ЕГРЮЛ, а также в реестр владельцев ценных бумаг или в систему депозитарного учета.

Важно понимание, что система государственного учета юридических лиц и система учета прав на ценные бумаги существенно отличаются друг от друга как юридической природой самих информационных ресурсов, так и субъектом и объектом учета. Примечательно, что изначально в законопроекте ст. 170.1 устанавливала ответственность только за фальсификацию реестра акционеров, а ст. 285.3 УК РФ – за фальсификацию единых государственных реестров, включая и ЕГРЮЛ. Однако в ходе последующих обсуждений законопроекта положения ст. 285.3 УК РФ в полном объеме были перенесены в ст. 170.1 УК РФ. Сделано это в связи со сходством действий, посредством которых совершаются указанные преступления, несмотря на различия правовой природы охраняемых реестров.

Тем не менее для целей настоящего исследования имеет значение только деяние в виде фальсификации ЕГРЮЛ. При совершении этого преступления нарушаются не только принципы, на основе которых осуществляется предпринимательская и иная экономическая деятельность, но и имущественные интересы граждан или организаций, а также отношения в сфере управления. Нередко представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные данные, связано с совершением иных, как правило, имущественных или служебных преступлений.

В качестве примера фальсификации ЕГРЮЛ можно привести следующий: так, 17 февраля 2012 г. Кольчугинским городским судом Владимирской области Щербатых А. С. был признан виновным в совершении 6 преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 185.5 УК РФ и ч. 1 ст. 170.1. УК РФ.

В ходе следствия было установлено, что Щербатых А. С., являющийся владельцем 33 % долей в уставном капитале общества, действуя умышленно, из корыстных побуждений, с целью незаконного захвата управления в юридическом лице и возложения на себя полномочий генерального директора общества, оформил протокол общего собрания ООО «Энергоспецремонт», согласно которому было принято единогласное решение об избрании Щербатых А. С. генеральным директором ООО «Энергоспецремонт». Продолжая свои преступные действия, Щербатых А. С. подписал заявление о внесении изменений в сведения о юридическом лице, содержащиеся в ЕГРЮЛ, в присутствии нотариуса Кольчугинского нотариального округа, которая, будучи введенной Щербатых А. С. в заблуждение, засвидетельствовала подлинность его подписи, проверив его полномочия на основании фиктивного протокола общего собрания ООО «Энергоспецремонт». Затем Щербатых А. С. предоставил

[5] Обзор практики применения новых положений уголовного законодательства Российской Федерации о противодействии рейдерству от 11 августа 2011 г. № 211-24016-11. М., 2011.

[6] Российская газета. 2010. 5 июля.

[7] СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

в налоговую службу указанное заявление, на основании которого были внесены изменения в ЕГРЮЛ, содержащие ложные сведения о Щербатых А. С. как о генеральном директоре ООО «Энергоспецремонт».

В результате действий Щербатых А. С. были нарушены права соучредителей ООО «Энергоспецремонт», а именно: участвовать в управлении делами общества, в том числе путем участия в общих собраниях участников, а также избирать и быть избранными в органы управления общества[8].

Субъективная сторона фальсификации ЕГРЮЛ характеризуется виной в форме умысла, притом прямого, и наличием специальных альтернативных целей: а) внесения в Единый государственный реестр юридических лиц недостоверных сведений; б) иной цели, направленной на приобретение права на чужое имущество.

Виновный осознает, что предоставляет в налоговую службу документы, содержащие заведомо ложные данные об учредителях (участниках) юридического лица, о размерах и номинальной стоимости долей их участия в уставном капитале хозяйственного общества, о зарегистрированных владельцах именных ценных бумаг, о количестве, номинальной стоимости и категории именных ценных бумаг, об обременении ценной бумаги или доли, о лице, осуществляющем управление ценной бумагой или долей, переходящими в порядке наследования, о руководителе постоянно действующего исполнительного органа юридического лица или об ином лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица, предвидит возможность наступления общественно опасных последствий в виде фактического искажения данных ЕГРЮЛ и желает наступления таких последствий. Оформление документов по небрежности, невнимательности исключает уголовную ответственность за фальсификацию ЕГРЮЛ.

Учитывая, что все перечисленные цели объединены единой корыстной направленностью – попыткой захвата чужих имущественных прав, подобная детализация недостоверных целей выглядит излишней. И предпочтительным, на наш взгляд, было бы формулирование цели как захват управления в юридическом лице. При этом наличие или отсутствие ликвидных активов на балансе организации, данные о которой фальсифицируются, не влияют на квалификацию и установление цели в виде захвата управления в юридическом лице или иных целей, направленных на приобретение права на чужое имущество[9].

Анализ отдельных объективных признаков позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемое преступление может совершаться только специальным субъектом. Стоит отметить, что в литературе отражена иная точка зрения, согласно которой субъектом преступного посягательства является физическое вменяемое лицо 16-летнего возраста (общий субъект)[10].

Действующее законодательство о государственной регистрации юридических лиц устанавливает специальные требования к лицам, имеющим право предоставлять документы в регистрирующий орган для внесения соответствующих записей и изменений.

Так, в соответствии с п. 1.3 ст. 9 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – Закон о государственной регистрации юридических лиц)[11] в качестве заявителей государственной регистрации юридических лиц могут выступать следующие лица:

1) руководитель постоянного действующего исполнительного органа регистрируемого юридического лица или иное лицо, имеющие право без доверенности действовать от имени этого юридического лица;

2) учредитель или учредители юридического лица при его создании;

---

[8] http://www.gcourts.ru/case/7764320 (дата обращения: 08.02.2013 г.).

[9] *Смирнов Г.* Применение антирейдерских новелл уголовного закона // Уголовное право. 2011. № 6. С. 42.

[10] См., напр.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В. Т. Томина, В. В. Сверчкова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 577; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А. И. Чучаева. М., (Контракт, 2012); Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный), 7-е изд., перераб. и доп.; отв. ред. А. И. Рарог. М., 2011.

[11] СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431.

3) руководитель юридического лица, выступающего учредителем регистрируемого юридического лица;

4) конкурсный управляющий или руководитель ликвидационной комиссии (ликвидатор) при ликвидации юридического лица;

5) иное лицо, действующее на основании полномочия, предусмотренного федеральным законом, актом специально уполномоченного на то государственного органа или актом органа местного самоуправления.

В силу п. 1.4. ст. 9 Закона о государственной регистрации юридических лиц при внесении в единый государственный реестр юридических лиц, касающихся перехода доли или части доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, заявителями могут быть участник общества, учредитель (участник) ликвидированного юридического лица – участника общества, имеющий вещные права на его имущество или обязательственные права в отношении этого ликвидированного юридического лица, правопреемник реорганизованного юридического лица – участника общества, исполнитель завещания и нотариус.

Следует обратить внимание, что закрепленный в п. 1.3. ст. 9 Закона о государственной регистрации юридических лиц перечень заявителей имеет общий характер. Конкретный перечень заявителей в зависимости от того или иного регистрируемого факта следует определять исходя из Методических разъяснений по заполнению форм документов, используемых при государственной регистрации юридического лица и индивидуального предпринимателя, утвержденных приказом ФНС России от 1 ноября 2004 г. № САЭ-3-09/16@[12]. В разделе 1 этого документа отмечено, что при государственной регистрации юридического лица заявителями могут являться следующие физические лица:

1) руководитель постоянно действующего исполнительного органа регистрируемого юридического лица или иное лицо, имеющее право без доверенности действовать от имени этого юридического лица:

– при государственной регистрации изменений, вносимых в учредительные документы юридического лица;

– при внесении в ЕГРЮЛ изменений в сведения о юридическом лице, не связанных с внесением изменений в учредительные документы;

– при внесении записи о прекращении деятельности присоединенного юридического лица;

– при государственной регистрации юридического лица, создаваемого путем реорганизации;

2) учредитель (учредители) юридического лица, а также руководитель юридического лица, выступающего учредителем регистрируемого юридического лица:

– при государственной регистрации юридического лица при создании;

3) иное лицо, действующее на основании полномочия, предусмотренного федеральным законом, или актом специально уполномоченного на то государственного органа, или актом органа местного самоуправления:

– при государственной регистрации юридического лица при создании;

– при государственной регистрации юридического лица, создаваемого – путем реорганизации;

– при государственной регистрации изменений, вносимых в учредительные документы юридического лица;

– при внесении в ЕГРЮЛ изменений в сведения о юридическом лице, не связанных с внесением изменений в учредительные документы;

– при внесении записи о прекращении деятельности присоединенного юридического лица;

– при государственной регистрации прекращения деятельности унитарного предприятия в связи с продажей его имущественного комплекса;

---

[12] Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 1.

[13] *Смирнов Г.* Применение антирейдерских новелл уголовного закона. С. 44.

4) руководитель ликвидационной комиссии (ликвидатор), конкурсный управляющий:

– при ликвидации юридического лица.

Обстоятельством, отягчающим наказание за преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 170.1 УК РФ, является совершение деяния путем неправомерного доступа и с применением насилия или угрозы его применения. Однако законодатель по неочевидным причинам распространил квалифицирующие признаки на действия по внесению в реестр владельцев ценных бумаг и в систему депозитарного учета недостоверных сведений (ч. 1,2 ст. 170.1 УК РФ), исключая тем самым возможность наступления уголовной ответственности по соответствующей статье за фальсификацию ЕГРЮЛ путем неправомерного доступа или в случае если деяние было сопряжено с насилием или с угрозой его применения.

Исследование субъективных признаков рассматриваемого состава преступления обнаружило ряд проблемных аспектов как системно-структурного плана, так и формально-логического характера.

Так, субъективные признаки, предусмотренные диспозицией ч. 1. ст. 170.1 УК РФ, характеризуются наличием альтернативных целей, которые при буквальном понимании являются общими для совершения двух преступлений – как фальсификации ЕГРЮЛ, так и фальсификации реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета. Однако «внесение недостоверных сведений о зарегистрированных владельцах именных ценных бумаг, о количестве, номинальной стоимости и категории именных ценных бумаг возможно только в информационную систему депозитарного учета. Формулирование диспозиции статьи подобным образом говорит об отсутствии понимания у законодателя различий двух реестров»[13].

Различия составов выявлены также по субъекту. Как было определено выше, при фальсификации ЕГРЮЛ, речь идет о специальном субъекте: определенный круг лиц, которых законодатель уполномочил на совершение регистрационных действий.

Фальсификация реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета также совершается специальным субъектом. Однако, учитывая, что это различные по своей правовой природе информационные ресурсы, соответственно и круг лиц, имеющих право предоставлять документы для внесения записей в реестр владельцев ценных бумаг или систему депозитарного учета, иной. К таким лицам законодатель согласно Федеральному закону от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»[14], Положению о реестре владельцев именных ценных бумаг, утвержденному Постановлением ФКЦБ РФ от 2 октября 1997 г. 27[15], Положению о депозитарной деятельности, утвержденному Постановлением ФКЦБ РФ от 16 октября 1997 г. № 36[16], относит, прежде всего:

– незарегистрированных в системе ведения учета прав на ценные бумаги лиц, предоставляющих документы в целях открытия лицевого счета или счета депо, открытия счета и зачисления на него ценных бумаг, приобретенных на основании сделки с владельцем (депонентом) ценных бумаг, либо открытия счета залогодержателя;

– владельцев ценных бумаг, его уполномоченных представителей или попечителей счета депонента – для закрытия лицевого счета, внесения изменений в данные зарегистрированного лица.

– номинальных держателей или доверительных управляющих;

– эмитента, трансфер-агентов и пр.

Несмотря на ряд недостатков, лежащих в плоскости в большей степени законодательной техники, анализ следственной практики позволяет прийти к выводу об эффективности принятой «антирейдерской поправки»: по состоянию на 2 мая 2011 г. в следственные органы СКР поступило 124 сообщения о преступлениях рассматриваемой категории, в том числе 81 сообщение о деяниях с признаками преступлений, предусмотренных ст. 170.1 УК РФ. По результатам рассмотрения сообщений о деяниях с признаками преступлений, предусмотренных ст. 170.1 УК РФ, возбуждено 51 уголовное дело[17].

[14] Российская газета. 1996. 25 апр.

[15] Вестник ФКЦБ России. 1997. № 7.

[16] Там же. № 8.

[17] Обзор практики применения новых положений уголовного законодательства Российской Федерации о противодействии рейдерству от 11 августа 2011 г. № 211-24016-11.

Диспозиция новой нормы сконструирована так, что позволяет привлекать рейдеров к уголовной ответственности уже на начальных этапах рейдерского захвата, когда ими незаконно устанавливается управленческий контроль над хозяйственным обществом. Тем самым предупреждается наступление последствий в виды утраты титульным владельцем права собственности на захваченное имущество и передаче после ряда мнимых сделок недобросовестному приобретателю.

Аннотация. Вопросы уголовной ответственности лиц, осуществляющих фальсификацию одного из самых значимых федеральных информационных ресурсов – единого государственного реестра юридических лиц, требуют более конкретного теоретического осмысления и изучения. В статье рассматриваются признаки субъективной стороны состава фальсификации единого государственного реестра юридических лиц, формулируются разъяснения по пониманию и порядку применения состава. Анализируется состав преступления на предмет соответствия требованиям юридической техники и современным реалиям.

Ключевые слова. Фальсификация, государственная регистрация, единый государственный реестр юридических лиц, уголовная ответственность, рейдерство, управленческий захват.

Annotation. Questions of criminal responsibility of persons carrying out falsification of the most important federal information resources – the unified state register of legal persons, require particular theoretical understanding and learning. In the article are considered signs subjective sides composition to falsifications of the unified state register of legal persons, are formulated explanations upon their understanding and order of the using.

Keywords. Falsification, the state registration, unified state register of legal persons, criminal liability, raids, management seizure.

Ученые записки юридического факультета. Вып. 28 (38). 2013

В. И. Тарайко
V. I. Tarayko

АНАЛИЗ ЛИЧНОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕСТУПНИКА

ANALYSIS OF INDIVIDUAL ENVIRONMENTAL CRIMINAL

Криминологическая характеристика, как совокупность данных об определенном виде (группе) преступлений либо конкретном противоправном деянии используется для разработки и реализации мер профилактического характера[1]. Она является исходным этапом для оптимизации процесса разработки и реализации мер предупреждения преступлений. Без ее глубокого и всестороннего анализа, включающего в себя исследование особенностей и процессов ее формирования, механизма преступного поведения, социально-психологических свойств личности преступника, правильно понять и охарактеризовать причины и условия совершения конкретного преступления и преступности определенного вида невозможно.

© В. И. Тарайко, 2013

[1] См., напр.: Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. С. 304.

Криминологическое изучение личности преступника может осуществляться на трех уровнях.

Обобщенный уровень содержит самую минимальную совокупность признаков, свойственных всем преступникам, так как преступность имеет социальный характер и социальную обусловленность, которая реализуется через личность. В этом смысле основной характеристикой всех лиц, совершающих экологические преступления, будет являться низкий уровень экологической культуры и воспитания. Это обстоятельство необходимо учитывать в профилактических целях для совершенствования общевоспитательной работы. Для предупреждения экологических преступлений необходимо с самого раннего возраста формировать у детей бережное отношение к природе, животному и растительному миру, к другим ее компонентам.

Групповой уровень изучения личности преступника определяется наличием у лиц, совершающих однотипные (например, грабежи, кражи) преступления или преступления одной категории (например, экологические), характерных черт, присущих данной типологии преступников. Например, для группы руководителей предприятий можно назвать следующие причины совершения ими преступлений экологической направленности. Первая причина – это низкая технологическая культура. Ее объективными предпосылками являются низкий уровень развития техники и невозможность создания абсолютно безвредных производств. Отсюда вытекает и вторая причина – это нежелание или невозможность создания и установки экологического оборудования и различного рода очистителей, которые бы предотвращали или снижали выбросы вредных веществ в окружающую среду. Третья причина – это желание достичь своих корпоративных целей любым способом, получив личную выгоду, не думая о последствиях. Данные об этих общностях могут использоваться при разработке основных направлений предупредительной работы.

Индивидуальный уровень определяется изучением субъекта конкретного преступления. В него входит и анализ влияния биологических особенностей, которые оказывают влияние на поведение личности, но в качестве не причины, а условия. Как писал А. Ф. Кони, «наследственность, несомненно существующая, в большинстве случаев, как почва для дурных влияний среды и неблагоприятных обстоятельств является лишь эвентуальным фактором преступления»[2]. Соглашаясь с этим мнением, следует также упомянуть о возможности некоторых биологических отклонений в форме заболевания алкоголизмом, наркоманией, психопатией, которые могут играть решающую роль при совершении преступления, отражая нравственно-психологические свойства личности и ситуации, так как нервно-психические заболевания способствуют формированию отрицательных черт личности, формированию низменных жизненных потребностей[3].

При криминологической характеристике личности экологического преступника необходимо учитывать типичные элементы криминогенных ситуаций, детерминирующих преступное поведение:

– склонность лица к нарушениям экологических правил (изменение нормативов, искажение отчетности и др.);

– состояние естественно-природных факторов (неблагоприятное действие температур, влажности, радиации);

– неблагоприятные условия работы, неприспособленность орудий производства и др.;

– неподготовленность определенных категорий лиц к деятельности в данных природных условиях (несоответствующая квалификация, неспособность принимать решения в сложных условиях);

– ослабление социального контроля (неадекватная оценка значимости природоохранительных мер и др.);

– ненадлежащее управление экономической деятельностью (бесконтрольность, нераспорядительность и др.)[4].

---

[2] *Кони А. Ф.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1996. Т. 1. С. 384.

[3] См., напр.: *Антонян Ю. М., Леонова О. В., Шостакович Б. В.* Феномен зависимого преступника / Под ред. Ю. М. Антоняна. М., 2007.

[4] *Рузметов С. А.* Актуальные проблемы использования специальных знаний при расследовании экологических преступлений. Калининград, 2005. С. 42–43.

Криминологическая характеристика личности преступника предусматривает ее определенную структуру. Можно говорить о разделении лиц на различные группы по самым разным критериям: социально-демографическому, образовательному, уголовно-правовому и т. д. С одной стороны, все лица, совершившие экологические преступления, по этим критериям отличаются друг от друга, с другой – они по тем же причинам схожи между собой, вследствие чего образуют устойчивые группы.

Анализ структуры экологической преступности и немногочисленных публикаций, отрывочно характеризующих проблему личности экологического преступника, позволяет заключить, что большинство экологических преступников составляют мужчины. Одни называют цифру в 100 %[5], другие 99,5 %[6], третьи 96 %[7]. Последние исследования о половой принадлежности экологических преступников в мегаполисе, привлекавшихся к ответственности в 2002–2004 гг., свидетельствуют о том, что они совершены исключительно лицами мужского пола[8].

Преобладающее число браконьеров – люди зрелого возраста: 54,5 % – 30–40 лет; 17,2 % – 25–29 лет; 13,9 % – 41–50 лет; 12,3 % – старше 50 лет; 2,1 % – 18–24 лет[9].

Наиболее криминогенной, по мнению исследователей, является возрастная группа от 30 до 50 лет[10].

По образовательному уровню отмечается следующее. Изучение образовательного уровня лиц, совершивших экологические преступления, проведенное в 1980-х годах, показало, что высшее образование имели 6 % преступников, среднее и средне-специальное – 30 %, неполное среднее – 54 % и начальное – 9,5 % изученного контингента[11]. Данные исследования подтверждаются частными исследованиями, например, в сфере незаконного занятия водными промыслами и охотой: 39 % нарушителей имеют неполное среднее; 25 % – законченное среднее; 21 % – среднее специальное; 9,5 % – средне-техническое; 4,5 % – неоконченное высшее и высшее образование[12]. За последние 10–15 лет образовательный ценз экологических преступников стал несколько иным. Исследования показали, что высшее образование имеют 29 %; незаконченное высшее – 17 %; среднее специальное – 31 %[13]. Таким образом, можно констатировать, что наличие образования само по себе не исключает возможность экологически преступного поведения. Причина, очевидно, заключается в низкой экологической культуре лица. Приведенные данные подтверждают выводы, сделанные выше.

По отношению к трудовой занятости показатели распределяются следующим образом. От 70 до 75,7 % лиц, совершающих экологические преступления, составляют рабочие (промышленных и сельскохозяйственных предприятий); от 13,5 до 14,7 % – сельские жители; от 3,9 до 5,4 % – служащие; от 2,7 до 3,5 % – пенсионеры и от 2,3 до 2,7 % – неработающие лица[14]. Исследования в области незаконного занятия водными промыслами и охотой также показывают, что общественно полезным трудом занимался 51 % преступников; пенсионеры составляют 7,5 %; 4 % – учащиеся и студенты; 37,5 % – неработающие лица. При этом неко-

Ученые записки юридического факультета. Вып. 28 (38). 2013

---

[5] *Курманов А. С.* Незаконная охота: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2002. С. 158–159.

[6] *Иманбаев С. М.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика незаконного занятия водными промыслами и охотой: Дис. ... канд. юрид. наук. Караганда, 1997. С. 34.

[7] *Мышко Ф. Г.* Административно-правовая охрана природы и роль в ней милиции: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 124.

[8] *Страунинг Ю. А.* Криминологическая характеристика и предупреждение экологических преступлений в условиях мегаполиса (на материалах Москвы и Московской области): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 91.

[9] *Иманбаев С. М.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика незаконного занятия водными промыслами и охотой: Дис. ... канд. юрид. наук. С. 34.

[10] *Курманов А. С.* Незаконная охота: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002. С. 18.

[11] *Страунинг Ю. А.* Криминологическая характеристика и предупреждение экологических преступлений в условиях мегаполиса (на материалах Москвы и Московской области): Дис. ... канд. юрид. наук. С. 90.

[12] *Иманбаев С. М.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика незаконного занятия водными промыслами и охотой: Дис. ... канд. юрид. наук. С. 35.

[13] *Страунинг Ю. А.* Криминологическая характеристика и предупреждение экологических преступлений в условиях мегаполиса (на материалах Москвы и Московской области): Дис. ... канд. юрид. наук. С. 90–91.

[14] Там же.

торые исследования показывают, что число неработающих лиц, совершающих экологические преступления, возрастает. Так, А. С. Курманов указывает, что среди лиц, занимающихся незаконной охотой, неработающие в начале 1990-х составляли 4 %, в начале 2000-х – 8,4 %[15]. Очевидно, что для определенной категории лиц занятие преступным промыслом становится основным источником доходов. Причин этому несколько. Одна из них – безработица и низкая трудовая занятость населения, другая – неплохой, а порой высокий доход от занятия браконьерством и другими видами экологических преступлений.

Судимость имеют 7,5 % совершивших такие преступления; из них 75 % – одну, 21,3 % – две, 3,7 % – три и более. Большинство ранее были судимы за хищение имущества и браконьерство (37 % и 18 %).

Семейное положение: 54 % состоят в зарегистрированном браке, 22 % – холостые, остальные сожительствуют[16].

По мнению Т. В. Редниковой, среди экологических преступников «лица, ранее совершавшие преступления, составляют в среднем лишь 10 %, тогда как среди всех преступников их около 26 %. Другие особенности лиц, совершивших экологические преступления, связаны с такими социально-демографическими признаками, как пол (среди них значительно ниже удельный вес женщин – 1 %, чем среди прочих преступников, – 13,4 %), возраст (преобладают лица старших возрастов, т. е. входящих в группу 30–49-летних; их доля составляет 53 %, тогда как среди других преступников их 35 %), оседлость (экологические преступления совершают почти исключительно граждане России – 99 %, местных жителей – 95 %, среди них в 10 раз меньше бомжей и подобных категорий лиц, которых значительно больше среди других контингентов преступников, – 1,6 % бомжей, 10 % приезжих, 3,2 % иностранцев и лиц без гражданства). Кроме того, обращает на себя внимание более высокий уровень групповой преступности (29,4 % лиц совершили экологические преступления в группе, а в числе других преступников их оказалось 26,6 %)»[17].

Как было отмечено выше, в основание классификации личности экологического преступника могут быть положены самые различные критерии, так как и сам спектр экологических преступлений очень широк.

Например, по отношению лица к производственно-хозяйственной деятельности в юридической литературе выделяют три категории экологических преступников:

1) ответственные работники различных предприятий, организаций, учреждений, которые по роду своей деятельности обязаны соблюдать различные природоохранные правила (предписания) или контролировать их исполнение другими лицами;

2) рядовые работники, которые могут совершать преступления как по собственной инициативе, так и по указанию своих руководителей;

3) лица, совершающие экологические преступления, которые не обусловлены их производственно-хозяйственной деятельностью (незаконная охота, рыбалка и т. д.).

По социальному статусу выделяют следующие категории лиц, совершающих преступления экологической направленности:

1. Частные лица (российские граждане и иностранцы):

– эпизодически совершающие экологические преступления;

– совершающие преступления в виде промысла группой и в одиночку;

– объединенные в организованные криминальные группы и сообщества.

2. Руководители предприятий и лица, занимающиеся индивидуальной предпринимательской деятельностью, как правило:

– на объектах энергетики, транспорта, производства, сельскохозяйственных и добывающих предприятий;

---

[15] *Курманов А. С.* Незаконная охота: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. С. 162.

[16] *Иманбаев С. М.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика незаконного занятия водными промыслами и охотой: Дис. ... канд. юрид. наук. С. 35; *Курманов А. С.* Незаконная охота: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. С. 163.

[17] *Редникова Т. В.* Анализ личности экологического преступника // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию. Материалы VI Конгресса уголовного права (26–27 мая 2011 г.). М., 2011. С. 627.

– российские и иностранные предприниматели, специализирующиеся на вывозе ценных природных ресурсов за рубеж;

– российские и иностранные предприниматели, специализирующиеся на ввозе токсичных отходов на территорию России.

3. Государственные должностные лица:

– руководители государственных ведомств и служб, занимающиеся вывозом природных ресурсов;

– руководители государственных ведомств и служб, организующие утилизацию, хранение, а также вывоз из-за рубежа в указанных целях радиоактивных и высокотоксичных веществ;

– воинские должностные лица[18].

По характеру мотивации преступного поведения выделяются следующие типы экологических преступников, совершающих экологические преступления: по корыстным мотивам, в политических целях, в военных целях, по неосторожности[19].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что личность экологического преступника достаточно разнообразна. Для удобства ее рассмотрения представляется возможной следующая классификация личности экологического преступника:

1) граждане, как физические лица, совершающие экологические преступления умышленно или по неосторожности, в том числе в группе;

2) лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих или иных организациях, а также в некоммерческих организациях, не являющихся государственными органами, органами местного самоуправления, государственными или муниципальными учреждениями, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющие организационно-распорядительные обязанности или административно-хозяйственные функции;

3) лица, занимающие государственные должности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, государственные служащие и служащие органов местного самоуправления, а также должностные лица постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных Силах России, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации (должностные лица).

Анализ правоприменительной, в том числе следственной, практики позволяет выделить несколько групп деяний в сфере экологии, совершаемых должностными лицами:

1) деяния, остающиеся латентными в течение определенного времени и в одном из случаев, вызвавших тяжелые последствия, явившиеся основанием для возбуждения уголовного дела (обычно это связано с загрязнением водоемов или атмосферного воздуха в результате использования надлежащего оборудования со значительной перегрузкой, нарушением технологических нормативов);

2) деяния, связанные с прямым неисполнением технологических правил, пренебрежением реальными природоохранительными средствами данного объекта;

3) деяния, в основе которых лежит игнорирование природоохранных правил в конкретной ситуации (отключение оборудования, залповый сброс отходов и др.);

4) деяния, при которых должностные лица допустили ошибки в проектировании и разработке технологии какого-либо объекта, в использовании непригодного оборудования, приведшие к негативным последствиям.

К данному виду экологических преступлений нередко причастны следующие категории должностных лиц:

– работники аппарата управления различных уровней в ведомствах и отраслях, связанных с природопользованием;

---

[18] *Духно Н. А., Корхунов Ю. Г.* Расследование экологических преступлений. М., 2002. С. 19–20.

[19] *Иншаков С. М.* Криминология. М., 2000. С. 273.

– работники предприятий, организаций, непосредственно осуществляющие природопользование или деятельность, связанную с воздействием на окружающую среду;

– работники, осуществляющие контрольно-надзорные функции либо управление природопользованием и охраной окружающей среды[20].

Специалисты выделяют несколько признаков, характеризующих субъекта должностных экологических преступлений, значимых в криминалистическом отношении[21]. Эти же признаки должны учитываться и при криминологической характеристике экологического преступника вообще.

К ним относятся:

– цели действий лица, совершившего экологическое преступление;

– наличие и характер связи полномочий, компетенции субъекта и его действий;

– наличие и характер причинных связей между действиями субъекта и последствиями;

– эпизодичность, систематичность и длительность нарушений правил экологической безопасности;

– меры реагирования контролирующих, правоохранительных органов на имевшие ранее факты нарушений, выполнение их предписаний и решений;

– объективные условия осуществления должностных обязанностей субъекта;

– меры, принимаемые субъектом по устранению негативных фактов своей деятельности; постановка в известность соответствующих лиц (органов) о ненадлежащих (угрожающих) условиях работы экологических систем, процессов.

Вместе с этим проблематика личности российского экологического преступника нуждается в отдельном специальном исследовании, которое позволит выявлять различия по типологии, установкам, мотивации и другим показателям. Это могло бы способствовать не только совершенствованию профилактических мер экологической направленности, но и улучшению практики реализации мер наказания за совершенные деяния против экологической безопасности и экологического правопорядка.

Аннотация. Рассматриваются уровни криминологического изучения личности преступника, особенности криминологической характеристики экологического преступника, а также производится их классификация. Выделены признаки, характеризующие субъекта должностных экологических преступлений.

Ключевые слова. Криминологическая характеристика, личность преступника, экологический преступник.

Annotation. Criminological study examines levels of offender, especially criminological characteristics of environmental criminals, and also made their classification. Signs, characterizing the subject of environmental crime officers.

Keywords. Criminological research, identity of the perpetrator, the environmental criminal.

[20] *Клетнева Е. Г.* Экологическая преступность в Российской Федерации: понятие, причины, условия и предупреждение: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 114–115.

[21] *Рузметов С. А.* Актуальные проблемы использования специальных знаний при расследовании экологических преступлений. С. 42.

Раздел 3

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

А. А. Ливеровский, Е. Ф. Мосин
A. A. Liverovskiy, E. F. Mosin

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ ПО ВОПРОСАМ БЮДЖЕТНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТА РФ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

(глава учебного пособия «Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам бюджетной деятельности субъектов Российской Федерации»)

THE LEGAL POSITIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION CONCERNING BUDGETARY MAINTENANCE OF INTERACTION OF PUBLIC AUTHORITIES OF A SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND AGENCIES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT

(*a chapter of the textbook «Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on budgetary activity of subjects of the Russian Federation»***)**

Последние два десятилетия убедительно продемонстрировали исключительно важную роль Конституционного Суда РФ в обеспечении конституционности законов и судебной деятельности в стране. Однако несмотря на множество публикаций по самым разнообразным вопросам проблематики конституционного правосудия, все же в учебной литературе и в образовательном процессе эти вопросы и их решения освещены зачастую недостаточно – несоразмерно их значимости для совершенствования отечественного правового инструментария и развития всей системы российского права.

Особенно эта недостаточность заметна в освещении в учебных литературе и процессе сложно-комплексных, тесно взаимосвязанных вопросов реализации на практике принципов российского федерализма, требующих для своего решения знания финансово-правовой основы бюджетного федерализма и раскрытия конституционно-бюджетных связей. Исключительная важность последних определяется тем, что «по смыслу Конституции Российской Федерации в ее нормативно-доктринальном толковании Конституционным Судом Российской Федерации, государственный бюджет, будучи неотъемлемым элементом государственной власти и одновременно выражением финансово-экономического содержания государственного суверенитета, является основным инструментом финансового обеспечения деятельности государства. Он представляет собой образуемый из налоговых и неналоговых доходов публичный фонд финансовых средств, предназначенный гарантировать финансовую самостоятельность и независимость государственной власти, а также саму возможность осуществления ею полномочий и публичных функций, возложенных на нее Конституцией Российской Федерации и законами»[1].

© А. А. Ливеровский, Е. Ф. Мосин, 2013

[1] Абзац 1 п. 3.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 18 июля 2008 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца четырнадцатого статьи 3 и пункта 3 статьи 10 Федерального закона “О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)” в связи с жалобой гражданина В. В. Михайлова».

Ученые записки юридического факультета. Вып. 28 (38). 2013

В этом плане в качестве одного из направлений актуализации темы конституционного правосудия в процессе подготовки юристов интересен и полезен методологический анализ правовых позиций Конституционного Суда РФ по вопросам бюджетной деятельности субъектов Российской Федерации. Ниже предлагается глава учебного пособия на эту тему.

Авторы надеются, что такой подход будет своего рода лептой в решение все еще весьма актуальной для России проблемы, которую Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин охарактеризовал следующим образом: «Юридическая наука, как таковая, не обеспечена специалистами той квалификации, которая позволяет решать грандиозную задачу создания новой правовой системы. И в том числе поэтому российских студентов-юристов нередко учат не просто плохо, но и “праву позавчерашнего дня”. Однако главное в том, что в описанных условиях праву вообще невозможно эффективно учить! То, что студенту преподают даже на третьем-четвертом курсе, к моменту окончания вуза уже устаревает или оказывается ошибочным. Причем нередко – устаревает в ключевых, базовых показателях. Очевидно, что в этом случае не поможет даже становящаяся ныне весьма модной на Западе концепция “опережающего юридического образования”»[2].

Именно поэтому авторы разрабатываемого учебного пособия старались избежать комментаторского подхода (ныне весьма распространенного в учебной юридической литературе) и в методическом плане стремились достичь того, чтобы одним из элементов новизны учебного пособия являлась его целевая направленность на развитие у студентов умений и навыков концептуализированного конституционно-правового мышления, причем направленность на развитие такового мышления не только в процессе изучения конституционного права, но и других отраслей российского права, в том числе финансового права, муниципального права, трудового права, жилищного права, права социального обеспечения. Представляется, что укорененность концептуализированного конституционно-правового мышления в правосознании будущего юриста будет способствовать тому, чтобы в дальнейшем его профессиональная деятельность помогала России стать действительно «социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ч. 1 ст. 7 Конституции РФ).

§ I. Местное самоуправление в Российской Федерации: общие положения; вопросы местного значения и полномочия органов местного самоуправления по их решению; взаимодействия органов государственной власти субъекта РФ и органов местного самоуправления в финансовом обеспечении решения вопросов местного значения

Одной из основ конституционного строя Российской Федерации является местное самоуправление, признаваемое, гарантируемое и осуществляемое на всей территории страны как одна из форм осуществления народом своей власти.

Местное самоуправление по своей природе, прежде всего, ориентировано на обеспечение нормальной жизнедеятельности населения муниципальных образований и, в конечном итоге, на реализацию на своем уровне конституционных функций российского государства, в том числе решения задач, стоящих перед Российской Федерацией как социальным государством.

Общие правовые, территориальные, организационные и экономические принципы организации местного самоуправления в Российской Федерации установлены Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Закон об общих принципах организации местного самоуправления; используется в редакции от 16 октября 2012 г.)[3] в соответствии с Конституцией РФ.

---

[2] *Зорькин В.* Тезисы В. Д. Зорькина о Правовой реформе в России. 01.01.2004 // Конституционный Суд Российской Федерации: [сайт]. URL: http://www.ksrf.ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=9 (дата обращения: 20.09.2012).

[3] Здесь и далее не даются ссылки на официальные опубликования нормативных правовых актов (в том числе предусмотренных Федеральным законом от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» (в ред. от 21 октября 2011 г.)), поскольку предполагается, что студенты будут пользоваться справочно-правовыми системами, например, «КонсультантПлюс» или «Гарант». По этой же причине, как правило, не даются ссылки на места размещения текстов судебных актов, ибо для современных студентов не составляет труда найти их самостоятельно в справочно-правовых системах или на сайтах соответствующих судов в сети «Интернет».

Местное самоуправление обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения[4], владение, пользование и распоряжение муниципальной[5] собственностью (ч. 1 ст. 130 Конституции РФ) и в пределах своих полномочий самостоятельно, а его органы не входят в систему органов государственной власти (ст. 12 Конституции РФ) и самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы, осуществляют охрану общественного порядка, а также решают иные вопросы местного значения (ч. 1 ст. 132 Конституции РФ).

Общее представление о важности, значимости и сложности вопросов, решаемых в России на уровне местного самоуправления, дает обширный перечень вопросов местного значения, представленный в главе 3 «Вопросы местного значения» Закона об общих принципах организации местного самоуправления с учетом того, что в понятие муниципального образования входят[6] различные виды муниципальных образований: городское или сельское поселение (ст. 14 «Вопросы местного значения поселения»), муниципальный район (ст. 15 «Вопросы местного значения муниципального района»), городской округ (ст. 16 «Вопросы местного значения городского округа»), внутригородская территория города федерального значения (ст. 79 «Особенности организации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации – городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге»).

Назовем, например, некоторые (финансово наиболее емкие) из вопросов, отнесенных ч. 1 ст. 16 Закона об общих принципах организации местного самоуправления к вопросам местного значения городского округа:

– формирование, утверждение, исполнение бюджета городского округа и контроль за его исполнением;

– установление, изменение и отмена местных налогов и сборов городского округа;

– владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в муниципальной собственности городского округа;

– организация в границах городского округа электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, водоотведения, снабжения населения топливом в пределах полномочий, установленных законодательством РФ;

– дорожная деятельность в отношении автомобильных дорог местного значения в границах городского округа и обеспечение безопасности дорожного движения на них;

– обеспечение проживающих в городском округе и нуждающихся в жилых помещениях малоимущих граждан жилыми помещениями, организация строительства и содержания муниципального жилищного фонда, создание условий для жилищного строительства, осуществление муниципального жилищного контроля, а также иных полномочий органов местного самоуправления в соответствии с жилищным законодательством;

– создание условий для предоставления транспортных услуг населению и организация транспортного обслуживания населения в границах городского округа;

– организация предоставления общедоступного и бесплатного начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования по основным общеобразовательным программам, за исключением полномочий по финансовому обеспечению образовательного процесса, отнесенных к полномочиям органов государственной власти субъектов РФ;

---

[4] Согласно определению, данному в ч. 1 ст. 2 Закона об общих принципах организации местного самоуправления, вопросы местного значения – это вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых в соответствии с Конституцией РФ и этим Законом осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно.

[5] Согласно ч. 2 ст. 2 Закона об общих принципах организации местного самоуправления «в законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации слова “местный” и “муниципальный” и образованные на их основе слова и словосочетания применяются в одном значении в отношении органов местного самоуправления, а также находящихся в муниципальной собственности организаций, объектов, в иных случаях, касающихся осуществления населением местного самоуправления».

[6] Согласно определению муниципального образования, данному в ч. 1 ст. 2 Закона об общих принципах организации местного самоуправления.

– создание условий для оказания медицинской помощи населению на территории городского округа в соответствии с территориальной программой государственных гарантий оказания гражданам РФ бесплатной медицинской помощи;

– создание условий для организации досуга и обеспечения жителей городского округа услугами организаций культуры;

– сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся в собственности городского округа, охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) местного (муниципального) значения, расположенных на территории городского округа;

– создание условий для массового отдыха жителей городского округа и организация обустройства мест массового отдыха населения;

– организация сбора, вывоза, утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов.

Следует иметь в виду, что, как указано в ч. 1 ст. 18 Закона об общих принципах организации местного самоуправления, установленный этим Законом перечень вопросов местного значения не может быть изменен иначе как путем внесения изменений и дополнений в этот Закон.

Согласно ч. 1 ст. 17 Закона об общих принципах организации местного самоуправления в число полномочий, которыми в целях решения вопросов местного значения наделены органы местного самоуправления поселений, муниципальных районов и городских округов, входят, в частности, следующие полномочия (указаны финансово наиболее важные):

– создание муниципальных предприятий и учреждений, осуществление финансового обеспечения деятельности муниципальных казенных учреждений, осуществление финансового обеспечения выполнения муниципального задания бюджетными и автономными муниципальными учреждениями, формирование и размещение муниципальных заказов;

– установление тарифов на услуги, предоставляемые муниципальными предприятиями и учреждениями, и на работы, выполняемые муниципальными предприятиями и учреждениями (если иное не предусмотрено федеральными законами);

– регулирование тарифов на подключение к системе коммунальной инфраструктуры, тарифов организаций коммунального комплекса на подключение, надбавок к тарифам на товары и услуги организаций коммунального комплекса, надбавок к ценам (тарифам) для потребителей;

– полномочия органов местного самоуправления по организации теплоснабжения, предусмотренные Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении»;

– полномочия органов местного самоуправления в сфере водоснабжения и водоотведения, предусмотренные Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» (это полномочие действует с 1 января 2013 г.);

– организационное и материально-техническое обеспечение подготовки и проведения муниципальных выборов, местного референдума;

– принятие и организация выполнения планов и программ комплексного социально-экономического развития муниципального образования;

– утверждение и реализация муниципальных программ в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности, организация проведения энергетического обследования многоквартирных домов, помещения в которых составляют муниципальный жилищный фонд в границах муниципального образования, организация и проведение иных мероприятий, предусмотренных законодательством об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности.

Перечень полномочий органов местного самоуправления, определенный ч. 1 ст. 17 Закона об общих принципах организации местного самоуправления, является открытым (не исчерпывающим). Однако, как следует из ч. 1.1 ст. 17 этого Закона, расширены полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов, отнесенных в соответствии со ст. 14, 15 и 16 Закона к вопросам местного значения, могут быть только федеральными законами и (или) уставами муниципальных образований.

Согласно ст. 9 Европейской хартии местного самоуправления от 15 октября 1985 г. (Страсбург), ратифицированной Россией Федеральным законом от 11 апреля 1998 г.

№ 55-ФЗ, «органы местного самоуправления имеют право, в рамках национальной экономической политики, на обладание достаточными собственными финансовыми ресурсами, которыми они могут свободно распоряжаться при осуществлении своих полномочий», причем финансовые ресурсы органов местного самоуправления должны быть соразмерны полномочиям, предоставленным им конституцией государства или законом, а «защита более слабых в финансовом отношении органов местного самоуправления требует ввода процедур финансового выравнивания или эквивалентных мер, направленных на корректировку последствий неравномерного распределения возможных источников финансирования, а также лежащих на этих органах расходов».

В России экономическую основу местного самоуправления составляют находящееся в муниципальной собственности имущество, средства местных бюджетов, а также имущественные права муниципальных образований (ч. 1 ст. 49 Закона об общих принципах организации местного самоуправления).

Согласно ч. 3 ст. 52 Закона об общих принципах организации местного самоуправления формирование, утверждение, исполнение местного бюджета и контроль за его исполнением осуществляются органами местного самоуправления с соблюдением требований, установленных Бюджетным кодексом РФ, названным Законом а также принимаемыми в соответствии с ними законами субъектов РФ.

Однако надлежащее осуществление органами местного самоуправления своих полномочий по решению вопросов местного значения требует соответствующего финансового обеспечения, которое не всегда может быть предоставлено в рамках местного бюджета. Поскольку местные бюджеты не существуют изолированно, а являются составной частью бюджетной системы РФ[7], в необходимых случаях недостаточность собственных доходных источников муниципальных образований восполняется посредством соответствующего бюджетного регулирования в рамках бюджетной системы РФ, в результате чего достигается сбалансированность местных бюджетов.

В связи с этим в ч. 2 ст. 18 Закона об общих принципах организации местного самоуправления указано, что финансовые обязательства, возникающие в связи с решением вопросов местного значения, исполняются за счет средств местных бюджетов (за исключением субвенций местным бюджетам из федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ); дополнительно эти обязательства могут финансироваться за счет средств федерального бюджета, федеральных государственных внебюджетных фондов и бюджетов субъектов РФ в случаях и порядке, установленных федеральными законами и законами субъектов РФ. Но федеральные законы и законы субъектов РФ не могут содержать положений, определяющих объем расходов за счет средств местных бюджетов (ч. 3 ст. 18 Закона), а возложение на муниципальные образования обязанности финансирования расходов, возникших в связи с осуществлением органами государственной власти и (или) органами местного самоуправления иных муниципальных образований своих полномочий, не допускается (ч. 4 ст. 18 Закона).

Ибо, как отмечено в Постановлении Конституционного Суда РФ от 15 мая 2006 г. № 5-П[8], «конституционная природа Российской Федерации как социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от места жительства, предопределяет необходимость достижения баланса конституционно защищаемых ценностей – самостоятельности местного самоуправления как публичной

[7] См. раздел I «Бюджетное устройство Российской Федерации» части II «Бюджетная система Российской Федерации» Бюджетного кодекса РФ.

[8] Постановление Конституционного Суда РФ от 15 мая 2006 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 153 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ “О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” в связи с жалобой главы города Твери и Тверской городской Думы».

власти, наиболее приближенной к населению и ориентированной в том числе на выполнение задач социального государства в пределах своих полномочий, и самостоятельности населения в решении вопросов местного значения, с одной стороны, и гарантированности равным образом всем гражданам социальных прав независимо от того, на территории какого муниципального образования они проживают, – с другой (ч. 1 ст. 7; ч. 2 ст. 19; ч. 1 ст. 130 Конституции Российской Федерации). Выполнение этой задачи обеспечивается как неукоснительным соблюдением финансовой самостоятельности муниципальных образований, так и выравниванием уровней их социально-экономического развития, в том числе путем справедливого перераспределения публичных финансов, включая бюджетные средства».

Возникающие при этом разнообразные вопросы финансового, организационного и правового характера решаются на основе норм бюджетного законодательства, лежащих в основе организационно- и финансово-правового взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти по вопросам финансового обеспечения местного самоуправления.

Это актуализирует проблему надлежащего обеспечения компетенционного взаимодействия[9] органов государственной власти и органов местного самоуправления – «необходимо найти адекватный конкретно-историческим условиям и государственно-правовым потребностям – и одновременно базирующийся на конституционных принципах – баланс между самостоятельностью местного самоуправления по решению вопросов местного значения, в которых воплощен преимущественно муниципальный интерес, и общностью государственных и муниципальных начал в решении тех вопросов, которые в силу своего содержания предполагают необходимость “государственно-муниципального властно-правового взаимодействия»[10]. Соответственно, перед законодателем как федерального уровня, так и уровня субъекта РФ при нормативном регулировании отношений компетенционного взаимодействия возникает проблема нахождения баланса в сочетании публично-государственных и муниципальных начал.

Ведущая, определяющая роль в разрешении спорных вопросов компетенционного взаимодействия, в том числе в сфере бюджетного обеспечения взаимодействия органов государственной власти субъекта РФ и органов местного самоуправления, принадлежит Конституционному Суду РФ и выраженным в его решениях правовым позициям Конституционного Суда РФ[11].

§ II. Судебная практика по вопросам бюджетного обеспечения взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления

Наглядным примером и образцом тщательного анализа конституционных принципов, на которых должно основываться организационно- и финансово-правовое взаимодействие органов местного самоуправления и органов государственной власти субъектов РФ, является Постановление Конституционного Суда РФ от 29 марта 2011 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положения п. 4 ч. 1 ст. 16 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” в связи с жалобой муниципального образования – городского округа “Город Чита”».

---

[9] Компетенционное взаимодействие – совместная координация осуществляемой самостоятельно реализации властными органами своих полномочий в определенной сфере. Например, совместная координация осуществляемой самостоятельно федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ и (или) органами местного самоуправления реализации своих полномочий в сфере местного самоуправления.

[10] *Бондарь Н. С.* Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. М., 2009. С. 77.

[11] Рассматривая правовые позиции Конституционного Суда РФ как «квинтэссенцию нормативно-доктринальных начал в решениях Конституционного Суда РФ», судья Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь полагает, что «возможно дать и само определение понятия правовых позиций Конституционного Суда как получающих обоснование в процедуре конституционного правосудия нормативно-доктринальных выводов, установок и оценок по вопросам права в рамках решения Конституционного Суда, принятого по итогам рассмотрения конкретного дела» (*Бондарь Н. С.* Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011. С. 133).

Это Постановление вынесено по результатам проверки Конституционным Судом РФ по жалобе муниципального образования – городского округа «Город Чита» конституционности положения п. 4 ч. 1 ст. 16 Закона об общих принципах организации местного самоуправления, которым к вопросам местного значения городского округа отнесена «организация в границах городского округа электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, водоотведения, снабжения населения топливом» (процитирован текст Закона в редакции, действовавшей до 25 июня 2012 г.; в ныне действующей редакции цитируемый текст дополнен словами: «в пределах полномочий, установленных законодательством Российской Федерации»).

Ранее решением Арбитражного суда Читинской области[12], оставленным без изменения Федеральным арбитражным судом Восточно-Сибирского округа[13] (в апелляционной инстанции дело не рассматривалось), в пользу федерального государственного унитарного предприятия «88 центральный автомобильный ремонтный завод»[14] Министерства обороны РФ как организации, осуществляющей производство и распределение тепловой энергии, с муниципального образования – городского округа «Город Чита» были взысканы убытки (в сумме 5 074 108 руб. 99 коп.), обусловленные межтарифной разницей – разницей между утвержденными Региональной службой по тарифам и ценообразованию Забайкальского края[15] экономически обоснованным тарифом на выработку тепловой энергии и тарифом на ее потребление для населения, не обеспечившим энергопроизводителю стопроцентное возмещение расходов (из-за того, что унитарное предприятие было обязано поставлять тепловую энергию населению по тарифу, более низкому, нежели тариф, признанный экономически обоснованным для унитарного предприятия, последнее не могло восполнить собственные затраты на оказание услуг по поставке тепловой энергии населению, а потому потребовало возмещения разницы в тарифах за счет бюджетных средств). Определением Высшего Арбитражного Суда РФ[16] в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ для пересмотра в порядке надзора было отказано.

В этом деле арбитражные суды исходили из того, что п. 4 ч. 1 ст. 16 Закона об общих принципах организации местного самоуправления организация в границах городского округа теплоснабжения отнесена к вопросам местного значения городского округа; следовательно, финансовые обязательства, возникающие в связи с его решением, включая финансирование указанной межтарифной разницы, должны исполняться за счет средств местного бюджета (в данном деле – за счет бюджета городского округа «Город Чита»). При этом суды сочли не имеющим юридического значения то обстоятельство, что государственное регулирование тарифов на тепловую энергию относится к компетенции органов государственной власти субъектов РФ, а у органов местного самоуправления соответствующих полномочий нет[17].

Читателям-студентам будет полезно ознакомиться с «арбитражной историей» данной проблемы, тем более что в судебных актах по этому делу подробно описаны проблемы и споры в связи с ними, возникающие в сфере бюджетной деятельности субъектов РФ и муниципальных образований. К тому же знание этой «арбитражной истории» позволяет

---

[12] Решение Арбитражного суда Читинской области от 29 июня 2009 г. по делу № А78-1991/09 // Арбитражный суд Забайкальского края: [сайт]. URL: http://chita.arbitr.ru / Страница с решением: URL: http://arbitr.chita.ru/chita/cases/cdoc?docnd=802047837&nd=801988563&prefix= %D0 %9078&numdeal=1991&yeardeal=2009&fld_12=&fld_14=&fld_16=&fld_140=&pagedoc=1 (дата обращения: 14.05.2012).

[13] Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16 сентября 2009 г. по делу № А78-1991/09.

[14] К моменту рассмотрения дела в кассационной инстанции реорганизовано в Открытое акционерное общество «88 центральный автомобильный ремонтный завод».

[15] Забайкальский край – субъект Российской Федерации (ч. 1 ст. 65 Конституции РФ).

[16] Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 января 2010 г. № ВАС-14186/09 по делу № А78-1991/2009.

[17] В период рассмотрения описываемого дела в арбитражных судах и соответствующей жалобы в Конституционном Суде РФ в ст. 18 («Принципы правового регулирования полномочий органов местного самоуправления») Закона об общих принципах организации местного самоуправления еще не было ч. 4, не допускающей возложения на муниципальные образования обязанности финансирования расходов, возникших в связи с осуществлением органами государственной власти своих полномочий.

легче и лучше понять задачу, стоявшую перед Конституционным Судом РФ, содержание постановленного им решения, смысл выраженной в нем правовой позиции Конституционного Суда РФ, теоретическую и практическую ценность решения для совершенствования отечественного законодательства и судебной практики.

Общее представление о сложности дела дает уже сам перечень нормативных правовых актов и прочих документов[18], ссылками на положения которых лица, участвующие в деле, обосновывали свои требования и возражения и на которые суды ссылались, мотивируя свои решения[19]:

– Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Бюджетный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ, Жилищный кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ;

– федеральные законы от 24 декабря 1992 г. № 4218-1 «Об основах федеральной жилищной политики» (*)[20], от 14 апреля 1995 г. № 41-ФЗ «О государственном регулировании тарифов на электрическую и тепловую энергию в Российской Федерации» (*), от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (*), от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»;

– Указ Президента РФ от 28 апреля 1997 г. № 425 «О реформе жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации» (*);

– постановления Правительства РФ от 7 марта 1995 г. № 239 «О мерах по упорядочению государственного регулирования цен (тарифов)», от 2 августа 1999 г. № 887 «О совершенствовании системы оплаты жилья и коммунальных услуг и мерах по социальной защите населения» (*), от 25 августа 2003 г. № 522 «О федеральных стандартах оплаты жилья и коммунальных услуг на 2004 год»;

– законы Забайкальского края от 20 ноября 2008 г. № 75-ЗЗК «О внесении изменений в Закон Читинской области “Об областном бюджете на 2008 год”», от 29 декабря 2008 г. № 103-ЗЗК «О бюджете Забайкальского края на 2009 год»;

– постановления Губернатора Забайкальского края от 11 марта 2008 г. № 7 «Об утверждении Порядка предоставления и расходования субсидий из областного бюджета бюджетам муниципальных районов и городских округов на частичную компенсацию расходов по межтарифной разнице, возникшей в результате осуществления полномочий органов местного самоуправления по организации тепло-, водоснабжения и водоотведения» (*), от 1 апреля 2008 г. № 16 «О распределении субсидий из областного бюджета на 2008 год бюджетам муниципальных районов и городских округов на частичную компенсацию расходов по межтарифной разнице, возникшей в результате осуществления полномочий органов местного самоуправления по организации тепло-, водоснабжения и водоотведения»;

– законы Читинской области от 27 сентября 2006 г. № 832-ЗЧО «О государственной поддержке организаций, снабжающих электрической энергией население, проживающее в населенных пунктах, не обеспеченных централизованным электроснабжением» (*), от 19 декабря 2007 г. № 1054-ЗЧО «Об областном бюджете на 2008 год»;

– решения Думы городского округа «Город Чита»[21] от 20 декабря 2007 г. № 220 «Об утверждении Бюджета городского округа “Город Чита” на 2008 год», от 25 декабря 2008 г. № 232 «Об утверждении Бюджета городского округа “Город Чита” на 2009 год»;

– решение Региональной службы по тарифам и ценообразованию Забайкальского края от 16 декабря 2008 № 243 «Об утверждении тарифов на тепловую энергию, отпускаемую котельной ФГУП “88 центральный автомобильный ремонтный завод” муниципального образования городской округ “Город Чита”, на 2009 год» (*);

[18] В вышеуказанных актах арбитражных судов отдельные документы указаны без наименования документа (указаны только дата и номер). Здесь этот недостаток устранен. Устранены также незначительные погрешности в указании реквизитов документов, имевшиеся в решении суда первой инстанции.

[19] Согласно п. 2 ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса РФ обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела, определяются арбитражным судом на основании требований и возражений лиц, участвующих в деле, в соответствии с подлежащими применению нормами материального права.

[20] Знаком (*) помечены нормативные правовые акты, ныне утратившие силу.

[21] Представительный орган муниципального образования – городского округа «Город Чита».

– решение Региональной службы по тарифам Читинской области от 10 сентября 2008 г. № 89 «О внесении изменений в Решение Региональной службы по тарифам Читинской области от 21 ноября 2006 года № 283 “Об утверждении тарифов на тепловую энергию, отпускаемую котельной ФГУП «88 центральный автомобильный ремонтный завод» на 2007 год”» (*);

– Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2006 г. № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации»;

– гражданско-правовые договоры, имеющие отношение к данному делу (договор на оказание услуг по отпуску и оплате тепловой энергии в горячей воде для потребления населением жилых домов и пр.), и другие документы.

Не получив удовлетворения в системе арбитражных судов, муниципальное образование – городской округ «Город Чита» обратилось в Конституционный Суд РФ. Именно жалоба этого муниципального образования явилась поводом к рассмотрению дела о проверке конституционности положения Закона об общих принципах организации местного самоуправления, которым к вопросам местного значения городского округа отнесена «организация в границах городского округа электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, водоотведения, снабжения населения топливом». Основанием же к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции РФ оспариваемое заявителем законоположение.

В своей жалобе в Конституционный Суд РФ муниципальное образование – городской округ «Город Чита» заявило, что считает, что п. 4 ч. 1 ст. 16 Закона об общих принципах организации местного самоуправления, допускающий (по смыслу, придаваемому ему в практике арбитражных судов) возложение на органы местного самоуправления без предоставления им соответствующей компенсации бремени расходов по обязательствам, которые возникают в результате решений, принимаемых органами государственной власти субъектов РФ в пределах их полномочий, ограничивает самостоятельность местного самоуправления в вопросах местного значения, нарушает имущественные права муниципальных образований и тем самым противоречит ст. 7, 10, 12, ч. 1 ст. 72, ст. 132, 133 Конституции РФ.

Поскольку нормативное положение п. 4 ч. 1 ст. 16 Закона об общих принципах организации местного самоуправления, в той части этого положения, в какой оно относит организацию теплоснабжения населения городского округа к вопросам местного значения городского округа, арбитражные суды применили как нормативно-правовое основание для возложения на городской округ «Город Чита» финансовых обязательств по компенсации теплоснабжающей организации расходов, обусловленных установлением тарифа на производимую ею тепловую энергию для населения на уровне ниже экономически обоснованного, указанное нормативное положение Закона явилось предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ только в той мере, в какой оно служит нормативно-правовым основанием для возложения на городские округа финансовых обязательств по возмещению теплоснабжающим организациям расходов, обусловленных установлением тарифа на соответствующие услуги для населения на уровне ниже экономически обоснованного[22].

По итогам рассмотрения жалобы Конституционный Суд РФ постановил признать положение п. 4 ч. 1 ст. 16 Закона об общих принципах организации местного самоуправления, относящее к вопросам местного значения городского округа организацию в границах городского округа теплоснабжения населения, не соответствующим Конституции РФ, ее ст. 12, 130 (ч. 1), 132 и 133, в той мере, в какой это положение в системе действующего правового регулирования служит нормативно-правовым основанием для возложения на городские округа финансовых обязательств по возмещению теплоснабжающим организациям дополнительных расходов, обусловленных установлением уполномоченным органом

[22] Как следует из ст. 74 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2010 г.), Конституционный Суд РФ, проверяя конституционность оспариваемого положения закона, оценивает как буквальный смысл оспариваемого положения, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием и сложившейся правоприменительной практикой, а также исходит из места этого законоположения в системе правовых норм.

исполнительной власти субъекта РФ тарифа на их услуги для населения на уровне ниже экономически обоснованного, при отсутствии принятого в установленном федеральным законом порядке закона субъекта РФ, наделяющего органы местного самоуправления соответствующими полномочиями с предоставлением необходимых для их реализации, включая компенсацию межтарифной разницы, финансовых и материальных средств.

Конституционный Суд РФ также постановил, что дело с участием муниципального образования – городского округа «Город Чита» подлежит пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

Тезисно содержание правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 29 марта 2011 г. № 2-П и лежащей в основе решения, принятого по жалобе городского округа «Город Чита», можно изложить следующим образом.

1. Из положений Конституции РФ, в частности ст. 133, согласно которой местное самоуправление в Российской Федерации гарантируется правом на компенсацию дополнительных расходов, возникших в результате решений, принятых органами государственной власти, запретом на ограничение прав местного самоуправления, установленных Конституцией РФ и федеральными законами, следует, что, устанавливая правовые основы компетенции муниципальных образований, законодатель не вправе действовать произвольно. Его решения в этой сфере должны сообразовываться с конституционными основами разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами РФ, учитывать конституционную природу местного самоуправления как наиболее приближенного к населению территориального уровня публичной власти и вместе с тем соответствовать требованию формальной определенности, вытекающему из конституционного принципа равенства всех перед законом, что предполагает ясное, четкое и непротиворечивое определение компетенции муниципальных образований, последовательное разграничение вопросов местного значения, решение которых возложено на органы местного самоуправления, и вопросов государственного значения, решение которых возложено на федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов РФ.

Иное означало бы, что законодатель вправе закрепить за местным самоуправлением неопределенные по объему полномочия, а органы местного самоуправления вправе реализовывать их произвольным образом, что вело бы к нарушению принципа разграничения полномочий между территориальными уровнями публичной власти, ставило бы под сомнение надлежащее финансово-экономическое обеспечение местного самоуправления соразмерно его полномочиям, а в результате создавало бы угрозу невыполнения или ненадлежащего выполнения органами местного самоуправления их конституционных обязанностей, в том числе по обеспечению прав и свобод человека и гражданина.

2. Закон об общих принципах организации местного самоуправления устанавливает общие правовые, территориальные, организационные и экономические принципы организации местного самоуправления, определяет государственные гарантии его осуществления. В рамках этих общих принципов Закон закрепляет правовые основы компетенции муниципальных образований, включая определение содержания и состава вопросов местного значения и установление полномочий органов муниципальных образований по их решению.

Отнесение федеральным законодателем части вопросов в сфере теплоснабжения населения к вопросам местного значения городских округов, с тем чтобы гражданам предоставлялся необходимый для нормальной жизнедеятельности объем тепловой энергии, соответствует тому, что основная цель местного самоуправления – решение вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью и тем самым удовлетворение основных жизненных потребностей населения[23].

[23] Соответствующая правовая позиция выражена в Постановлении Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2010 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности части 8 статьи 4 и частей 2, 3 и 4 статьи 9 Федерального закона “Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” в связи с жалобой администрации города Благовещенска» (на это Постановление дана отсылка в Постановлении Конституционного Суда РФ от 29 марта 2011 г. № 2-П).

3. Положение п. 4 ч. 1 ст. 16 Закона об общих принципах организации местного самоуправления, возлагающее на городские округа организацию теплоснабжения населения, имеет характер общей нормы. Оно устанавливает соответствующее направление деятельности городского округа, но не объем его полномочий для решения этого вопроса. Такие полномочия и обусловленные ими финансовые обязательства городских округов в сфере теплоснабжения определяются в системе правового регулирования, включающей помимо названного Закона специальные федеральные законы, регулирующие правоотношения в этой сфере, а также бюджетное законодательство, и с учетом соответствующей компетенции иных территориальных уровней публичной власти.

4. Федеральными законами установление тарифов (в пределах, определенных на федеральном уровне власти) на тепловую энергию возложено на органы исполнительной власти субъектов РФ.

Введение предельных уровней тарифов направлено на противодействие монополизации и недобросовестной конкуренции, выступает государственной гарантией доступности теплоэнергетических ресурсов для потребителей, прежде всего для населения, препятствует экономически не обоснованному росту тарифов, предполагает возможность установления льготных тарифов и тем самым призвано не допустить резкого ухудшения социального положения граждан.

Вместе с тем такое тарифное регулирование допускает возникновение разницы между тарифом, утвержденным для потребителей, и экономически обоснованным тарифом, отражающим затраты теплоснабжающей организации на производство тепловой энергии, а потому ведет к необходимости возмещения теплоснабжающей организации ее экономических потерь, обусловленных межтарифной разницей. Установить правовой механизм такого возмещения законодателя обязывают следуемые из Конституции РФ требования[24], в силу которых при регулировании предпринимательской деятельности следует исходить из того, что ограничения федеральным законом прав владения, пользования и распоряжения имуществом, а также свободы предпринимательской деятельности и свободы договоров должны отвечать требованиям справедливости, быть адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты основных конституционных ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, а государственное вмешательство должно обеспечивать баланс частного и публичного начал в сфере экономической деятельности.

5. Поскольку межтарифная разница является следствием реализации полномочий по государственному регулированию тарифов, субъектом, обязанным возместить теплоснабжающей организации расходы, обусловленные установлением тарифа на уровне ниже экономически обоснованного, должно быть то публично-территориальное образование, уполномоченным органом которого было принято такое тарифное решение, т. е. субъект РФ.

Между тем, поскольку федеральное законодательство о теплоснабжении не определяет уполномоченного субъекта и не устанавливает конкретные организационно-правовые и финансово-бюджетные механизмы компенсации теплоснабжающим организациям потерь при применении тарифа, не обеспечивающего в полном объеме возмещение экономически обоснованных затрат на ее производство, в правоприменительной практике компенсаци-

[24] Эти требования вытекают и из правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в постановлениях от 18 июля 2003 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 35 Федерального закона “Об акционерных обществах”, статей 61 и 99 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и статьи 14 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А. Б. Борисова, ЗАО “Медиа-Мост” и ЗАО “Московская Независимая Вещательная Корпорация”»; от 16 июля 2004 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений части второй статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. Д. Егорова и Н. В. Чуева»; от 31 мая 2005 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона “Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств” в связи с запросами Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай, Волгоградской областной Думы, группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина С. Н. Шевцова»; от 28 февраля 2006 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “О связи” в связи с запросом Думы Корякского автономного округа» (на эти постановления дана отсылка в Постановлении Конституционного Суда РФ от 29 марта 2011 г. № 2-П).

Ученые записки юридического факультета. Вып. 28 (38). 2013

онные обязанности возлагаются на местное самоуправление. Формальным основанием для этого служит расширительное толкование правоприменителями п. 4 ч. 1 ст. 16 Закона об общих принципах организации местного самоуправления, который, по сути, рассматривается как обязывающий городские округа не только осуществлять организационную деятельность в сфере теплоснабжения населения, но и нести всю полноту ответственности за возмещение теплоснабжающим организациям потерь из-за межтарифной разницы.

6. Согласно Бюджетному кодексу РФ бюджет публично-правового образования предназначен для исполнения его расходных обязательств. Эти обязательства обусловливаются установленным законодательством РФ разграничением полномочий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления.

Соответственно, финансирование из местных бюджетов расходных обязательств, возникших из решений органов государственной власти, не допускается. Это согласуется с конституционными принципами финансово-экономического обеспечения местного самоуправления, в силу которых в муниципальной собственности должно находиться имущество, необходимое для решения задач, возложенных на местное самоуправление, а население – непосредственно или через органы местного самоуправления – самостоятельно в рамках закона определяет конкретные направления и объемы использования муниципальной собственности, включая средства местных бюджетов.

Анализ регионального правового регулирования показывает, что в отдельных субъектах РФ (в частности, в Забайкальском крае) сложилась практика предоставления местным бюджетам из бюджета субъекта РФ межбюджетных трансфертов в форме субсидий на компенсацию (возмещение) расходов организаций, оказывающих услуги по теплоснабжению населения. При этом их размеры, условия предоставления и расходования определяются субъектами РФ по своему усмотрению и могут не покрывать полностью затраты муниципального образования, что не рассматривается арбитражными судами в качестве основания для освобождения городских округов от обязанности осуществлять недостающее возмещение из своего бюджета.

Согласно Бюджетному кодексу РФ (п. 1 ст. 139) под субсидиями местным бюджетам из бюджета субъекта РФ понимаются межбюджетные трансферты, предоставляемые бюджетам муниципальных образований в целях софинансирования расходных обязательств, возникающих при выполнении полномочий органов местного самоуправления по вопросам местного значения, к каковым выплата теплоснабжающим организациям компенсаций на покрытие межтарифной разницы, как и установление самих тарифов, не относится.

Поэтому возложение на городские округа финансовых обязательств, возникающих не из их решений, а из решений, принятых органами исполнительной власти субъектов РФ, нарушает не только установленный Бюджетным кодексом РФ принцип самостоятельности бюджетов (ст. 31 Бюджетного кодекса РФ), но и конституционный принцип самостоятельности местного самоуправления, в том числе в управлении муниципальной собственностью, формировании и исполнении местного бюджета, а также конституционное право граждан на осуществление местного самоуправления и тем самым противоречит Конституции РФ, ее ст. 130 (ч. 1), 132 (ч. 1) и 133.

7. Согласно ч. 6 ст. 7 («Принципы регулирования цен (тарифов) в сфере теплоснабжения и полномочия органов исполнительной власти, органов местного самоуправления поселений, городских округов в области регулирования цен (тарифов) в сфере теплоснабжения») Федерального закона «О теплоснабжении» органы местного самоуправления могут (за определенными исключениями) наделяться законом субъекта РФ полномочиями на государственное регулирование тарифов на тепловую энергию, отпускаемую потребителям на территории муниципального образования. Но в случае наделения органов местного самоуправления такими полномочиями на них же возлагается и обязанность компенсировать межтарифную разницу. Такая обязанность может быть возложена на них и в качестве самостоятельного государственного полномочия – путем принятия (согласно ст. 19 Закона об общих принципах организации местного самоуправления) закона субъекта РФ, который должен вводиться в действие ежегодно законом субъекта РФ о бюджете этого субъекта РФ на очередной финансовый год, при условии, что в нем предусмотрено предоставле-

ние субвенций на осуществление этого полномочия. При этом расходные обязательства, возникающие у муниципального образования в связи с осуществлением переданных ему государственных полномочий, должны исполняться за счет и в пределах субвенций, специально предоставленных ему из бюджета субъекта РФ (ст. 86 Бюджетного кодекса РФ).

Из этого следует, что обязанность по возмещению теплоснабжающим организациям их потерь из-за межтарифной разницы, возникшей вследствие установления органом исполнительной власти субъекта РФ тарифа для населения на уровне ниже экономически обоснованного, может быть возложена на органы местного самоуправления городских округов только в случае наделения их соответствующими полномочиями с предоставлением финансовых и материальных средств, необходимых для реализации полномочий.

8. Таким образом, положение п. 4 ч. 1 ст. 16 Закона об общих принципах организации местного самоуправления, относящее к вопросам местного значения городского округа организацию теплоснабжения населения, не соответствует Конституции РФ, ее ст. 12, 130 (ч. 1), 132 и 133, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования оно служит нормативно-правовым основанием для возложения на городские округа финансовых обязательств по возмещению теплоснабжающим организациям расходов, обусловленных установлением органом исполнительной власти субъекта РФ тарифа на их услуги для населения на уровне ниже экономически обоснованного, при отсутствии принятого в установленном порядке закона субъекта РФ, наделяющего органы местного самоуправления соответствующими полномочиями с предоставлением им финансовых и материальных средств, необходимых для реализации полномочий, включая полномочия и средства для компенсации межтарифной разницы.

После принятия рассмотренного здесь Постановления Конституционного Суда РФ Распоряжением Правительства РФ от 20 декабря 2011 г. № 2268-р в Государственную Думу Федерального Собрания РФ был внесен проект федерального закона о внесении изменений в Закон об общих принципах организации местного самоуправления.

Как указано в пояснительной записке к законопроекту[25], он подготовлен с целью приведения действующего законодательства в соответствие с Постановлением Конституционного Суда РФ от 29 марта 2011 г. № 2-П.

В связи с этим Постановлением Конституционного Суда РФ Правительство РФ предложило дополнить п. 4 ч. 1 ст. 14, п. 4 ч. 1 ст. 15 и п. 4 ч. 1 ст. 16 Закона об общих принципах организации местного самоуправления словами «в пределах полномочий, установленных законодательством Российской Федерации» «с тем, чтобы исключить вменение в обязанность органам местного самоуправления осуществление не свойственных им полномочий в сфере электро-, тепло- и газоснабжения». Также предлагалось дополнить ст. 18 этого Закона «новой частью 4, закрепляющей норму о недопущении возложения на органы местного самоуправления обязанности по финансированию расходов, возникших в связи с осуществлением органами государственной власти и (или) органами местного самоуправления иных муниципальных образований своих полномочий». Как сказано в пояснительной записке к законопроекту, такая «норма позволит исключить вменение в обязанность органам местного самоуправления предоставления теплоснабжающим организациям компенсации межтарифной разницы, возникающей вследствие установления органами государственной власти субъектов Российской Федерации тарифов на тепловую энергию на уровне ниже экономически обоснованных размеров».

В результате Федеральным законом от 25 июня 2012 г. № 91-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» п. 4 ч. 1 ст. 14, п. 4 ч. 1 ст. 15 и п. 4 ч. 1 ст. 16 Закона об общих принципах организации местного самоуправления были дополнены процитированными выше словами, а в ст. 18 этого Закона добавлена часть 4 следующего содержания: «Возложение на муниципальные образования обязанности финансирования расходов, возникших

[25] Пояснительная записка «К проекту Федерального закона “О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»”» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в связи с осуществлением органами государственной власти и (или) органами местного самоуправления иных муниципальных образований своих полномочий, не допускается».

Послесловие

В заключение следует указать основные причины, по которым для представленной здесь главы учебного пособия среди множества постановлений Конституционного Суда РФ выбрано именно Постановление от 29 марта 2011 г. № 2-П. Таких причин несколько: 1) это Постановление полностью отвечает теме главы; 2) из содержания Постановления хорошо понятен (и поучителен для студентов) методологический подход Конституционного Суда РФ к решению проблемы; 3) общедоступность предыстории Постановления позволяет студентам самостоятельно (в ходе подготовки к семинарскому занятию) изучить всю «судебную историю» проблемы; 4) правовая позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в Постановлении, не проста и в то же время достаточно интересна, а это позволяет организовать интересное семинарское занятие по ее анализу; 5) помимо «традиционных» (образно говоря) практических следствий принятия постановления Конституционного Суда РФ, следствием данного Постановления явилось внесение изменений в отечественное законодательство, содержание и история которых также могут служить интересной темой для обсуждения на семинарском занятии.

Аннотация. Представлена глава учебного пособия «Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам бюджетной деятельности субъектов Российской Федерации», в которой рассматриваются правовые позиции Конституционного Суда РФ по вопросам бюджетного обеспечения взаимодействия органов государственной власти субъекта РФ и органов местного самоуправления. В качестве примера (методологического характера) анализируется Постановление Конституционного Суда РФ от 29.03.2011 № 2-П. Предложены вопросы студентам для самостоятельного изучения и обсуждения на семинарах.

Ключевые слова. Конституционный Суд Российской Федерации, правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, бюджет, субъект Российской Федерации, местное самоуправление, муниципальное образование.

Annotation. It is presented a chapter of the textbook «Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on budgetary activity of subjects of the Russian Federation», in which the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation concerning budgetary maintenance of interaction of public authorities of a subject of the Russian Federation and agencies of local self-government are considered. As an methodological example the Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation, No 2-П of 29.03.2011, is analyzed. Questions are suggested students for self-study and discussions at seminars.

Keywords. The Constitutional Court of the Russian Federation, legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation, budget, subject of the Russian Federation, local self-government, municipality.

ВИЛОВА МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА

Родилась в Архангельске. Окончила Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Специальность – юриспруденция. В 2010 г. Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова. Специальность – бухгалтерский учет, анализ, аудит. Окончила магистратуру Европейского университета Виадрина.

Ведущий специалист-эксперт отдела по делам некоммерческих организаций Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Архангельской области и Ненецкому автономному округу.

Контактная информация для переписки: mvilova@mail.ru

VILOVA MARINA

Was born in Arkhangelsk. Graduated from the Pomeranian State University of M. V. Lomonosov. Specialty – jurisprudence. In 2010, the Northern (Arctic) Federal University of M. V. Lomonosov. Specialty – accounting, analysis, audit. Graduate of the European University Viadrina. Leading Expert of Department for non-profit organizations Office of the Ministry of Justice of the Arkhangelsk Region and Nenets Autonomous District.

E-mail: mvilova@mail.ru

ВЛАДИМИРОВА НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА

Родилась в г. Ленинграде. В 2002 г. окончила юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Соискатель ученой степени кандидата юридических наук.

Помощник нотариуса в нотариальной конторе нотариуса Шеляковой Л. А.

Контактная информация для переписки: Vlanatana@mail.ru

VLADIMIROVA NATALYA

Was born in Leningrad. In 2002 has ended faculty of law of the St.-Petersburg State University. Competitor of the degree of candidate of legal sciences. Assistant to the notary in the notary office of the notary Sheliakova L. A.

E-mail: Vlanatana@mail.ru

ГОТЧИНА ЛАРИСА ВЛАДИМИРОВНА

Родилась в г. Валуйки Белгородской обл. Окончила Белгородский юридический институт МВД России, факультет юриспруденции и Белгородскую государственную академию по специальности бухгалтерский учет и аудит.

Заместитель начальника кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России. Кандидат социологических наук, доцент.

Контактная информация для переписки: lgotchina@yandex.ru

GOTCHINA LARISA

Was born in Valuiki of the Belgorod region. Has graduated from the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, faculty of law and Economic Belgorod State Academy in accounting and auditing.

Deputy of the chief of chair of criminal law of the St.-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the candidate of social sciences, the senior lecturer.

E-mail: lgotchina@yandex.ru

ГРЕЦ МАКСИМ ГЕОРГИЕВИЧ

Родился в 1988 г. в Смоленске. Окончил факультет международных отношений Северо-Западной академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (ныне – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации).

Аспирант кафедры правового регулирования экономики юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактная информация для переписки:
kafedrapre@rambler.ru

GRETS MAXIM

Was born in 1988 in Smolensk. Has ended faculty of International Relations of the North-West Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation (now – the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation).

Postgraduate of faculty of law of chair of the legal regulation of the economy of the St.-Petersburg State University of Economy.

E-mail: kafedrapre@rambler.ru

ЖУРАВЛЕВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Родился в Москве. В 2009 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук в ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».

Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Российской международной академии туризма.

Контактная информация для переписки:
zhuravlev_vi@mail.ru

ZHURAVLEV VLADIMIR

Was born in Moscow. In 2009 defended his thesis for the degree of Candidate of Sciences in GOU VPO «Saratov State Academy of Law.»

The senior lecturer of chair of Public Law Subjects of the Russian International Academy of Tourism.

E-mail: zhuravlev_vi@mail.ru

ИВАНЧЕНКО ОКСАНА ПАВЛОВНА

Родилась в Киеве, Украина. Окончила юридический факультет Киевского национального университета им. Тараса Шевченко. Юрист в ООО «Адвокатская компания «МЛГруп».

Контактная информация для переписки:
ivanchenko@mlgroup.com.ua

IVANCHENKO OKSANA

Was born in Kiev, Ukraine. Has ended faculty of law of the Kiev National University of T. Shevchenko. Lawyer in LLC «Law Firm» MLGrup».

E-mail: ivanchenko@mlgroup.com.ua

ЛИВЕРОВСКИЙ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Родился в 1947 г. в Ленинграде. Окончил математико-механический и юридический факультеты Ленинградского государственного университета. Доктор юридических наук. Профессор кафедры конституционного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактная информация для переписки: pravo@finec.ru

LIVEROVSKIY ALEXEI

Was born in 1947 in Leningrad. Has ended faculty of law and faculty of mathematics and mechanics of the Leningrad State University. The doctor of jurisprudence, professor of chair of constitutional law of the St.-Petersburg State University of Economy.

E-mail: pravo@finec.ru

МОСИН ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВИЧ

Родился в 1944 г. в Красноярске. Окончил Ленинградский механический институт (Военмех), Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов и юридический факультет Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Адвокат Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов. Доцент кафедры правового регулирования экономики Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Кандидат технических наук, доцент.

Контактная информация для переписки: mosin_ef@mail.tu

MOSIN EUGENE

Was born in 1944 in Krasnoyarsk. Graduated from the Leningrad Mechanical Institute (Voenmekh), St. Petersburg State University of Economy and Finance and faculty of law of St.-Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. The lawyer of the St.-Petersburg City Bar Association. The senior lecturer of chair of the legal regulation of the economy of the St.-Petersburg State University of Economy. The candidate of technical sciences, the senior lecturer.

E-mail: mosin_ef@mail.tu

НОВИКОВ АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ

Родился в 1963 г. в Ленинграде. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.

Профессор кафедры правового регулирования экономики Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Кандидат юридических наук, доцент.

Контактная информация для переписки:
kafedrapre@rambler.ru

NOVIKOV ANDREY

Was born in 1963 in Leningrad. Has ended faculty of law of the St.-Petersburg State University.

Professor of chair of legal regulation of the economy of the St.-Petersburg State University of Economy. The candidate of jurisprudence, the senior lecturer.

E-mail: kafedrapre@rambler.ru

НОВИКОВА ВАЛЕРИЯ АНДРЕЕВНА

Родилась в Ленинграде. Окончила в 2008 г. бакалавриат, в 2010 г. магистратуру факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета и совместную двухдипломную магистерскую программу Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов и Гамбургского университета Master of International Business Administration.

Аспирант кафедры правового регулирования экономики Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактная информация для переписки: chefin@mail.ru

NOVIKOVA VALERIYA

Was born in Leningrad. In 2008 has ended bachelor's degree and in 2010 master's degree of faculty of international relationships of the St.-Petersburg State University and a joint master's program (dual degree) of the St.-Petersburg State University of Economy and Finance, and the University of Hamburg Master of International Business Administration. Postgraduate of faculty of law of chair of the legal regulation of the economy of the St.-Petersburg State University of Economy.

E-mail: chefin@mail.ru

НОСКОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА

Родилась в Симферополе, Украина.

Окончила юридический факультет и факультет подготовки научных и научно-педагогических кадров Санкт-Петербургского университета МВД России.

Юрисконсульт филиала Федерального казенного учреждения «Главный центр специальных перевозок МВД России» «Центр специальных перевозок МВД России на Октябрьской железной дороге».

Контактная информация для переписки:
noskova_ia@mail.ru

NOSKOVA IRINA

Was born in Simferopol, Ukraine.

Has ended faculty of law and faculty of scientific and scientific-pedagogical personnel of the St.-Petersburg University of the Russian Interior Ministry.

The legal adviser of branch office of federal public institution «Main center of special transportations of the Ministry of Internal Affairs of Russia» «The Center of special transportations of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the October railway».

E-mail: noskova_ia@mail.ru

ОВСЕПЯН ЖАННА ИОСИФОВНА

Заведующая кафедрой государственного (конституционного) права Южного Федерального университета. Член Общественной палаты Ростовской области Российской Федерации. Заслуженный работник высшей школы РФ.

Профессор, доктор юридических наук.

Контактная информация для переписки:
ovsepyan-g-i@yandex.ru

OVSEPIAN ZHANNA

Head of the chair of state (constitutional) rights of the Southern Federal University. Member of the Public Chamber of the Rostov region of the Russian Federation. Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation. The doctor of jurisprudence, professor.

E-mail: ovsepyan-g-i@yandex.ru

ПЫЛИН ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился в 1940 г. в Ленинграде. Окончил в 1965 г. Ленинградский институт авиационного приборостроения и высшую партийную школу при ЦК КПСС. В 1991 г. – Московский юридический институт.

Заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

Доктор юридических наук, профессор.

Контактная информация для переписки: vpylin@mail.ru

PYLIN VLADIMIR

Was born in 1940 in Leningrad. In 1965 has ended the Leningrad Institute of Aviation Instrument and the Higher Party School of the Central Committee. In 1991 has ended Moscow Institute of law. Head of chair of the constitutional and municipal law of the St.-Petersburg State Polytechnic University. The doctor of jurisprudence, professor.

E-mail: vpylin@mail.ru

РАДОШНОВА НАТАЛИЯ ВАЛЕРЬЕВНА

Родилась в Ленинграде. Окончила дефектологический факультет Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена и юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.

Аспирантка кафедры уголовно-правовой охраны экономических отношений юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Юрист в ООО «Меридиан».

Контактная информация для переписки:
radoshnova@bk.ru

RADOSHNOVA NATALIA

Was born in Leningrad. Has ended faculty of defectology of the Leningrad State Pedagogical University of A.I. Herzen and faculty of law of the St.-Petersburg State University of Economy and Finance. Postgraduate of chair of the criminal law protection of economic relations of faculty of law of the St.-Petersburg State University of Economy.

A lawyer in LTD «Meridian».

E-mail: radoshnova@bk.ru

СТРУКОВА МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА

Родилась в г. Грозный ЧИАССР. В 2007 г. окончила бакалавриат юридического факультета Российского университета дружбы народов по специальности «Юриспруденция». В 2010 г. окончила магистратуру юридического факультета по специальности «Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право».

Аспирант кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Российского университета дружбы народов.

Контактная информация для переписки:
marina-strukova@mail.ru

STRUKOVA MARINA

Was born in Grozny CHIASSR. In 2007 graduated from the faculty of law of Russian University of Peoples' Friendship majoring in law. In 2010 graduated from the faculty of law master's specialty majoring in criminal law, criminology, penal law.

Graduate student of criminal law and process law faculty of the Russian University of Peoples' Friendship.

E-mail: marina-strukova@mail.ru

ТАРАЙКО ВАЛЕРИЙ ИОСИФОВИЧ

Родился в 1955 г. в Житомирской области Республики Украина. Окончил Высшее политическое училище МВД СССР и Академию МВД России.

Старший научный сотрудник Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова.

Кандидат юридических наук, доцент.

Контактная информация для переписки:
grinder87@rambler.ru

TARAYKO VALERY

Was born in 1955 in Zhitomir region of Ukraine. Has ended Higher Political School of the USSR Ministry of Internal Affairs and the Academy of the Russian Interior Ministry. Senior Research Fellow of the Northern (Arctic) Federal University of M. V. Lomonosov. The candidate of jurisprudence, the senior lecturer.

E-mail: grinder87@rambler.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Ученые записки юридического факультета» Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов приглашает к сотрудничеству авторов научных работ – правоведов, юристов-практиков, сотрудников органов государственной власти и местного самоуправления.

Присланные авторами статьи проходят обязательное рецензирование. Материалы студентов, аспирантов и соискателей принимаются при наличии рекомендации научного руководителя.

Для публикации необходимо представить в редакцию рукопись в двух формах – на бумажном и электронном носителях. Средний объем рукописи 0,5–1,0 авторских листа (20 000–40 000 знаков, включая пробелы). Текст рукописи должен быть представлен в формате: Word for Windows, формат страницы А4 (210х297), поля – 20 мм, шрифт Times New Roman, размер шрифта (кегль) – 14, интервал – полуторный. Пристатейный библиографический список оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Кроме файла с основным текстом статьи, должен быть представлен отдельный файл с информацией об авторе/ах:

– фамилия, имя, отечество автора;
– год и место рождения;
– образование (с указанием высшего учебного заведения и факультета);
– место работы, должность;
– ученое звание, ученая степень (если имеются);
– контактная информация (почтовый адрес, контактный телефон и адрес электронной почты).

В приложении к тексту статьи должны быть представлены следующие сведения **на русском и английском языках**:

– фамилия, имя, отечество автора;
– название статьи;
– ключевые слова (5-6 слов) и аннотация, отражающая содержание статьи (50–250 слов).

Фотография автора/ов (отдельным файлом в формате jpeg с высоким разрешением) обязательна.

Редакция оставляет за собой право не рассматривать рукописи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями.

Контактная информация:

Почтовый адрес: 191023, Санкт-Петербург, Москательный пер., д. 4

Телефон: (812) 310-91-91, 570-20-86

E-mail: zapiski@finec.ru; pravo@finec.ru

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
юридического факультета

Научный редактор А. А. Ливеровский
Выпуск 28 (38)

Редакторы *Ю. К. Мамедова, Р. Я. Гучмазова*
Компьютерная верстка – *С. В. Павлова*
Свидетельство ПИ № 2-7308 от 11 июня 2004 г. выдано Северо-Западным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Лицензия № 040050 от 15.08.96.
Подписано в печать 21.03.2013 г. Формат 60x84$^{1}/_{8}$ Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,325. Уч.-изд. л. 11,75.
Тираж 500 экз. Заказ

Отпечатано в типографии ООО «Веда-Полиграф»
196084, Санкт-Петербург, ул. Заставская, 33
(812) 347-76-45